

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

1 (55) 2023
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

1 (55) 2023
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

К ЮБИЛЕЮ КОЛЛЕГИ

К 75-летию И.А. Стернина	8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. (<i>Воронеж, Россия</i>) Особенности актуализации значений лексем <i>CITY</i> и <i>TOWN</i> в языковом сознании субординативных билингов	10
Бочкарев А.И. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений	24
Го Лицзюнь (<i>Гуанчжоу, Китай</i>), Щетинина А.В. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Актуальная эмотивная лексика в русском и китайском языках: новые слова и значения	36
Кольцова Н.В., Чулкина Н.Л. (<i>Москва, Россия</i>) Трансформация концептуального поля «Богатство» с конца XX века до наших дней	50
Морозова И.А., Селезнева К.О. (<i>Борисоглебск, Россия</i>) Лексема <i>Воспитание</i> в сознании носителей русского языка	69
Налетова Н.В., Григорьева А.С. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Ассоциативно-вербальная сеть языка <i>PLAUTDIETSCH</i> немцев-меннонитов Сибири	78
Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Провакс- и антивакс- шейминг как один из видов конфликтной интернет-коммуникации	94
Щербакова О.В., Обольская В.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2	112

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Гудков Д.Б. (<i>Москва, Россия</i>) Социологический опрос как политическое высказывание	128
Теркулов В.И. (<i>Донецк, Россия</i>) Украинский язык: время возникновения	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чижова Л.А. (<i>Москва, Россия</i>) Первое заседание Методического лингвистического семинара на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: итоги и перспективы (2 марта 2023 года)	150

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления статей	154

ANNIVERSARY OF A COLLEAGUE	
To the 75 th anniversary of I.A. Sternin	8
THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES	
Barabushka I.A., Krivenko L.A. (<i>Voronezh, Russia</i>) Peculiarities of actualization of the meaning of lexemes <i>CITY</i> and <i>TOWN</i> in the linguistic consciousness of subordinate bilinguals	10
Bochkarev A.I. (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Emotional reaction of the audience as a way to assess the humorous and axiological status of various phenomena	24
Guo Lijun (<i>Guangzhou, China</i>), Shchetinina A.V. (<i>Ekaterinburg, Russia</i>) Actual emotive vocabulary in Russian and Chinese: new words and meanings	36
Koltsova N.V., Chulkina N.L. (<i>Moscow, Russia</i>) Transformation of the conceptual field “Wealth” from the end of the 20 th century to the present day	50
Morozova I.A., Selezneva K.O. (<i>Borisoglebsk, Russia</i>) Lexeme <i>Upbringing</i> in the language consciousness of Russian speakers	69
Naletova N.V., Grigoryeva A.S. (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Association-verbal network of the language <i>Plautdietsch</i> of the Mennonite Germans of Siberia	78
Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. (<i>Ufa, Russia</i>) Provax- and antivax-shaming as a form of conflict internet-communication	94
Shcherbakova O.V., Obolskaya V.A. (<i>St.-Petersburg, Russia</i>) Between reader and text and reader: Research framework for studying the comprehension of implicit meanings in verbal texts. Part 2.	112
DISCUSSION	
Gudkov D.B. (<i>Moscow, Russia</i>) A sociological survey as a political statement	128
Terkulov V.I. (<i>Donetsk, Russia</i>) Ukrainian language: Time of origin	137
SCIENTIFIC LIFE	
Chizhova L.A. (<i>Moscow, Russia</i>) The first meeting of the Methodological linguistic seminar at the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University: results and perspectives	150
INFORMATION	
Article Submission Guidelines	154

**Стернин Иосиф Абрамович
(29 апреля 1948 — 5 марта 2022)**

29 апреля 2023 года Иосифу Абрамовичу Стернину исполнилось бы 75 лет. Он не дожид до этого своего юбилея, и мы не сможем поздравить его лично, но мы можем помянуть добрым словом его светлую память.

Иосиф Абрамович всегда был и оставался в центре – любого коллектива, дела. Яркая харизма и беззаветное служение делу, за которое он брался, привлекали и удерживали в орбите его влияния молодежь, да и людей любого возраста.

Он много работал в нашем журнале «Вопросы психолингвистики», был многолетним членом Редакционного совета, любимым автором и самым безотказным рецензентом, на которого всегда можно было взвалить самую сложную и срочную работу. Иосиф Абрамович придумал и в течение трех лет вел в журнале рубрику «Психолингвистика в регионах», материалы которой легли в основу коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)». Много и также безотказно он оппонировал диссертации наших аспирантов и докторантов, писал внешние отзывы.

Последним его научным и человеческим подвигом был выпуск коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» М., 2021. Для него лично год 2021 оказался трагическим, открылось тяжелое заболевание, с которым он мужественно боролся. Для Отдела психолингвистики Института языкознания РАН год также оказался не менее трагическим. В конце 2021 отдел был сокращен, а сотрудники уволены. И Иосиф Абрамович отдал практически все свои последние силы борьбе за справедливость, организовывал и писал письма в нашу поддержку, а главное – собрал и отредактировал вместе с Е.Ю. Мягковой огромную коллективную монографию, в которой одних только авторов 57. Он видел в этой монографии главный аргумент в защиту Отдела психолингвистики и самого нашего научного направления, которое сформировалось в отечественном языкознании и объединило множество специалистов из разных регионов России. Работа Иосифа Абрамовича над этой монографией – это настоящий человеческий и научный подвиг, подвиг полного самоотвержения ради дела, которому он служил всю жизнь. И еще он прекрасно понимал, что никто кроме него с этой задачей не справится. Только он смог собрать и объединить такое количество очень талантливых, но очень разных людей, заразить их своей верой в чрезвычайную важность и нужность этого дела и буквально заставить их подчиниться тем жестким срокам, которые он определил: за два летних месяца 2021 года написать свои разделы. Самое удивительное – никто его не подвел, никто не отказался, и к началу сентября он начал свой последний титанический труд – труд главного редактора, он очень торопился сам и торопил своих коллег. И в начале ноября 2021 года книга была сдана в печать. Он успел подержать ее в руках, успел порадоваться вместе со всеми ее авторами. Он до конца боролся за себя и за дело, в важности и нужности которого он нисколько не сомневался. Он всегда был созидателем и объединителем.

Вечная ему память!

Благодарные коллеги-психолингвисты

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111

ББК 81.23

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-10-23

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ *CITY* И *TOWN* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СУБОРДИНАТИВНЫХ БИЛИНГВОВ

Барабушка Ирина Алексеевна

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Кривенко Людмила Александровна

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация

Ввиду того, что жизнь большинства людей сегодня протекает в городах, концепт ГОРОД представляет особый интерес для современных ученых. Предлагаемая статья посвящена изучению особенностей актуализации лексем *city* и *town* во вторичном языковом сознании искусственных билингвов. Целью проведенного исследования было сравнить особенности актуализации рассматриваемых лексем в языковом сознании не носителей английского языка, выявленные в ходе свободного ассоциативного эксперимента со стимулами **city** и **town**, с данными, полученными в результате анализа лексикографических источников – толковых словарей английского языка. В исследовании были использованы метод обобщения лексикографических значений слова, свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) со стимулами на иностранном языке, метод семантической интерпретации ассоциативных полей, метод субъективной интерпретации экспериментального материала и метод количественного анализа. В статье авторы приводят обобщенные лексикографические значения лексем *city* и *town*, выявленные на первом этапе исследования. Используя полученные данные САЭ, в котором испытуемыми были студенты бакалавриата и магистратуры, изучающие английский язык как иностранный, на втором этапе исследования авторы описывают ассоциативные поля рассматриваемых лексем, приводят индексы яркости каждой из ассоциаций и описывают психолингвистическое значение каждой лексемы на основе базовой трафаретной модели. Кроме того, в статье представлен подробный анализ денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения лексем *city* и *town*. Приведены данные третьего этапа исследования, посвященного семной интерпретации результатов эксперимента и сопоставлению сем, входящих в состав обобщенной словарной дефиниции лексем *city* и *town* и сем, выделенных в ходе эксперимента, а также выявлены особенности актуализации исследуемого концепта во вторичном языковом сознании носителей английского языка как неродного.

Ключевые слова: *city*, *town*, субординативный билингвизм, свободный ассоциативный эксперимент со стимулами на Я2, обобщенная словарная дефиниция, трафаретная модель описания значения слова, семный анализ

Введение

Современное жизненное пространство по большей части антропоцентрично и урбанистично, и город как феномен окружающей нас действительности

неоднократно заставлял исследователей ломать копья по поводу того, считать ли его положительным или отрицательным явлением. Безотносительно того, к какому выводу они приходят, высокая плотность населения в городах, а также их стремительное разрастание, свидетельствуют о том, что для многих город и присущий ему образ жизни являются довольно притягательными. Неудивительно, что специфика структурирования и моделирования географического пространства в целом и урбанистического пространства в частности, а также его отражения в языковом сознании индивида, под которым мы вслед за Н.В. Уфимцевой понимаем «часть сознания, которая имеет дело со значениями как социальными образованиями и овнешняется с помощью слова» [Уфимцева 2017: 11], неоднократно становились предметом лингвистических исследований. Так, например, Е.А. Дьяконова в одной из своих работ рассматривает особенности актуализации в языковом сознании ключевых для носителя русского языка топонимов, для чего используется комплекс психолингвистических методов, включающих в том числе и графический компонент [Дьяконова 2022]. В другой работе она обращается к визуальной семантизации как способу получения более полной и достоверной информации о смысловом наполнении топонима, а также говорит о важности и необходимости использования полученных данных в психолингвистическом страноведении [Дьяконова 2020]. Исследование Цюй Юе было посвящено особенностям актуализации урбанонимов Москвы в китайском языковом сознании, в том числе причины возникновения и степень семантической деформации полученных образов [Юе 2021]. Пространство города часто многонационально, многоязычно и мультимодально, для комфортного существования в нем человек должен уметь устанавливать различные социальные связи, в том числе и с представителями других культур, что в условиях естественного (координативного) или искусственного (субординативного) билингвизма способно привести к формированию и развитию вторичной языковой личности [Мамонтов, Столярова 2018: 54].

Субординативный билингвизм является широко распространенным явлением [Чернишкина 2007], поскольку иностранные языки сегодня преподаются во всех учебных заведениях по всему миру, что ведет к появлению все большего количества формирующихся искусственных билингвов. При искусственном билингвизме отмечается владение двумя или несколькими лингвокультурными кодами, сосуществование и параллельное использование которых ведет к интерференции на уровне как языка, так и культуры, что сказывается на языковой картине мира и языковой личности изучающего иностранный язык [Кузнецов 2021].

Целью данного исследования являлось выявление специфики актуализации семантики урбанистического пространства во вторичном языковом сознании субординативных билингвов путем сопоставления данных САЭ со стимулами на неродном языке (Я2) с лексикографическими данными, полученными в результате сравнительного анализа материалов толковых словарей современного английского языка.

Основными переводными эквивалентами лексемы *город* в английском языке, согласно русско-английским словарям, являются лексемы *city* и *town*, при этом единственное пояснение относительно того, чем они различаются, состоит в том, что *city* больше по размеру, чем *town*. Для носителя русского языка подобное объяснение может представляться довольно разумным, т. к. на подсознательном уровне *city*

соотносится с понятием *gorod*, а *town* – с его меньшей по величине версией (*городок*). Однако тот факт, что в русском языке *город* и *городок* являются вариантами одного и того же слова, обозначающего конкретный вид населенного пункта, в то время как в английском языке для этого используется несколько лексем, заставляет задуматься о том, насколько корректной является данная аналогия.

Методы исследования

На данном этапе развития лингвистики описание актуального языкового сознания в рамках антропоцентрической парадигмы неразрывно связано с необходимостью более широкого применения психолингвистических методов [Виноградова, Стернин 2016: 4]. В процессе рассмотрения семантики лексем, выбранных нами для исследования, были использованы следующие методы: метод обобщения лексикографических значений слова, свободный ассоциативный эксперимент со стимулами на Я2, метод семантической интерпретации ассоциативных полей [Стернин, Рудакова 2011], метод субъективной интерпретации экспериментального материала, а также метод количественного анализа. Описание психолингвистического значения лексем в фокусе рассмотрения производилось на основе базовой трафаретной модели, описанной в работах Е.А. Маклаковой [Маклакова 2014], И.А. Стернина и А.В. Рудаковой [Рудакова, Стернин 2015].

Материалом для данного исследования стали средства лексической репрезентации концепта ГОРОД на материале таких словарей современного английского языка, как Collins Online Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary и Webster's New World Dictionary, а также данные САЭ со стимулами на английском языке, проведенного в 2022 году среди студентов-бакалавров и студентов-магистров 1 и 2 курсов неязыковых факультетов Воронежского государственного университета. В эксперименте приняли участие 58 человек (возраст опрошенных варьировался от 18 до 23 лет). Респонденты являлись субординативными билингвами, которых попросили записать на английском языке первую ассоциацию к стимулам *city* и *town*.

Результаты и дискуссия

На начальном этапе исследования нами были проанализированы статьи из толковых словарей современного английского языка (британский и американский варианты) и составлены обобщенные словарные дефиниции для лексем *city* и *town*.

Так, обобщенное лексикографическое значение лексемы *city* выглядит следующим образом:

- большой город, крупнее, более густонаселенный или имеющий большее значение, чем *village* или *town*;
- населенный пункт, получивший статус города согласно королевскому распоряжению или указу; как правило, в нем находится кафедральный собор;
- муниципальный центр, в составе провинции или штата, который управляется в соответствии с Уставом, предоставляемым государством / штатом;
- город вне зависимости от размера, имеющий официально обозначенные правительством штата четкие границы и полномочия;
- жители города;
- финансовый район Лондона, а также находящиеся там важные или значимые учреждения;
- власти города.

Стоит отметить, что наличие собора (*a cathedral*), отмеченное в одном из значений, представляет собой экстралингвистическую информацию энциклопедического характера, которая может быть отнесена к дифференциальным признакам *city*.

Как было упомянуто ранее, *town* является наиболее частотным синонимичным эквивалентом *city*, используемым для объективации концепта ГОРОД. Обобщенная словарная дефиниция для лексемы *town* представлена следующими компонентами значения:

- застроенная территория, на которой живут и работают люди, имеющая собственное имя или название, установленные границы, а также органы местного самоуправления; по размеру обычно превосходящая *village*, но уступающая *city*;
- конкретный город; часто родной город упоминающего его человека;
- главный город региона / района;
- жители города;
- не принадлежащие к академической среде жители города, в котором есть университет (в устойчивом выражении *town and gown* = 'город и университет, горожане и студенты');
- городская жизнь в общем;
- административный центр района, деловая и торговая зона;
- густонаселенные районы, компактно заселенная территория, особенно в противопоставлении сельской местности или окраинам, пригороду.

Исходя из метрической информации, представленной в рассмотренных лексикографических источниках, мы можем сделать вывод, что типы населенных пунктов в последовательности *village – town – city* упорядочены по степени возрастания урбанизации, т. к. *town* больше, чем *village* и отличается более развитой инфраструктурой.

Таким образом, проведенный нами лексикографический анализ семантем лексем *city* и *town* позволил выявить следующие компоненты семантического ядра концепта ГОРОД:

- административно-территориальное образование определенного размера;
- состав, характерные особенности и функционал застройки; инфраструктура;
- жители;
- образ жизни, характерный для местных жителей (по сравнению с деревенской / сельской жизнью).

На втором этапе исследования на основании полученных в ходе САЭ результатов были составлены ассоциативные поля лексем *city* и *town*, а затем был определен индекс яркости каждого из ассоциатов.

Ассоциативное поле лексемы *city*

CITY 56: Voronezh 9, skyscrapers 7, Moscow 5, New York 3, anthill, high-rise buildings, life, night, town 2, a place to live, beautiful, big, Big city life me try forget by, big place, big place with people, busy, cars, Krasnodar, leafy, Let's watch this city burn the world, many people, modern, night lights, noise, people, possibilities, prison, Ryazan, supermarkets, Tokyo, traffic jams, urbanization 1

Индексы яркости

CITY 56: Voronezh 0,16, skyscrapers 0,13, Moscow 0,09, New York 0,05, anthill, high-rise buildings, life, night, town 0,04, a place to live, beautiful, big, Big city life me try forget

by, big place, big place with people, busy, cars, Krasnodar, leafy, Let's watch this city burn the world, many people, modern, night lights, noise, people, possibilities, prison, Ryazan, supermarkets, Tokyo, traffic jams, urbanization 0,02

Ядерные семы

Voronezh 0,16, skyscrapers 0,13

Ближняя периферия

Moscow 0,09, New York 0,05

Дальняя периферия

anthill, high-rise buildings, life, night, town 0,04, a place to live, beautiful, big, Big city life me try forget by, big place, big place with people, busy, cars, Krasnodar, leafy, Let's watch this city burn the world, many people, modern, night lights, noise, people, possibilities, prison, Ryazan, supermarkets, Tokyo, traffic jams, urbanization 0,02

Ассоциативное поле лексемы *town*

TOWN 56: village 5, Lipetsk, Moscow, small, small city, Voronezh, calm 2, a place where it's bright at night, Akihabara, block of flats, Brazil, Bricks, China, city, coffee, country, dead end, downtown, home, home town, horror movie, little, Mashmet, mouse, my, neighborhood, old, old town road, place where I lived, quiet life, route taxi, Liski, Novovoronezh, Ryazan, Saratov, Smolensk, small buildings, very cozy unlike city, small cottages and nature, small cozy house with a garden, small place, small warm homes, something native, start, touch, village houses 1

Индексы яркости

TOWN 56: village 0,09, Lipetsk, Moscow, small, small city, Voronezh, calm 0,04, a place where it's bright at night, Akihabara, block of flats, Brazil, Bricks, China, city, coffee, country, dead end, downtown, home, home town, horror movie, little, Mashmet, mouse, my, neighborhood, old, old town road, place where I lived, quiet life, route taxi, Liski, Novovoronezh, Ryazan, Saratov, Smolensk, small buildings, very cozy unlike city, small cottages and nature, small cozy house with a garden, small place, small warm homes, something native, start, touch, village houses 0,02

Ядерные семы

village 0,09

Ближняя периферия

Lipetsk, Moscow, small, small city, Voronezh, calm 0,04

Дальняя периферия

a place where it's bright at night, Akihabara, block of flats, Brazil, Bricks, China, city, coffee, country, dead end, downtown, home, home town, horror movie, little, Mashmet, mouse, my, neighborhood, old, old town road, place where I lived, quiet life, route taxi, Liski, Novovoronezh, Ryazan, Saratov, Smolensk, small buildings, very cozy unlike city, small cottages and nature, small cozy house with a garden, small place, small warm homes, something native, start, touch, village houses 0,02

В процессе исследования были проанализированы и описаны психолингвистические значения лексем *city* и *town*, денотативный макрокомпонент которых был представлен признаковой и реляционной частями. На основании метода семной интерпретации ассоциативных реакций в составе признаковой и реляционной частей был выделен ряд семантических параметров, которые представлены в таблице 1.

Таблица №1

Денотативный макрокомпонент значения лексем *City* и *Town*

Признаковая часть		
Семантический параметр	City	Town
<i>Локация</i>	-	Brazil 1
<i>Актуализация компонентных составляющих (внутреннего наполнения)</i>	skyscrapers 7, high-rise buildings 2, cars 1, leafy 1, many people 1, night lights 1, noise 1, people 1, supermarkets 1, traffic jams 1	block of flats 1, bricks 1, old town road 1, route taxi 1 small buildings 1, small cottages and nature 1, small cozy house with a garden 1, small warm homes 1, village houses 1
<i>Актуализация связанных процессов</i>	urbanization 1	-
<i>Связь с респондентом</i>	-	home 1, home town 1, place where I lived 1, something native 1
<i>Административно-территориальные составляющие объекта</i>	-	downtown 1, neighborhood 1, Mashmet 1, Akihabara 1
<i>Физические характеристики</i>	big 1, big place 1, big place with people 1, modern 1	small 2, a place where it's bright at night 1, little 1, small place 1, old 1
<i>Образ жизни</i>	busy 1	calm 2, very cozy unlike city 1, quiet life 1
<i>Вид возможной деятельности</i>	possibilities 1	-
<i>Эстетическая оценка</i>	beautiful 1	-
<i>Субъективные оценочные характеристики (отрицательные)</i>	anthill 1, prison 1	dead end 1, horror movie 1
Реляционная часть		
<i>Симилары</i>	town 2, a place to live 1	village 5, city 1, small city 1
<i>Опозиты</i>	-	country 1
<i>Разновидность</i>	Voronezh 9, Moscow 5, New York 3, Krasnodar 1, Ryazan 1, Tokyo 1	Voronezh 2, Lipetsk 2, Moscow 2, Liski 1, Novovoronezh 1, Ryazan 1, Saratov 1, Smolensk 1
<i>Идентификация</i>	-	my 1
<i>Актуализация прецедентных текстов</i>	Big city life me try forget by 1, Let's watch this city burn the world 1	mouse 1, coffee 1
<i>Возможная сочетаемость</i>	night 2, life 2	-
<i>Устойчивые сочетания, выражения</i>	-	China 1
<i>Не интерпретируется</i>	-	start 1, touch 1

Коннотативный макрокомпонент значения лексемы *city*

Оценочная характеристика

неоценочное 45 – Voronezh 9, skyscrapers 7, Moscow 5, New York 3, high-rise buildings 2, life 2, night 2, town 2, a place to live 1, big 1, big place with people 1, big place 1, busy 1, cars 1, Krasnodar 1, many people 1, night lights 1, people 1, Ryazan 1, supermarkets 1, Tokyo 1, urbanization 1

неодобрительное 7 – anthill 2, Big city life me try forget by 1, Let's watch this city burn the world 1, noise 1, prison 1, traffic jams 1

одобрительное 4 – beautiful 1, leafy 1, modern 1, possibilities 1,

Эмоциональная характеристика

неэмоциональное 45 – Voronezh 9, skyscrapers 7, Moscow 5, New York 3, high-rise buildings 2, life 2, night 2, town 2, big 1, big place 1, cars 1, busy 1, Krasnodar 1, many people 1, people 1, Ryazan 1, supermarkets 1, Tokyo 1, urbanization 1, big place with people 1, night lights 1, a place to live 1,

отрицательно-эмоциональное 7 – anthill 2, Big city life me try forget by 1, Let's watch this city burn the world 1, noise 1, prison 1, traffic jams 1

положительно-эмоциональное 4 – beautiful 1, leafy 1, modern 1, possibilities 1

Коннотативный макрокомпонент значения лексемы *town*

Оценочная характеристика

неоценочное 48 – village 5, Lipetsk 2, Moscow 2, small 2, small city 2, Voronezh 2, a place where it's bright at night 1, Akihabara 1, block of flats 1, Brazil 1, bricks 1, China 1, city 1, coffee 1, country 1, downtown 1, home 1, home town 1, little 1, mouse 1, my 1, neighborhood 1, old town road 1, place where I lived 1, quiet life 1, route taxi 1, Liski 1, Novovoronezh 1, Ryazan 1, Saratov 1, Smolensk 1, small buildings 1, small cottages and nature 1, small place 1, start 1, touch 1, village houses 1

неодобрительное 4 – dead end 1, horror movie 1, Mashmet 1, old 1

одобрительное 4 – calm 2, very cozy unlike city 1, small cozy house with a garden 1, small warm homes 1, something native 1

Эмоциональная характеристика

неэмоциональное 48 – village 5, Lipetsk 2, Moscow 2, small 2, small city 2, Voronezh 2, calm 2, a place where it's bright at night 1, Akihabara 1, block of flats 1, Brazil 1, bricks 1, China 1, city 1, coffee 1, country 1, downtown 1, home 1, home town 1, little 1, Mashmet 1, mouse 1, my 1, neighborhood 1, old 1, old town road 1, place where I lived 1, quiet life 1, route taxi 1, Liski 1, Novovoronezh 1, Ryazan 1, Saratov 1, Smolensk 1, small buildings 1, small cottages and nature 1, small place 1, start 1, touch 1, village houses 1

отрицательно-эмоциональное 4 – dead end 1, horror movie 1, Mashmet 1, old 1

положительно-эмоциональное 4 – very cozy unlike city 1, small cozy house with a garden 1, small warm homes 1, something native 1

Что касается функциональной характеристики, обе лексемы могут быть охарактеризованы как межстилевые, общеупотребительные, современные, общераспространенные, частотные, тонально-нейтральные.

Анализ оценочности полученных ассоциаций показал превалирование неоценочной характеристики у обеих лексем – показатель индекса яркости (ИЯ) неоценочной характеристики лексемы *city* составил 0,8; показатель ИЯ неоценочной характеристики лексемы *town* – 0,86. Примечательно, что у лексемы *city* показатель ИЯ неодобрительной оценочности на 0,06 выше, чем показатель ИЯ одобрительной оценочности – 0,13

и 0,07, соответственно. Показатели ИЯ неодобрительной оценочности у обеих лексем оказались равны 0,07.

Рассматривая эмоциональность, можно отметить тот факт, что у обеих лексем на первом месте находится неэмоциональный компонент – показатель ИЯ неэмоциональной характеристики лексемы *city* равен 0,8, показатель ИЯ неэмоциональной характеристики лексемы *town* равен 0,86. Отметим, что у лексемы *city* на втором месте по убыванию ИЯ оказался отрицательно-эмоциональный компонент (ИЯ 0,13), а у лексемы *town* отрицательно- и положительно-эмоциональные компоненты выражены в равной степени (ИЯ 0,07).

Проведенное исследование показало, что лексема *city* репрезентируется в сознании респондентов как большой город с высокоэтажной застройкой и развитой инфраструктурой, город с насыщенной жизнью и с возможностями для развития, наряду с этим респонденты также указали на слишком большое количество людей и пробки.

Что касается лексемы *town*, для респондентов это маленький и спокойный город, город родной, город с маленькими и уютными домами и старыми дорогами, однако в нем они не видят возможностей для роста и развития.

Психолингвистическое значение рассматриваемых лексем, составленное на основе полученных в ходе исследования данных, выглядят следующим образом:

CITY

A town 0,04, a beautiful 0,02 modern 0,02 busy 0,14 place to live 0,02, big and noisy 0,12, with skyscrapers 0,13 and high-rise buildings 0,04, with traffic jams 0,04, nightlife 0,04 and night lights 0,02, leafy 0,02, has supermarkets 0,02, is highly urbanized 0,02 and provides possibilities 0,02, e.g. Voronezh 0,16, Moscow 0,09, New York 0,05, Krasnodar 0,02, Ryazan 0,02, Tokyo 0,02, sometimes seen as a prison 0,02

TOWN

A village 0,09 or a small 0,14 native 0,10 calm 0,6 city e.g. Lipetsk 0,04, Moscow 0,04, Voronezh 0,04, Liski 0,02, Novovoronezh 0,02, Ryazan 0,02, Saratov 0,02, Smolensk 0,02 with small cozy houses 0,10, small buildings 0,02, blocks of flats 0,02, bricks 0,02, old town roads 0,02, route taxis 0,02, a place where it's bright at night 0,02, with no opportunities 0,02 and frightening 0,02, with the lifestyle different from country one 0,02, includes such parts as downtown 0,02 or neighborhood 0,02, e.g. Akihabara 0,02, Mashmet 0,02, China town 0,02

На третьем этапе исследования был проведен сопоставительный анализ, в ходе которого семы, входящие в состав обобщенной словарной дефиниции (ОСД), сравнивались с компонентами значения, выделенными по результатам САЭ для того, чтобы понять, какие семантические признаки актуализируются в сознании субординативного билингва при ассоциировании на иностранном языке. Результаты сопоставления приведены в таблицах 2 и 3.

Таблица №2

Семная интерпретация результатов эксперимента со стимулом CITY

CITY		
Семы, входящие в состав ОСД	Семы, выделенные в результате САЭ	Актуализирующие сему ассоциации, полученные в ходе САЭ
большой город, больше, чем <i>village</i> или <i>town</i>	большой город	big 0,02, big place 0,02,

Теоретические и экспериментальные исследования

-	с высокими зданиями	high-rise buildings 0,04, with skyscrapers 0,13
-	в нем есть супермаркеты	supermarkets 0,02
-	место, где можно жить	a place to live 0,02
густонаселенный город	густонаселенный город	big place with people 0,02, anthill 0,04, many people 0,02
жители города	жители города	people 0,02
-	шумный	noise 0,02
-	современный	modern 0,02
-	красивый	beautiful 0,02
-	зеленый	leafy 0,02
-	образ жизни	busy 0,06, life 0,04, Big city life me try forget by 0,02, cars 0,02, possibilities 0,02, traffic jams 0,02, urbanization 0,02,
-	ночная жизнь	night 0,04, night lights 0,02
-	может рассматриваться как место заточения	prison 0,02
-	конкретный город или родной город упоминающего его человека	Voronezh 0,16, Moscow 0,09, New York 0,05, Krasnodar 0,02, Ryazan 0,02, Tokyo 0,02

Таблица №3

Семная интерпретация результатов эксперимента со стимулом TOWN

TOWN		
Семы, входящие в состав ОСД	Семы, выделенные в результате САЭ	Актуализирующие сему ассоциации, полученные в ходе САЭ
застроенная территория, на которой живут и работают люди	с маленькими уютными домами, небольшими зданиями и многоквартирными домами	block of flats 0,02, bricks 0,02, small buildings 0,02, small cottages and nature 0,02, small cozy house with a garden 0,02, small warm homes 0,02, village houses 0,02
-	в нем есть маршрутное такси	route taxi 0,02
по размеру обычно превосходит <i>village</i> , но уступает <i>city</i>	небольшой по размеру	small city 0,04, small 0,04, little 0,02, small place 0,02,

городская жизнь в общем, определенный образ жизни	образ жизни	calm 0,04, dead end 0,02, quiet life 0,02
	противопоставлен деревне	village 0,09, country 0,02,
	противопоставлен городу – <i>city</i>	very cozy unlike city 0,02
-	старый	old 0,02, old town road 0,02,
-	ночная жизнь	a place where it's bright at night 0,02
-	пугающий	horror movie 0,02
-	находится в (конкретной) стране	Brazil 0,02
конкретный город; часто родной город упоминающего его человека	конкретный город	Lipetsk 0,04, Moscow 0,04, Voronezh 0,04, Liski 0,02, Novovoronezh 0,02, Ryazan 0,02, Saratov 0,02, Smolensk 0,02
	родной город упоминающего его человека	home 0,02, home town 0,02, my 0,02, place where I lived 0,02, something native 0,02
жители города	-	-
административный центр района, деловая и торговая зона, район, округа	административный центр района, деловая и торговая зона, район, округа	Akihabara 0,02, China 0,02, downtown 0,02, Mashmet 0,02, neighborhood 0,02

Заключение

По результатам проведенного нами психолингвистического эксперимента у лексем *city* и *town* были актуализированы следующие компоненты значения, входящие в состав семантического ядра концепта ГОРОД в английском языке: 'административно-территориальное образование определенного размера' (большой для *city* и маленький для *town*), а также 'состав, характерные особенности и функционал застройки'. Что касается 'жителей', то данный семантический компонент оказался актуален только для лексемы *city*, в то время как 'образ жизни, присущий жителям города', наоборот, в большей степени проявился в психолингвистическом значении лексемы *town*. Интересно, что также были актуализированы некоторые компоненты обобщенных лексикографических значений, которые являлись специфичными для каждой из лексем. Так, в денотативном макрокомпоненте значения лексемы *town* можно выделить семантические параметры 'административно-территориальные составляющие объекта' и 'связь с респондентом', 'идентификация', которые репрезентируют такие компоненты словарного значения, как 'административный центр района, деловая и торговая зона' и 'родной город упоминающего его человека' соответственно. Семантический параметр 'разновидность', представленный в признаковой части денотативного макрокомпонента психолингвистического значения обеих лексем, соответствует компоненту значения 'конкретный город', входящему в состав обобщенной словарной дефиниции лексемы *town*.

Следует также отметить, что в актуальном языковом сознании респондентов только лексема *city* (*большой город*) имеет компоненты значения, связанные с собственно урбанизацией и возможностями для роста и развития, в то время как *town* воспринимается как 'тупик' (*dead end*). (Похожие результаты относительно большого города, а именно *Moscow*, были ранее получены в ходе изучения особенностей репрезентации данного топонима в языковом сознании носителей английского языка как неродного [Барабушка, Кривенко 2022]). Однако пространство *town* более обжитое и уютное, оно более тщательно структурировано, и именно *town*, согласно данным САЭ, воспринимается как «свой» город, как дом. Еще один компонент значения, который не отражен в словарных дефинициях, но присутствует в сознании людей – это деление жизни в городе на дневную и ночную, что также является отличительным признаком *town* (*city*).

Возвращаясь к упомянутой нами в начале статьи проблеме эквивалентности русских лексем *город* и *городок* английским лексемам *city* и *town*, отметим, что проанализированный нами экспериментальный материал дает основание утверждать, что лексема *city* может являться полным переводным эквивалентом лексемы *город*, тогда как у лексемы *town* компонент значения 'небольшой' реализуется далеко не всегда. В ряде случаев *town* реализует то же значение, что и *city*, что дает нам право говорить о его эквивалентности в большей степени лексеме *город*, чем лексеме *городок*.

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о том, что субординативные билингвы способны актуализировать языковой концепт, имеющий более одного репрезентанта в иностранном языке и частичные эквиваленты в родном языке респондентов, при этом семантическое ядро исследуемого концепта, выделенное на основе данных монолингвальных словарей, дополняется компонентами значения лексем-синонимов, а также обрастает релевантными для респондента реалиями окружающей действительности, зачастую выраженными эксплицитно. Среди реакций на английском языке, полученных в ходе эксперимента от носителей русского языка, встречаются метафорические и символные ассоциаты, что говорит о достаточно высокой степени владения иностранным языком. Явной интерференции Я1 на уровне лексики или грамматики не наблюдалось, однако для более точного определения уровня влияния родного языка на вторичную языковую личность видится логичным проведение подобного САЭ со стимулами на Я1 с другой репрезентативной группой.

© Барабушка И.А., Кривенко Л.А., 2023

Литература

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Топонимы Voronezh и Moscow в языковом сознании носителей английского языка как неродного // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. № 3(116). С. 11–19. DOI: 10.37972/chgru.2022.116.3.002

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография. Воронеж: Истоки, 2016. 157 с.

Дьяконова Е.А. Слово в языковом сознании носителя языка и «психолингвистическое страноведение» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 21–24.

Дьяконова Е.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 26 с.

Кузнецов В.Г. Лингвистическая и экстралингвистическая интерференция – релевантный признак вторичной языковой личности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 13(855). С. 141–153. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_141

Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2014. 367 с.

Мамонтов А.С., Столярова А.Г. Специфика формирования вторичной языковой личности при субординативном билингвизме (на примере русско-корейских сопоставлений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. № 1(15). С. 52–58. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-52-58

Рудакова А.В., Стернин И.А. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова. Психолингвистика и лексикография. Воронеж: Истоки, 2015. № 2. С. 100–113.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Баясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г. и др. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.–Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. 240 с.

Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 34 с.

Юе Цюй. Топонимический образ в зеркале чужой культуры: экспериментальное исследование // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 06. С. 185–189 DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06.40

Словари

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>. Дата обращения: 20.09.2022.

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com>. Дата обращения: 22.09.2022.

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>. Дата обращения: 22.09.2022.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. Дата обращения: 20.09.2022.

Webster's New World Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>. Дата обращения: 20.09.2022.

Сведения об авторах

Барабушка Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Контактная информация:

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

ORCID: 0000-0003-3791-5071

e-mail: barabashka84@mail.ru

Кривенко Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Контактная информация:

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

ORCID: 0000-0002-3089-3175

e-mail: lyudmilaab@mail.ru

Для цитирования:

Барабушка И.А., Кривенко Л.А. Особенности актуализации значений лексем *CITY* и *TOWN* в языковом сознании субординативных билингвов // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 10–23, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-10-23

UDC 811.111

LBC 81.23

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-10-23

Research article

**PECULIARITIES OF ACTUALIZATION OF THE MEANING OF LEXEMES
CITY AND *TOWN* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF SUBORDINATE
BILINGUALS**

Irina A. Barabushka,

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Lyudmila A. Krivenko,

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Abstract

Due to the fact that most people today live in cities, the concept *CITY* is of particular interest to modern scientists. The proposed article is devoted to the study of peculiarities of actualization of the lexemes *city* and *town* in the secondary linguistic consciousness of artificial bilinguals. The purpose of the study was to compare the peculiarities of actualization of the lexemes in question in the linguistic consciousness of non-native English speakers, which were identified during a free association experiment with the stimuli *city* and *town*, with the data obtained from the analysis of lexicographic sources – explanatory dictionaries of the English language. The study used the method of generalization of lexicographic meanings of the word, free association experiment with stimuli presented in a foreign language

(L2), the method of semantic interpretation of association fields, the method of subjective interpretation of the experimental material, and the method of quantitative analysis. In the article, the authors provide generalized lexicographic meanings of the lexemes *city* and *town*, identified at the first stage of the study. At the second stage of the study, using the data obtained from the free association experiment, in which undergraduate and graduate students studying English as a foreign language took part, the authors describe the association fields of the lexemes under consideration, give brightness indices of each of the associations and describe the psycholinguistic meaning of each lexeme based on the template description model. In addition, the article presents a detailed analysis of the denotative and connotative macrocomponents of the meaning of the lexemes *city* and *town*. There is the data of the third stage of the study provided, which was devoted to the component interpretation of the results of the experiment and to the comparison of the semes included in the generalized dictionary definition of the lexemes *city* and *town* and the semes identified during the experiment, besides the peculiarities of actualization of the concept under the study in the secondary linguistic consciousness of non-native English speakers are described.

Keywords: city, town, subordinative bilingualism, free association experiment with stimuli in L2, generalized dictionary definition, template description model, component analysis

© **Barabushka I.A., Krivenko L.A., 2023**

Bionotes:

Irina A. Barabushka – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University

Contact information:

1 Universitetskaya square, Voronezh, 394018, Russia

ORCID: 0000-0003-3791-5071

e-mail: barabashka84@mail.ru

Lyudmila A. Krivenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Voronezh State University

Contact information:

1 Universitetskaya square, Voronezh, 394018, Russia

ORCID: 0000-0002-3089-3175

e-mail: lyudmilaab@mail.ru

For citation:

Barabushka I.A., Krivenko L.A. Peculiarities of actualization of the meaning of lexemes *CITY* and *TOWN* in the linguistic consciousness of subordinate bilinguals // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 10–23. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-10-23 (in Russian)

УДК 81+811.111

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35

Научная статья

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ АУДИТОРИИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ КОМИЧЕСКОГО И ЦЕННОСТНОГО СТАТУСОВ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Бочкарев Арсентий Игоревич

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению различных эмоциональных реакций аудитории англоязычных стендап комедий. Цель исследования заключалась в выявлении основных типов таких реакций, их классификации и характеристике возможных комбинаций, позволяющих определить зрительскую оценку комических и ценностных характеристик высказываний. В качестве практического материала исследования выступили скрипты и записи 50 выпусков различных англоязычных стендап комедий. Исследование базировалось на аудиальной фиксации реакций аудитории стендап комедий на комические и некомические высказывания. В ходе исследования были выявлены и проанализированы такие типы эмоциональных реакций аудитории, как смех, аплодисменты, одобрительные возгласы и неодобрительные возгласы. На основе учета степени интенсивности смеха, структурного расположения комических фрагментов и их значимости было выделено три основных вида смеха: подготовительный, основной и инерционный. Было установлено, что аплодисменты являются положительной реакцией на актуализацию ценностей, при этом соответствующая ценность либо реализуется при создании самой шутки, либо актуализируется в рамках соответствующего комического высказывания. Было определено, что одобрительные возгласы могут сопутствовать аплодисментам. В свою очередь, неодобрение зрителей связано с актуализацией определенной антиценности. Установлено, что неодобрительные возгласы одних зрителей в большинстве случаев сопутствуют смеху других зрителей, при этом в определенных случаях подобный смех может сопровождаться аплодисментами. Выделено два фактора, которые определяют различное восприятие зрителями одной и той же шутки.

Ключевые слова: смех, аплодисменты, одобрительные возгласы, неодобрительные возгласы, стендап комедия, комический дискурс

Введение

На современном этапе развития лингвистики существует определенная тенденция к выделению новых лингвистических направлений, таких как комбинаторная лингвистика, аксиологическая лингвистика, гендерная лингвистика, юрислингвистика, корпусная лингвистика и т.д. При этом, Н.Н. Болдырев отмечает, что недостаточно просто обозначить существование новой лингвистической дисциплины, необходимо доказать правомерность выделения этой дисциплины в качестве отдельного лингвистического направления. Согласно Н.Н. Болдыреву, если то или иное направление использует

исключительно понятийно-терминологический аппарат когнитивной лингвистики и когнитивные методы анализа, то это направление относится к когнитивной лингвистике [Болдырев 2014: 80–81]. Это утверждение справедливо и для аксиологической лингвистики. Зачастую в исследованиях по аксиологической лингвистике учитывается только вербальная оценка ценностей и антиценностей, которые обычно соотносятся с концептами. В таком случае можно говорить об аксиологическом подходе в русле когнитивной лингвистики. На наш взгляд, аксиологическую лингвистику можно считать отдельным лингвистическим направлением только в том случае, если она, как минимум, объединяет методы когнитивной лингвистики и психолингвистики, при этом в фокусе исследования находятся не только вербальные средства оценки, но и невербальные (эмоциональные) оценочные средства. В представленной работе мы подробно остановимся на психолингвистической составляющей аксиологической лингвистики, а именно, на изучении эмоциональной реакции аудитории как способа оценки ценностей и антиценностей.

Традиционно основными методами психолингвистики считаются экспериментальные методы, а сама наука именуется экспериментальной лингвистикой [Леонтьев 1997]. В современных психолингвистических исследованиях отсутствие значимого интереса к изучению эмоциональной реакции аудитории (в частности, как способа оценки) обусловлено, прежде всего, тем, что данный аспект относится к непопулярному на современном этапе развития науки бихевиористическому направлению, в рамках которого, в частности, изучался практический аспект речевых стимулов и реакций коммуникантов [Блумфилд 1968].

Невключение в анализ такого фактора, как эмоциональная реакция аудитории (при наличии такой реакции), обедняет исследовательский аппарат и отрицательно сказывается на достоверности результатов исследования, так как реакция зрителей на различные высказывания является не только первичным источником определения комичности высказывания, но и одним из источников определения ценностного статуса аксиологических концептов, актуализирующегося в этих высказываниях.

В представленной статье мы рассмотрим не только комически значимые реакции аудитории, но и реакции, позволяющие отнести те или иные аксиологические концепты к ценностям или антиценностям англоязычной лингвокультуры.

Таким образом, с точки зрения психолингвистики актуальность исследования предопределена тем, что впервые проводится подробный анализ эмоциональных реакций большой аудитории (более 1000 человек) на проявление ценностных и антиценностных состояний в пределах комического дискурса.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при описании ценностной концептосферы комического. Необходимость комплексного аксиологического подхода в этом случае обусловлена тем, что на современном этапе развития англоязычной культуры происходит переосмысление ценностной системы, что в целом усложняет задачу исследователя.

Вопросы теории

Можно выделить три основных звуковых реакции, встречающихся в современных стендап комедиях: смех, аплодисменты и возгласы. При этом только смех относится к непосредственным реакциям на комическое. Более того, он является основной реакцией на комическое, т.е. наличие смеха позволяет нам определить соответствующее высказывание как комическое [Attardo 1994].

Безусловно, существуют и другие реакции на комическое. Прежде всего, это касается улыбки, которая, наряду со смехом, является средством идентификации комичности высказывания. В своем исследовании мы не принимаем во внимание эту реакцию. Во-первых, на современном этапе развития технологий не представляется возможным зафиксировать все случаи проявления улыбки аудиторией. Во-вторых, улыбка является основной реакцией на сатиру, в то время как в юморе она является второстепенной реакцией. В-третьих, даже в сатире наиболее комичные высказывания сопровождаются смехом. В стендап-комедиях к основным реакциям на комическое также относится хеклинг. (Хеклер (от англ. *heckler*) – это человек из зрительного зала, который случайно или умышленно мешает выступлению комика своими криками или неадекватным поведением – *примеч. авт.*). Мы не рассматриваем такой тип реакции, так как он, по сути, является смысловой частью стендап комедий. Так, зачастую выступающие вступают в диалог с хеклерами. У некоторых стендап комиков это является неотъемлемой частью концерта. Кроме того, ответами на комическое могут быть: развитие юмора, повтор слов говорящего, согласие или несогласие с сообщением, невербальные ответы и различные выражения лица [Holmes 2000; Hay 2001; Olbrechts-Tyteca 1974].

В работах по философии и психологии можно найти большое количество исследований, посвященных изучению природы и видов смеха.

В психологических исследованиях отмечается, что при помощи смеха высвобождаются определенные эмоции [Спенсер 1999]. Так, смех может выражать нервозность, несерьезность, радость, удовольствие, симпатию, положительное удивление, злость, действия, сохраняющие или угрожающие репутации [O'Donnell-Trujillo, Adams 1983], при этом основной эмоцией, которую выражает смех, является радость [Martin 2007: 30]. Кроме того, отмечается, что смех способствует преодолению различных страхов и разрушению социальных запретов [там же]. В философских исследованиях изучается, прежде всего, социальная природа смеха. Так, по мнению А. Бергсона, не существует смешного вне человеческого, и смех сопровождается нечувствительностью по отношению к объекту осмеяния [Бергсон 1992: 10]. Согласно Т. Гоббсу, смех возникает в результате внезапного чувства превосходства либо над окружающими, либо над своим прошлым [Гоббс 1991: 43–44]. М.Т. Рюмина выдвигает предположение о том, что «смешное формируется на основе тех ритуальных ситуаций, при которых звучал обрядовый смех» [Рюмина 2010: 136]. Интересным также представляется наблюдение Т. Вила, который отмечает, что смех зачастую возникает не столько из-за комических характеристик шутки, сколько из-за готовности слушающего смеяться [Veale 2004]. В особенности это касается тех слушающих, которые выбирают к просмотру комический материал (стендап концерты, ситкомы и т.д.).

С древних времен смех подразделялся на естественный (воспринимавшийся преимущественно негативно большинством философов) и культурный (оценивавшийся, напротив, позитивно) [Рюмина 2010]. В свою очередь, В.Я. Пропп выделяет ряд различных видов смеха: насмешливый, добрый, злой, жизнерадостный, разгульный и обрядовый [Пропп 1999]. Кроме того, смех имеет разную интенсивность, что напрямую зависит от эмоционального напряжения и возбуждения человека [Martin 2008]. Выделяют повседневный смех, который не столько имеет отношение к юмору, сколько является социальным сигналом дружелюбия и положительных эмоций вообще [Provine 1992]. Смех может также быть спонтанным и театральным [Trovain, Truong

2017]. В современной культуре существует такое явление, как закадровый смех, который помогает зрителю в большей мере испытать чувство несерьезности [Chafe 2007: 119]. Необходимо также отметить, что смех может быть не связан с выражением комического эффекта. Так, к некомическому смеху относится смех, вызванный внешними физическими стимулами, например, щекоткой и веселящим газом [Trovain, Tuong 2017: 350].

В то время как исследованию смеха посвящено множество работ, описания аплодисментов и возгласов не получили значительного освещения в научной литературе.

Аплодисменты относятся к такому классу жестов, как самоадапторы тела, выражающие благодарность за удовольствие от полученного зрелища [Крейдлин 2002: 38–39]. Положительный характер аплодисментов подтверждается и определением соответствующего слова '*applause*', которое можно найти в современных англоязычных словарях: «Шум, производимый группой людей, хлопающих в ладоши и иногда кричащих, чтобы показать свое одобрение или удовольствие» (перевод наш – А.Б.) [Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>]. Данное определение позволяет уточнить спектр значений аплодисментов. Так, помимо удовольствия, аплодисменты могут выражать согласие с выступающим.

Возгласы, которые издают зрители во время просмотра материала, могут быть как положительными, так и отрицательными. К положительным возгласам относятся: одобрительный возглас, свист. К отрицательным возгласам относятся: неодобрительный возглас, освистывание [McIlvenny, et al. 1993]. Следует также отметить, что в английском языке существует значительно больше слов для обозначения возгласов (*cheer, hoot, whoop, boo, etc.*) по сравнению с русским языком.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили записи и скрипты 50 выпусков различных стендап комедий. Главным преимуществом такого материала является то, что он позволяет аудиально фиксировать реакцию большого количества зрителей. Было отобрано 50 популярных стендап комедий во временном промежутке с 1999 года по 2021 год. В основу отбора практического материала было положено три критерия: количество зрителей в зале, доступность скриптов и популярность соответствующего произведения. Во-первых, проанализированные стендап комедии были записаны в больших концертных залах (более 1000 человек). Во-вторых, скрипты выбранных стендап комедий находятся в свободном доступе в сети Интернет. В-третьих, популярность стендап комедий определялась как рейтингами самих комедий, так и общим рейтингом стендап комиков. При определении рейтингов стендап комедий мы использовали данные таких платформ, как IMDb и Netflix, где итоговая оценка основана на результате онлайн голосования зрителей. В практический материал были включены также доступные выпуски стендап комедий 10 лучших комиков согласно рейтингу журнала Rolling Stones.

Исследование базируется на аудиальной фиксации реакции зрителей на комические и некомические высказывания. Первым шагом анализа было прослушивание материала и выделение в скрипте высказываний, за которыми следовала эмоциональная реакция аудитории. Далее анализировались высказывания, которые сопровождалась простой эмоциональной реакцией аудитории (только смех или только

аплодисменты). Следующим шагом был анализ комплексных реакций аудитории (смех, сопровождаемый аплодисментами; аплодисменты, сопровождаемые одобрительными возгласами; смех, сопровождаемый аплодисментами и одобрительными возгласами; смех, сопровождаемый неодобрительными возгласами; смех, сопровождаемый аплодисментами и неодобрительными возгласами).

При анализе такой реакции, как смех, мы принимали во внимание его громкость, продолжительность и степень охвата аудитории. При анализе аплодисментов мы учитывали их наличие как в комических, так и в некомических контекстах. При анализе возгласов зрителей мы разграничивали их на одобрительные и неодобрительные.

Для статьи были отобраны те примеры, которые либо повторялись у разных авторов в различных вариациях, либо вызывали наиболее сильную эмоциональную реакцию зрителей. В описании материала исследования полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались эмоциональной реакцией зрителей.

Классификация реакций на комическое

Все реакции на комическое можно разделить на две группы: первичные и вторичные. К первичным реакциям относятся реакции, которые являются маркерами комического (смех и улыбка). Ко вторичным относятся реакции, которые могут сопровождать первичные реакции. При этом такие реакции являются маркерами проявления различных ценностных состояний. В ходе анализа практического материала нами было выявлено три вида подобных реакций: аплодисменты, одобрительные возгласы и неодобрительные возгласы.

А. Первичные реакции

На основе анализа практического материала можно выделить три основных вида смеха по степени интенсивности, структурному расположению осмеиваемых фрагментов и значимости: подготовительный, основной и инерционный [Бочкарев 2022].

К случаям *подготовительного смеха* относится «реакция зрителей на второстепенные шутки выступающего, целью которых является подготовка к основным шуткам по данной тематике» [цит. раб.: 63]. В подобных примерах зачастую используются стандартные шутки или стандартные комические приемы.

(1) “*I reckon I can squeeze a good hour of laughs out of you, Nanette, I reckon.*” **But... turns out... no** [Gadsby 2018].

В приведенном примере стендап комик использует очевидный прием обманутого ожидания, который создается за счет оппозиции ‘утверждение пропозиции’ – ‘отрицание пропозиции’.

Кроме того, смех может быть вызван за счет актуализации нецензурной лексики.

(2) *It’s California catatonic. It’s the type of weed you hit it and it’s like... Fuck! Shit!* [Williams 2009].

В рассматриваемом примере использование обсценной лексики вызывает смех зрителей.

Следует отметить, что подготовительный смех может вызываться за счет описания событий, в которых проявление той или иной антиценности в небольшой степени гиперболизируется.

(3) *It used to be in the midwest when you had a tornado, it was like everybody get in the root cellar. Not anymore. You fuckers are like “get a video camera! Get outside! Film it, Bobby!”* [Williams 2009].

В представленном примере гиперболизировано отсутствие страха перед смертельной опасностью (вместо того, чтобы спастись от торнадо, жители хватаются за видеокамеру, чтобы потом выложить видео в сеть), при этом подобное поведение в определенной степени встречается в реальной жизни.

К основным характеристикам подготовительного смеха относятся: непродолжительность, негромкое звучание, отсутствие охвата всей аудитории.

К случаям *основного смеха* относится «реакция зрителей на основные шутки выступающего, вокруг которых и строится весь предыдущий материал» [Бочкарев 2022: 64].

(4) *“How long will that take to fix it?” and he’s like “No, you just do that now, that’s just a new thing you do, until you and your shitty ankle both die”* [Louis C.K. 2008].

В рассматриваемом текстовом фрагменте представлена одна из шуток выступающего относительно непрофессионализма врачей. Эта шутка вызывает бурный смех аудитории.

К главным характеристикам основного смеха относятся: продолжительность, громкое звучание, охват большей части аудитории.

К случаям *инерционного смеха* относится «реакция зрителей на высказывания, следующие непосредственно за основными шутками» [Бочкарев 2022: 64]. Обычно подобные высказывания развивают основную шутку.

(5) *On the fourth day I didn’t wait for him to ask. I just put money in his cup. And he says, “You don’t have to give me money every time you see me.” I said, “I’m quite aware of that. You little cunt.” I thought he had it coming* [Connolly 2016].

В приведенном примере основной смех вызывает ответ человеку, проявившему неблагодарность (*I’m quite aware of that. You little cunt*). Следует также отметить, что оскорбление *cunt* уже неоднократно использовалось стендап комиком в одной из частей его выступления, посвященной употреблению нецензурной лексики. Соответственно, повторное использование такого оскорбления после определенной паузы усиливает комический эффект. Объяснение обоснованности данного поступка (*I thought he had it coming*) вызывает инерционный смех.

Инерционный смех может вызывать употребление нецензурной лексики:

(6) *“Yeah, could you help me with this?” Say, “Yeah. Hey, how far you going?” “Indianapolis.” He wants to help? Fuck him* [Carlin 2008].

В приведенном примере основной смех вызывает ответ (*Indianapolis*) на соответствующий вопрос. Инерционный смех вызывает употребление нецензурной лексики (*Fuck him*).

Кроме того, инерционный смех зачастую вызывается повторением или перефразированием шутки, которая вызвала основной смех.

(7) *Apparently, she said, “I was very disappointed in your show this year, Hannah. I just don’t think there was enough lesbian content.” I’d been on stage the whole time. ... No offense to Mr. Right, if you are out there. But you’re also Mr. Very Very Too Late. ‘Cause I’ve done quite a lot of work on this lesbian situation here and I don’t imagine I’ve got a tight turning circle on identity. Imagine the feedback. Not enough lesbian content* [Gadsby 2018].

Часть шутки (*Not enough lesbian content*), которая вызвала основной смех зрителей (*I just don’t think there was enough lesbian content.*), повторяется стендап комиком через некоторое время и вызывает инерционный смех зрителей.

Высказывания, вызывающие инерционный смех, уступают в качестве комического не только основным, но и второстепенным шуткам. Инерционный смех зачастую вызывается высказываниями, которые не являются комическими сами по себе. Более того, само наличие инерционного смеха зависит от интенсивности основного смеха. Так, если основной смех не является интенсивным, то инерционный смех может отсутствовать. К основным характеристикам инерционного смеха относятся: непродолжительность, громкое звучание, отсутствие охвата всей аудитории.

Б. Вторичные реакции

Можно выделить два типа аксиологически значимых реакций зрителей: одобрительные и неодобрительные.

К одобрительным реакциям относятся аплодисменты и одобрительные возгласы, при этом, как показал анализ практического материала, в стендап комедиях одобрительные возгласы всегда сопровождаются аплодисментами. В свою очередь, аплодисменты могут не сопровождаться одобрительными возгласами. Соответственно, аплодисменты являются основной аксиологически значимой положительной реакцией аудитории, в то время как одобрительные возгласы являются средством усиления выражения одобрения или удовольствия.

Аплодисменты могут возникать как в некомических, так и в комических контекстах.

В некомических ситуациях аплодисменты обычно возникают в тех случаях, когда говорящий актуализирует культурно значимую ценность. Одной из таких ценностей является равноправие. Данная ценность может актуализироваться через утверждение об отсутствии равноправия по определенным признакам.

(8) *The black people are very afraid of the police. That's a big part of our culture. No matter how rich you are. No matter how old you are* [Chappelle 2000].

В представленном примере стендап комик поднимает вопрос об отсутствии равноправия между афроамериканцами и представителями европеоидной расы. Отсутствие равноправия актуализируется через страх афроамериканцев перед полицией.

В комических ситуациях следует выделять два типа аплодисментов, а именно: аплодисменты, вызванные удовольствием от проявления ума или цинизма говорящего при составлении шутки, при этом осмеянию могут подвергаться различные антиценности; аплодисменты, вызванные одобрением от актуализации определенной ценности.

Анализ практического материала показал, что в основе комического эффекта преимущественно лежит проявление ума или цинизма. Гиперболизированное проявление данных качеств, помимо смеха, вызывает аплодисменты зрителей.

Так, проявление ума может выражаться через составление каламбуров.

(9) *When I broke up with my first wife I didn't want anything from her in settlement. Except a pint of milk, four egg yolks, vanilla pod, an ounce of caster sugar and two fluid ounces of single cream. She mixed the whole up in the bowl and she threw it at my face. On the plus side, I did get custardy* [Carr 2011].

В приведенном примере каламбур основан на обыгрывании двух омофонов (*custardy* – заварной крем и *custody* – арест).

Крайняя степень проявления цинизма реализуется через шутки, затрагивающие смерть других людей, при этом говорящий тем или иным образом обесценивает смерть.

(10) *I was thinking the other day that you can figure out how bad of a person you are by how soon after September 11th you masturbated, like how long you waited. And for me, it was between the two buildings going down* [Louis C.K. 2008].

В приведенном примере цинизм говорящего заключается в иронизировании над событиями 11 сентября 2001 г., которые имеют особый трагический статус в американской культуре. Осмеянию также подвергается проявление говорящим похоти.

Актуализация других ценностей без проявления ума или цинизма при составлении шуток также может вызывать аплодисменты зрителей. Зачастую аплодисменты вызывает проявление хитрости, изобретательности.

(11) *I said to my girlfriend, I said: "Do you wanna experiment with role play with rape fantasy?" She said: "No!" I said: "That's the spirit!"* [Carr 2011].

В приведенном примере хитрость говорящего заключается в том, что он создал такую ситуацию, в которой любой ответ собеседника может быть интерпретирован в пользу говорящего.

Аплодисменты могут сопровождать актуализацию такой ценности, как храбрость.

(12) *When I was in school, someone came to our school and killed 3 or 4 of us; we went right on with our arithmetic! "35 classmates minus 4 equals 31* [Carlin 1999].

В приведенном примере восхваляется гиперболизированное отсутствие страха перед смертью.

Если смех и аплодисменты могут сопутствовать друг другу, то *неодобрение* не предполагает смеха, так как человек не может одновременно смеяться и издавать неодобрительные возгласы. Соответственно, в комических ситуациях, в которых зрители проявляют неодобрение, одна часть зрителей смеется, в то время как другая выражает свое неодобрение.

В популярных стендап комедиях практически не встречаются случаи, когда высказывания сопровождаются исключительно неодобрительными возгласами. На наш взгляд, это обусловлено тем, что исключительно неодобрительные возгласы свидетельствуют о коммуникативной неудаче выступающего.

Неодобрительные возгласы одних зрителей обычно сопровождаются смехом других. В подобных ситуациях демонстрация определенных антиценностей является приемлемой для второй группы зрителей и неприемлемой для первой.

(13) *If only Africa had more mosquito nets then every year we could save millions of mosquitoes from dying needlessly of AIDS* [Carr 2011].

В рассматриваемом примере демонстрация чувства превосходства над африканцами (жизнь комаров важнее жизни африканцев) приемлема для одной части аудитории и неприемлема для других зрителей.

Следует также отметить, что некоторые шутки могут сопровождаться аплодисментами одних зрителей и неодобрительными возгласами других.

(14) *"I think it denigrates the struggle of the African-American people, "and you can never say that no-one's told you so cos I'm telling you so right now. "It's racist and it's wrong." And the comedian went... .."I agree. "When you're right, you're right. "But I'm the other black comic. "I haven't been on yet"* [Carr 2013].

В представленном примере выясняется, что представитель европеоидной расы, который обвинял афроамериканца в использовании расистских шуток, не может отличить одного афроамериканца от другого. Идея о том, что «все афроамериканцы на одно лицо» вызывает поддержку одних зрителей и негодование других.

Кроме того, разная реакция зрителей может быть обусловлена разным фокусом их внимания. Так, одни зрители негодуют против проявления антиценности, в то время как другие воспринимают ее положительно, приветствуют как проявление ума или цинизма говорящего при составлении шутки.

(15) *"In my movie idea we find out that these aliens are originally from Earth. That they are from an ancient civilization that achieved interstellar travel and left the Earth thousands of years ago. Some other planet that they go to and things go terrible for them in the other planet so they come back to Earth and decide that they want to claim the Earth for their very own. It is a pretty good plotline, huh? [audience] Yeah! I call it Space Jews [Chappelle 2021].*

В приведенном примере выражение *Space Jews* (космические евреи/евреи в космосе) вызывает негодование одних зрителей и одобрение других. В то время как одни зрители смеются и аплодируют остроумию говорящего, придумавшего новый забавный термин, другие зрители выражают свое неодобрение при помощи соответствующих возгласов, так как считают рассматриваемое высказывание (*I call it Space Jews*) нетолерантным, недопустимым.

Выводы

В ходе анализа стендап комедий было выделено три вида смеха, различающихся по степени интенсивности, структурному расположению осмеиваемых фрагментов и значимости, а именно: подготовительный, основной и инерционный. Важно отметить, что инерционный смех не должен учитываться при определении комичности высказываний, так как он может сопровождать некомические высказывания.

Было установлено, что аплодисменты сопровождают актуализацию ценностей, при этом ценность либо реализуется при создании шуток (ум и цинизм), либо актуализируется в рамках соответствующего комического высказывания (хитрость, храбрость и т.д.). В свою очередь, одобрительные возгласы могут сопутствовать аплодисментам.

Неодобрение зрителей связано с актуализацией определенной антиценности. Было отмечено, что неодобрительные возгласы одних зрителей обычно сопутствуют смеху других зрителей. Можно предположить, что в подобных случаях мы имеем дело со смехом, который направлен на разрушение социального запрета.

В определенных случаях неодобрительные возгласы одних зрителей сопровождаются аплодисментами других зрителей. Разница в восприятии шутки может быть объяснена двумя основными факторами: 1) разное ценностное отношение зрителей к соответствующему явлению; 2) разный фокус зрительского внимания.

Таким образом, учет реакции зрителей является важным шагом для определения как комичности высказываний, так и отношения зрителей к ценностям и антиценностям, которые актуализируются в данных высказываниях. Безусловно, учет реакции аудитории не может быть единственным механизмом для определения ценностного статуса того или иного аксиологического концепта. Для адекватной оценки ценностного статуса этих концептов необходимо применять комплексный аксиологический подход.

Перспективой исследования видится дальнейшее более подробное изучение значения аплодисментов и негативных возгласов. В отличие от смеха, данные реакции не получили достаточного освещения в научной литературе. Кроме того, при развитии

технологий в будущем представляется многообещающим исследование улыбки как реакции на комическое. В более широком контексте это исследование показывает необходимость дальнейшего изучения разнообразных эмоциональных реакций человека как важного источника оценочной информации.

© **Бочкарев А.И., 2023**

Литература

- Бергсон А.* Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с.
- Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
- Бочкарев А.И.* Смех как основной инструмент оценки комического // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов X Международной научной конференции, 22–23 апреля 2022 г. М., РУДН, 2022. С. 62–64.
- Гоббс Т.* Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). (Собрание трудов В. Я. Проппа). М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
- Рюмина М.Т.* Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М.: Либроком, 2010. 320 с.
- Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. М.: Современный литератор, 1999. 1408 с.
- Attardo S.* Linguistic theories of humor. New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
- Chafe W.* The Importance of Not Being Earnest. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. 167 p.
- Hay J.* The pragmatics of humor support // Humor. 2001. N 14(1). P. 55–82.
- Holmes J.* Politeness, power and provocation: How humour functions in the workplace // Discourse Studies. 2000. N 2(2). P. 159–185.
- Martin R.* The Psychology of Humor: An Integrative Approach. New York: Elsevier Academic Press, 2007. 446 p.
- McIlvenny P., Mettovaara S., Tapio R.* 'I really wanna make you laugh': Stand-up comedy and audience response // Folia, fennistica and linguistica: Proceedings of the Annual Finnish Linguistics Symposium, 16, May 1992. Oulu: Tampere University Finnish and General Linguistics Department Publications, 1993. P. 225–245.
- O'Donnell-Trujillo N., Adams K.* Heheh in conversation: Some coordinating accomplishments of laughter // Western Journal of Speech Communication. 1983. № 47. P. 175–191.
- Olbrechts-Tyteca L.* Le comique du discours. Brussels: Editions de l'Universite de Bruxelles, 1974. 433 p.
- Provine R.* Contagious laughter: Laughter is a sufficient stimulus for laughs and smiles // Bulletin of the Psychonomic Society. 1992. N 30(1). P. 1–4.
- Trovain J., Truong K.P.* Laughter // The Routledge Handbook of Language and Humor / Attardo S., editor. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2017. P. 340–355.

Veale T. Incongruity in humor: Root cause or epiphenomenon? // HUMOR: International Journal of Humor Research. 2004. № 17(4). P. 419–428.

Источники и словари

Carlin G. It's Bad For Ya. 2008. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-its-bad-for-ya/> Дата обращения: 07.09.2022.

Carlin G. You are all diseased. 1999. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/george-carlin-you-are-all-diseased-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Carr J. Being Funny. 2011. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Carr J. Laughing and joking. 2013. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jimmy-carr-laughing-and-joking-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Chappelle D. Killin' Them Softly. 2000. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-killin-softly-2000-full-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Chappelle D. The Closer. 2021. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-the-closer-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Connolly B. High Horse Tour Live. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Gadsby H. Nanette. 2018. URL: https://www.scripts.com/script/hannah_gadsby%3A_nanette_9564. Дата обращения: 07.09.2022.

Louis C.K. Chewed Up. 2008. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-c-k-chewed-2008-full-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> Дата обращения: 07.09.2022.

Williams R. Weapons of Self Destruction. 2009. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> Дата обращения: 07.09.2022.

Сведения об авторе:

Бочкарев Арсентий Игоревич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Контактная информация:

630073, г. Новосибирск, Россия, пр. К. Маркса, 20,

ORCID: 0000-0003-3869-2797

e-mail: arsentiy_87@mail.ru

Для цитирования:

Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С.24–35, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35

UDC 81+811.111

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35

Research article

EMOTIONAL REACTION OF THE AUDIENCE AS A WAY
TO ASSESS THE HUMOROUS AND AXIOLOGICAL STATUS
OF VARIOUS PHENOMENA

Arsenty I. Bochkarev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract

The article examines various emotional reactions of the audience of English-language stand-up comedies both to values and anti-values that are actualized in the text, and to comic statements of a speaker. The purpose of the study is to identify the main emotional reactions of the audience while watching stand-up comedies, classifying these reactions and determining their compatibility. The corpus of the study comprises recordings and scripts of 50 English-language stand-up specials. The study is based on auditory fixation of audience reactions while watching stand-up comedies to comic and non-comic statements. Such emotional reactions of the audience as laughter, applause, emotional approval, and emotional disapproval have been identified and analyzed. Taking into account the degree of laughter intensity, the structural arrangement of comic fragments and their significance, three types of laughter are distinguished: warming-up, main, and follow-up. Applause is found to be the reaction to actualizing values while the corresponding value is either realized during joke creation or is actualized in the corresponding statement. In addition, it has been determined that an emotional approval may only accompany applause. The disapproval of the audience is associated with the actualization of a certain anti-value. It has also been found that an emotional disapproval of some viewers in most cases is accompanied by the laughter of other viewers. Moreover, in certain cases such laughter may be accompanied by applause. The difference in perceiving such jokes is explained by two main factors: 1) different attitudes of viewers towards the corresponding phenomenon; 2) different focus of the audience.

Keywords: laughter, applause, emotional approval, emotional disapproval, stand-up comedy, humorous discourse

Bionotes:

Arsenty I. Bochkarev – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Chair, Department of Foreign Languages of the Technical Faculties of Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk.

Contact information:

20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073

ORCID: 0000-0003-3869-2797

e-mail: arsentiy_87@mail.ru

For citation:

Bochkarev A.I. Emotional reaction of the audience as a way to assess the humorous and axiological status of various phenomena // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 24–35. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35 (in Russian)

**АКТУАЛЬНАЯ ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ
И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: НОВЫЕ СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ¹****Го Лицзюнь**Университет имени Сунь Ятсена,
Гуанчжоу, Китай**Щетинина Анна Викторовна**Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия**Аннотация**

В статье представлено описание новых слов с эмотивными значениями в русском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена интенсивностью процессов заимствования в обоих языках, что связано с активностью коммуникации интернет-пользователей, в процессе которой они выносят оценочные суждения. Цель работы состоит в изучении семантики новых языковых единиц, относящихся к фонду эмотивной лексики, которые имеют статус неологизмов в русском языке и «модных» слов в китайском. Авторы показывают, что в русском языке появилось значительное количество производных прилагательных, а также их однокоренных слов разных частей речи, среди которых выявлено множество англицизмов. В то же время в китайском языке эти эмотивные заимствования не рассматриваются как новые. Кроме того, в силу различий в системах языков трудно прямо сопоставлять особенности заимствования исследуемых англицизмов, их анализ предполагает более глубокое исследование, в чем видится перспектива исследования. В данной статье авторы остановились на представлении некоторых китайских «модных» слов последних лет, называющих эмоции и чувства человека. Установлено, что это специфические для Китая слова и конструкции, смысл которых может выявляться в зависимости от контекста и/или синтаксической позиции. Показано, что, помимо заимствований, в обоих языках появляются новые значения уже известных слов.

Ключевые слова: неологизмы, заимствованная лексика, эмотивная лексика, русский язык, китайский язык

Введение

Современная коммуникация, в частности, интернет-взаимодействие, характеризуется большим накалом выражаемых ее участниками эмоций, маркерами которых в русском языке становятся неологизмы, являющиеся номинациями персоналий, событий, характеристик общения и др. В то же время, «активный процесс вхождения иноязычных слов наблюдается во многих других языках, и даже в таких

¹ Исследование проведено при поддержке Министерства образования КНР, Национального фонда гуманитарных и социальных наук по программе «Сопоставительное исследование русских и китайских прилагательных, обозначающих психологические ощущения человека, с точки зрения словарных толкований» (грант № 21YJC740016).

закрытых языковых системах, генетически отличных от индоевропейских языков, как японский или китайский языки...» [Маринова 2014: 65]. Внимание лингвистов привлекает сопоставительный аспект изучения новой заимствованной лексики, что представлено в ряде исследований как отдельных слов и выражений, так и лексико-семантических множеств [Дубровская, Юськаева 2022; Лунова 2012; Савченко, Лай 2020; Ху Пэйпэй 2012 и др.]. В фокусе внимания находится и лексикографическая фиксация новых слов [Жданова 2019; Крысин 2009; Леонтьева 2021; Щетинина 2022 и др.]. Так, рассматривая традиционные и электронные ресурсы изучения неологизмов, Ху Пэйпэй делает ряд выводов о значении их кодификации для развития лексики русского и китайского языков. При этом автор отмечает, что недостатком китайских словарей является то, что лексикографирование новых слов в них, как правило, осуществляется с большим опозданием [Ху Пэйпэй 2012: 11]. В целом, это заявление китайского лингвиста применимо и к оценке лексикографирования неологизмов в русском языке, поскольку, как отмечает М.А. Кронгауз в предисловии к словарю интернета, в отношении новых слов «объект исследования приходится все время догонять» [Словарь... 2016: 3].

Одним из лексико-семантических множеств, объединяющих неологизмы, является эмотивная лексика, сопоставительные исследования которой представлены на материале разных языков [Егоров 2020; Тиллоева 2015; Цуй Янь 2019 и др.]. Авторами рассматриваются особенности включения эмотивной лексики в процесс изучения иностранного языка [Мерзлякова 2019; Милованова, Шевчик 2019; Разоренова, Шляхова 2016 и др.] и специфика лексикографирования эмотивной лексики [Бабенко 2018; Булыгина, Трипольская 2017; Зайнульдинов 2014 и др.]. Между тем, исследований, посвященных новой эмотивной лексике в русском и китайском языках, не выявлено, чем обусловлена новизна исследования. В нашей работе мы опираемся на точку зрения А.А. Залевской о способности большинства семантических единиц сохранять эмоциональные, чувственные характеристики [Залевская 1988: 8], что позволяет включить в круг исследований довольно значительный фонд новых слов.

Эмотивные неологизмы в русском языке

Новые слова в русском языке, в частности, называют феномены из сферы коммуникации, в процессе которой участники выражают эмоции и чувства разного порядка: *троллинг* связан с провоцированием конфликтов между участниками сетевого общения; *флейминг* обозначает агрессивный спор, неожиданно возникший в ситуации многопользовательского интернет-взаимодействия; *кринжово* становится, когда человек испытывает чувство стыда, обычно за другого коммуниканта; *вайб* называет особое чувство, возникающее в соответствии с определенной атмосферой события, настроением, эмоциональным состоянием и проч. Современные неологизмы с эмотивной семантикой могут иметь разное происхождение: заимствоваться из иностранных языков, преимущественно английского (*рофлить*, *хейтовый*, *бодипозитив* и др.), или создаваться носителями языка как русские жаргонные лексемы (*ванилька*, *лампово*, *душила* и др.). Кроме того, они могут относиться к различным лексико-семантическим группам и грамматическим категориям. В данной статье мы проанализировали новые прилагательные с эмотивной семантикой, которая отражена в денотативной части значения. Данный тип лексики является инструментом вербализации эмоций носителей русского языка. Источниками материала стали

собранные в архив авторов [АА] тексты СМИ, статьи из социальных сетей и иных ресурсов, публикации и обсуждения, размещенные на различных форумах. Кроме того, при анализе значений мы опирались на недавно изданный одним из авторов идеографический словарь [Щетинина 2022], объединяющий новую лексику тематических групп «Единение» и «Вражда», которая во многом связана с выражением эмоционального отношения поддержки или конфронтации.

В русском языке мы выявили несколько групп прилагательных с точки зрения их образования и семантики. Так, прилагательные *душный*, *токсичный* являются непроеизводными словами, характеризующими как людей, так и неодушевленные понятия. Распространенная негативная характеристика людей представлена жаргонным сочетанием *душный человек* ‘человек, общение с которым подавляет, утомляет, вызывает неприятные чувства тяжести, тоски, уныния’ [Щетинина 2022: 363], например: *Какое поведение говорит, что перед вами **душный человек**? И чем такие люди отличаются от зануд?* (А. Старжевская. Кто такой душный человек ... // Советы психолога, www.5-tv.ru, 2021) [АА]. Его эквивалентом является жаргонизм *душила*: *Психологи называют их незрелыми личностями, в простонародье же привыкли говорить **душный** или **душила**. Если простыми словами, это люди, после общения с которыми вы начинаете испытывать негативные эмоции* (Кто такие душники и как понять, что вы один из них ... // life.ru, 2022) [Там же].

Другая образная характеристика человека, производящего отталкивающее впечатление, представлена прилагательным *токсичный* и эквивалентным ему по значению жаргонным существительным *токсик*: – это ‘тот, кто производит неприятное впечатление, раздражает окружающих нетактичностью, занудством, эгоистичностью, склонностью советовать или требовать что-либо, жалобами или излишней привязчивостью, обидчивостью, неуместным поведением и т. д.’, например: *Почему кругом одни **токсики**? Куда ни глянь, все друг друга оскорбляют, пытаются зацепить. Или ноют о своей жизни, что-то не так, это не то* (Токсики // 5 ответов на форуме Woman.ru, 2020) [Щетинина 2022: 364]; *Сохраняйте спокойствие. Основная цель **токсичных людей** – воздействовать на эмоции окружающих. Поэтому недопустимо эмоционально реагировать на их действия и слова. Это касается как внешней реакции, так и внутренней* (10 явных признаков токсичного человека // dnevnik-znaniy.ru, 2019) [АА].

Помимо образных характеристик человека и отношений между людьми (*душное поведение*, *душная близость*, *токсичные отношения*, *токсичная маскулинность* и др.), связанных с эмоциональным воздействием и восприятием, прилагательные *душный* (‘такой, который подавляет, утомляет, вызывает неприятные чувства тяжести, тоски, уныния’ [Щетинина 2022: 367]) и *токсичный* (‘такой, который оказывает негативное, губительное влияние на кого-или что-либо’ [Там же]) характеризуют другие объекты социальной действительности, при этом эмотивная семантика отражает чаще всего отношение говорящего к данному объекту, в частности, в контексте:

– политики, например: *Крафтовое пиво и забугорный сыр это, конечно, хорошо, но народу нужны настоящие реформы и люди, способные их осуществить. Все ссылки на обстоятельства, на **душный** режим и узкие окна возможностей понятны, но, увы, несостоятельны* (Н. Миронов. Страшно далекая оппозиция // Московский комсомолец, 2016) [Там же]; *Работаем с верой в то, что **токсичная** русофобская пыль в воздухе Вашингтона осядет и здравый смысл восторжествует* (Анатолий Антонов призвал

США наладить системный политический диалог с Россией // Коммерсантъ, 2019) [НКРЯ] и др.;

– экономических отношений, например: *Власти 13 июля заявили, что проверят факты и примут меры. Но инвесторы и контрагенты Boohoo предпочли сразу дистанцироваться от токсичного партнера: инвестфонды начали распродавать акции сети, чьи котировки почти за неделю снизились чуть ли не на четверть, а контрагенты – разрывать контракты (например, все крупные маркетплейсы, включая Amazon, отказались продавать товары Boohoo). Потребители развернули в соцсетях кампанию «Бойкот Boohoo», обвиняя сеть в использовании «рабского труда»* (То, что не измеряется деньгами // Коммерсантъ, 2020) [Там же] и др.;

– профессионального общения, например: *Токсичная офисная среда. Руководителям нравится думать, что их компания – пример меритократии и магнит для талантов, но в реальности такова, что даже самые квалифицированные сотрудники часто сталкиваются с токсичной корпоративной культурой, nepoтизмом и офисными интригами* (Как сказать «нет» неподходящим просьбам и дедлайнам // Ведомости, 2019) [Там же] и др.;

– культуры, например: *... вот начинающему автору трудно разобраться с оперной морфологией и, тяготея к сквозным построениям, он, тем не менее, выдает ряд законченных сольных номеров, а вот он пасует перед тяжеловесной драматургией либретто Катюля Мендеса, пересказывающего классицистский сюжет корнелевского «Сида» языком душного декадентства* (Реконструкция водораздела // Коммерсантъ, 2011) [Там же] и др.

Данные слова воплощают идеограмму ‘негативно влияющий на людей, вызывающий негативные эмоции’. Эквиваленты новых лексем *душный* и *токсичный* в литературном языке, зафиксированные в словарях, представлены словами: *неприятный, подавляющий, тоскливый, тяжелый, унылый, утомительный и агрессивный, враждебный, злобный, злопахательский, недоброжелательный, ядовитый* (переносное). Синонимами сочетания *душный человек* и лексемы *душила* являются слова *зануда, нытик*, а синонимами жаргонизма *токсик – агрессор, зануда, наглец, хам, хлюст* (просторечное), *циник, эгоист*, в семантемах которых есть также эмотивные семы.

Семантическое множество, представленное идеограммой ‘связанный с оказанием негативного эмоционального воздействия’, объединяет производные прилагательные, образованные, как можно предположить, от заимствованных существительных с процессуальным значением, поскольку, в свою очередь, они являются производными от глаголов: *абьюзивный* – ‘связанный абюзом, с совершением одним человеком или группой лиц физического, психологического или экономического насилия в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы’ [Щетинина 2022: 397]; *бодишейминговый / бодишеймерский* – ‘выражающий, в том числе публично, негативное отношение к человеку, внешность которого из-за полноты или других особенностей не отвечает современным стандартам красоты’ [цит. раб.: 397–398]; *буллинг* – ‘относящийся к буллингу как агрессивному преследованию с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц другим его членом или группой лиц (чаще всего в школьном коллективе)’ [Там же: 398]; *газлайт* / *газлайтовый* – ‘относящийся к газлайту, газлайтингу как психологическому насилию, манипуляции с целью вызвать сомнение у жертвы в адекватности восприятия мира, себя и других людей через насмешки, обвинения

и запугивания» [цит. раб.: 398–399]; *моббинговый* – ‘связанный с психологическим и / или физическим насилием, проявляющимся в травле члена коллектива с целью вынудить его к увольнению» [цит. раб.: 399]; *шеймерский* – ‘выражающий осуждение человека за то, что его поведение, внешний вид не соответствуют общепринятым стандартам, нормам» [цит. раб.: 400]; *эйблистский* – ‘дискриминирующий человека заявлением о его непригодности по физическим и интеллектуальным свойствам» [Там же]; *эйджистский* – ‘дискриминирующий человека заявлением о его непригодности по возрастному критерию» [цит. раб.: 401]. Общим семантическим компонентом всех значений является психологическое воздействие (семы: ‘насилие’, ‘дискриминация’, ‘осуждение’, ‘негативное отношение’, ‘преследование’, ‘подавление воли’, ‘манипуляции’, ‘обвинения’ и др.), призванное повлиять на другого человека, вызвав у него негативные эмоции, чувства подавленности, униженности (семы: ‘жертва’, ‘непригодность’, ‘не соответствует нормам’).

Литературные эквиваленты приведенных выше примеров лексем, зафиксированные толковыми словарями, также связаны с негативным эмоциональным воздействием на человека и соответствующим восприятием им этого влияния: ср. *абыюзивный*, *буллинговый* (*агрессивный*, *подавляющий*, *унижающий*), *газлайтный* / *газлайтовый* (*агрессивный*, *давящий*, *издевательский*, *насильственный*, *унижающий*) и др. Повторяющимися эквивалентами для представленного ряда слов являются прилагательные *агрессивный* и *дискриминационный*. В словаре Л.Г. Бабенко «Алфавит эмоций», отображающем «картину эмоций, воплощенную в лексике русского языка» [Бабенко 2021: 14], прилагательное *агрессивный* включается в две группы слов, интерпретирующих эмоции как вражду и неприязнь. Типовая семантика языковых единиц, объединенных значением вражды, отражает «эмоциональные взаимоотношения, возникающие и существующие как между отдельными людьми, так и между достаточно большими группами, объединениями лиц, основанные на сильной ненависти, злобе к кому-л. и обусловленные разными причинами: социальными, национальными, интеллектуальными, психологическими, а также индивидуальными личностными качествами людей, их морально-нравственной несовместимостью, которые часто ведут к непониманию, *несогласию*, *неприязни* (курсив автора – Л.Б.)» [цит. раб.: 62]. В свою очередь, неприязнь – менее интенсивно выражаемое, нежели вражда, но «крайне неприятное чувство, основанное на отсутствие должного уважения, симпатии, любви к кому-, чему-л., на непочтительном отношении, на нерасположении, недоброжелательности, недружелюбии к кому-л.» [цит. раб.: 117].

Характеристика того, кто (или что) «вызывает у кого-то чувство неловкости, стыда вплоть до отвращения, как правило, за другого человека» [Щетинина 2022: 183] называется в современном молодежном языке жаргонизмом *кринжовый*: *Поэтому и отношений никогда не было – почти все, кого я лично знала в шк, в универе и просто так, были невероятно странными и кринжовыми, 70 % чисто гопники и оффники с подобающей манерой речи и культуры, а остальные – такие чудаковатые и неловкие челы, за поступки и слова которых постоянно приходилось краснеть и хотеть поскорее прекратить общение* (Почему большинство парней такие кринжовые? // 28 ответов на форуме Woman.ru, 2021) [АА].

Среди позитивных характеристик эмоционального отношения человека к фактам действительности можно выделить неологизмы *вайбовый*, *ламповый*, *крашевый*, *рофловый*.

Наиболее сложной с точки зрения определения нам представляется лексема *вайбовый*, поскольку она является номинацией разных чувств, настроений в зависимости от ситуации (грусть, радость, меланхолия и др.), которые вызывают разные объекты окружающего мира, преимущественно связанные с музыкой, например: *Вайбовый трек является комплиментом музыке. И дает понять, что эта песня заслуживает похвалы, она «качает» и «цепляет»* (sdelaicomp.ru, 2020) [Там же]. Кроме того, данным прилагательным характеризуются и другие реалии, связанные с творчеством, например, изображения: *вайбовый фон, вайбовые обои* (фон); фанфики (любительские сочинения, основанные на других популярных произведениях: книгах, фильмах, сериалах, играх – прим. наше): *В общем. Это вайбовый фф, тут будет описываться атмосфера вокруг гг, комнаты, и прочие детальки* (ficbook.net) [Там же]; образы: *Оливия – самый вайбовый персонаж из скетчей Брайна* (yappy.media) [Там же] и др. Прилагательное включается в названия, например, автомобильного аксессуара: *Грилы для динамиков, 16 см «Вайбовый лев»* (kazanexpress.ru) [Там же]; блюда: *ВАЙБОВЫЙ Состав: жаренная форель в кляре, шампиньоны в фирменном соусе, салат чука, огурец, омлет, творожный сыр, моцарелла, фирменный соус. Вес: 1350 гр, 40 шт* (xatiko.ru) [Там же]. Встречается «вайбовая» характеристика времени: *Сегодня был очень вайбовый день – в прямом смысле этого слова! Мы увидели клип на совместный трек Vibe от Чимины и Тэяна! (Кто твой биас? Дзен, 2023)* [Там же]. Общим эквивалентом данного жаргонного прилагательного, на наш взгляд, является лексема *атмосферный*, в настоящее время не зафиксированная в этом значении в толковых словарях, хотя встречается переносное значение существительного *атмосфера* ‘общий эмоциональный фон, который свидетельствует о чьих-л. отношениях, о характере протекания какого-либо действия’ [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2017: 33]. Следовательно, и прилагательное характеризует эмоциональный фон: *Это ни в коей мере не политическое кино – скорее атмосферное и медитативное, но, к сожалению, не способное по-настоящему ни заинтриговать, ни увлечь* (Атмосферные появления // Коммерсантъ, 2016) [АА].

Особое состояние уюта, комфорта, приятное впечатление, создаваемые в процессе общения людей, отражает значение прилагательного *ламповый* – ‘приятный, милый, трогательный, располагающий к себе, вызывающий умиление, приятные чувства, эмоциональное расслабление’: *Ламповое общение, что это такое, дорогие читатели? Ламповое общение включает в себя множество параметров. Давайте посмотрим некоторые из них* (Ламповое общение // bigcookies.ru, 2017); *Ламповые знакомства. Твой уютный уголок* (vk.com, 2022) [Щетинина 2022: 192–193].

Прилагательное *крашевый* (‘любимый, вызывающий чувство восхищения, влечения и под.’) является названием чувства, которые вызывает *краш* – ‘предмет воздыхания, обожания, влечения, восхищения’, причем им может быть как человек: *Имбовый чел, крашевый краш и моя любимая булочка* (Гача Amino vk.com, 2021); так и неодушевленный предмет: *Крашевые гифочки* (tol39.livejournal.com, 2012); *Идеи на тему «Крашевая Будочка» (250) иллюстрации, мальчики искусство арт, милые рисунки* (ru.pinterest.com) [цит. раб.: 183].

Характеристика внешнего выражения эмоции радости содержится в значении прилагательного *рофловый* ‘шуточный, смешной’ [цит. раб.: 184]. Как отмечает Л.Г. Бабенко, «радостно-возбужденное состояние, беззаботно-приподнятое настроение сопровождаются типичными внешними проявлениями: улыбкой, смехом,

приливом физических и душевных сил, живостью, энергией», что становится «заразительным и привлекает окружающих, вызывая у них одобрителное отношение» [Бабенко 2021: 134]. Объектом характеристики могут быть как одушевленные, так и преимущественно неодушевленные понятия: ср. *рофловый пацан, рофловый кот, рофловый трек, рофловый видос, рофловый поддомен, рофловый хайп, рофловый фанфик, рофловый Новосибирск* и др. Прилагательное используется, главным образом, в речи молодежи: *Нужен ник, связанный с лесом. Помогите придумать, у кого с фантазией все норм! ... Можно максимально **рофловое**, можно серьезное* (dota2.ru/forum, 2018) [АА].

Таким образом, эмотивная лексика в русском языке активно пополняется прилагательными, характеризующими отношения людей и объекты действительности, которые вызывают определенные чувства или создают их. При этом у прилагательных есть однокоренные слова других частей речи, которые являются либо исходными словами (*душный, душнила, душнить; токсичный, токсик, токсичность*), либо производными (*абьюзить, абьюзерить, абьюз, абьюзинг, абьюзмент, абьюзивный, абьюзерский, абьюзер, абьюзерша*). Отмечая доминирование иностранных заимствований, Е.В. Маринова пишет, что «последствия такого доминирования проявляются в том, что русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы: словообразовательной, если заимствуются однокоренные слова, связанные в языке-источнике отношениями производности: блог – блогер; дайвинг – дайвер и др., или лексической, если заимствуются гипонимы, обозначения разновидностей какой-либо реалии...» [Маринова 2014: 68]. Среди проанализированных прилагательных нам не встретились слова, не имеющие родственных лексем в русском языке, что, на наш взгляд, можно считать свидетельством достаточной устойчивости этих языковых единиц, особенно в тех случаях, когда образуется гнездо слов (см. *абьюзивный* и др.), и достаточным основанием для их лексикографического описания, в том числе в двуязычных словарях, поскольку Интернет создает условия для неформального общения молодежи, и молодежный язык может становиться объектом изучения для инофона.

Другим основанием устойчивости заимствований можно считать типовую сочетаемость новых лексем, свидетельствующую об их употребительности (*буллингвая ситуация / среда, буллингвая структура, буллингвое поведение, буллингвое содержание, буллингвые группировки, буллингвые отношения, буллингвые правила; ламповая атмосфера, ламповая девчонка, ламповое кино, ламповая колонка, ламповое общение, ламповое чтение, ламповые вещи, ламповые посиделки, ламповый новогодний стол, ламповый разговор* и др.).

Модные эмотивы в китайском языке

В китайском языке, вследствие расширения международного общения, наблюдается очевидная тенденция роста заимствованной лексики, прежде всего, новых слов из английского и японского языков. При этом, в силу принципиальных различий в способах заимствования лексических единиц и их адаптации к системе языка в русской и китайской традициях, проведение прямых параллелей между особенностями заимствования и появления новых значений уже известных слов в русском и китайском языках видится не вполне корректным. Требуется отдельное сопоставительное исследование каждого слова и выражения. Так, английское слово

abuse не является новым в китайском и переводится по-разному в зависимости от контекста. Напротив, для китайского языка новым является слово, которое в русском языке переводится как *домосед* (давно известное понятие в русской культуре с соответствующей номинацией). Китайцами оно заимствовано из японского языка и по происхождению является японским семантическим коррелятом. Ранее в китайском языке не было ни одного иероглифа с таким значением, и соответствующее понятие выражалось более сложно. В настоящее время интернет-неологизм *zhai* ‘домосед’ получил активное и широкое распространение.

Мощный приток заимствованных слов оказал значительное влияние на лексическую, фонетическую и грамматическую системы китайского языка и в некоторой степени изменил образ современного Китая [Ни Дун 2015: 310]. Министерство образования и Государственный комитет по языковой политике и реформе КНР ежегодно выпускают «Отчет о языковой ситуации в Китае» (см., например, [Отчет... 2022]), в котором, помимо результатов изучения заимствованной лексики и других новых явлений в китайском языке, представляется десять лучших неологизмов года, извлеченных из китайских СМИ на основании мониторинга лингвистического корпуса и частоты использования слов в национальных языковых ресурсах. Иначе эти языковые единицы исследователи рассматривают в качестве «модных слов»: «Стоит отметить, что в настоящее время проводится мало исследований по использованию модных слов в медиaproстранстве, однако можно утверждать, что этот феномен в китайском сегменте сети Интернет отчетливо отражает общественные интересы, которые, в свою очередь, формируют медиаобраз современного Китая, демонстрируют живой облик страны» [Цзюй Чуанья, Чжэнь Юе, Чжун Юе 2022: 159 – *здесь и далее перевод с китайского нами*].

Среди модных слов, рассмотренных нами на материале китайского языка, можно выделить несколько единиц со значением эмоционального отношения. Им и будет посвящен данный раздел статьи. Так, любовь к звездам, кумирам выражается сложносокращенным словом в пиньиньской транскрипции *YYDS* (*Вечный Бог, как Боженька*). Помимо этого, *YYDS* может означать *永远单身 / вечный холостяк* или *英语大神 / великий знаток английского языка*, также используемые для выражения оценочного отношения. Более того, буквенное сокращение *YYDS* можно добавлять во все реплики с целью обозначить эмоционально-оценочную реакцию: *Китайская кухня YYDS!*; *Мне очень нравится фильм «Блуждающая Земля 2» (китайский научно-фантастический фильм), YYDS [AA]*. Некоторые эксперты считают, что буквенные сокращения типа *YYDS/yyds* не соответствуют правилам китайского словообразования. Это сокращение на пиньинь китайских символов «*永远的神*», образованное первыми буквами каждого слова. *YYDS* обычно используется в письменной форме на различных интернет-платформах, где пользователи оставляют комментарии, сообщения в WeChat и т. д. Это удобный способ ввода на клавиатуре, соответствующий принципу экономии усилий. Кроме названного, актуальны такие сокращения с эмотивным значением, как *xswl* (笑死我了 ‘умереть со смеху’) и *ssfd* (瑟瑟发抖 ‘дрожать сильно’).

Чувство восхищения участники общения также могут выражать при помощи образования *绝绝子 / абсо-абсолютно*, которое выступает в роли прилагательного (*绝绝子*). *这个画风简直绝绝子 / Этот стиль просто уникальный = абсо-абсолютно*) или наречия (*他俩没分手都能成热点绝了 / Они не расстались, но могут стать горячей темой – это удивительно и запутывающе = абсо-абсолютно*). Данный эмотив появился на форуме Байду как выражение крайней признательности поклонников

своему кумиру – американской звезде Тейлор Свифт [Байду... [http](#)]. Конструкция используется в предложении для выражения субъективной, в т.ч. негативной, оценки или отношения к какому-то событию или состоянию. Например, в предложении *晚上 11 点下班打车还要排队绝了 / Мне приходится стоять в очереди на такси после того, как я заканчиваю работу в 11 часов вечера – это неприятно = абсо-абсолютно* (Weibo) [AA] говорящий выражает чувство беспомощности и недовольства. Изолированно от контекста *绝绝子 / абсо-абсолютно* не обозначает какие-либо конкретные эмоции, но приобретает значение в синтаксической позиции в конце предложения. Таким образом, у говорящего есть возможность выразить сильные, позитивные эмоции, главным образом, восхищения, одобрения и под.: ср., например: *这个画风简直绝绝子 / Этот стиль живописи просто великолепен; 音乐会现场氛围绝绝子 一定要去看 / просто потрясающая атмосфера на концерте, надо обязательно пойти* (Weibo) [Там же].

Одобрение также репрезентируется выражением *我看不懂，但我大受震撼 / ничего не понял, но очень круто*, произнесенным китайским режиссером Ли Ань по поводу фильма, посвященного Ингмару Бергману. Конструкция используется в речи китайцев в тех случаях, когда оценка какого-то объекта вызывает затруднение, но в целом автор высказывания испытывает положительные эмоции: *看到群里的视频，我看不懂，但我大受震撼。有高人能指点迷津吗？ / Когда я увидел видео, ничего не понял, но было очень круто. Может ли кто-то более опытный помочь мне понять это?; 这场表演绝了，我看不懂，但我大受震撼。 / Эта вступительная речь абсолютно потрясающая, ничего не понял, но очень круто* (Weibo) [Там же].

Кроме того, среди модных слов фиксируется языковая единица с негативной коннотацией *伤害性不高，侮辱性极强 / не очень обидно, но крайне оскорбительно*, которая описывает чувства человека в неудобной ситуации. Появление выражения связано с сюжетом видеоролика, в котором мужчины едят из одного блюда и не обращают внимания на женщину, находящуюся между ними, из-за чего она испытывает чувство неловкости. Этим выражением обозначаются в целом случаи психологического дискомфорта (*盘点那些“伤害性不高，侮辱性极强”的尴尬瞬间。 / Перечисление тех неловких моментов, которые «не очень обидны, но чрезвычайно оскорбительны»*) (Weibo) [Там же]; конкретные случаи, характеризующие поведение человека (*小家伙的反应 伤害不大但侮辱性极强 / Реакция малыша – не слишком обидная, но чрезвычайно оскорбительная*) (Weibo) [Там же].

В сфере социально-политических отношений также появилось несколько эмотивов, выражающих позитивные чувства человека. Так, *破防 / быть взволнованным* – языковая единица, с помощью которой пользователи социальных сетей могут выразить воодушевление, растроганность в связи с каким-либо важным событием, например, в связи празднованием 100-летия Компартии Китая. Здесь выражение эквивалентно сочетанию *прорвать / сломать оборону* и в буквальном переводе звучит так: *破防的瞬间。 / Момент прорыва обороны*, но по значению равно *волнующий момент*: *我何德何能能遇到这么多好人，今天又是破防的一天 / Как я счастлив встретить так много хороших людей! Сегодня еще один день, чтобы сломать оборону (= быть взволнованным)* (Weibo) [Там же].

Один из авторов данной статьи уже рассматривал подробно новый феномен современной китайской действительности, который называется *танг пинг / лежать на месте ровно / лежать ровно / лежать плашмя* [Го Лицзюнь, Ван Цзыюй 2021].

Во многом он связан с эмоциональным восприятием частью молодежи необходимости высокой, интенсивной конкуренции в профессиональной жизни. Реакцией на конкуренцию является стремление к отказу от социальной активности, стремление к психологической защите, спокойствию и, как следствие, к счастью. При этом, позитивной эмоциональной характеристикой феномена танг пинг, которая может включаться в дефиницию выражения в его периферийной части, является компонент получения счастья в результате соответствующего образа жизни (我认为积极的“躺平”，就是接纳和认清生活的艰辛 / Я считаю, что позитивное «*лежать плашмя*» означает принятие и осознание трудностей жизни (Weibo) [Там же]). В то же время, можно выявить и негативные коннотации эмоционального восприятия явления *лежать на месте ровно*, среди которых лень, в том числе эмоциональная, которая сопровождается разными чувствами, например, угрызениями совести из-за образа жизни (躺平固然舒服，舒服的了—时可不能舒服—世，内心的空虚与愧疚只有自己知道 / Удобно *лежать ровно*, но постоянно это не может быть комфортным. Только ты знаешь о пустоте и чувстве вины в своем сердце (Weibo) [Там же]).

Список модных слов в китайском языке не ограничивается рассмотренными языковыми фактами. Каждый год он пополняется единицами, называющими общественно значимые понятия, и, на наш взгляд, показательно, что значительная часть этих слов и выражений отражает особенности эмоционального отношения носителей языка к актуальным явлениям действительности.

Заключение

Таким образом, можно констатировать пополнение фонда эмотивной лексики в русском и китайском языках новыми словами и значениями, при этом часть из них связана с социальным взаимодействием. Однако, в силу разницы в языковых системах, мы не можем провести прямые параллели между способами заимствования слов. Отметим, что в русском языке в последние десятилетия появилось значительное количество англицизмов, в том числе, имен прилагательных, имеющих эмотивные значения, связанные со сферой психологических отношений между людьми и эмоционального восприятия человеком окружающей действительности (*абьюзивный, булливый, эйджистский, вайбовый* и др.). Их адаптация к системе русского языка проявляется в том, что сами прилагательные являются дериватами и имеют однокоренные слова разных частей речи (*абьюзить, абьюз, булли, буллить, газлайтер, газлайтить, вайб* и др.), а также типовую лексическую сочетаемость. В китайском языке данная лексика не воспринимается в качестве новой. Поэтому эмотивная лексика выявлялась нами в ряду новых языковых фактов, которые рассматриваются в китайской лингвокультуре как модные слова. Среди них выделяются слова и выражения с семантикой позитивных и негативных эмоций, которые носители китайского языка активно используют для обсуждения как повседневной жизни в социальных сетях (*абсо-абсолютно* и др.), так и социально-политических вопросов (*быть взволнованным, танг пинг / лежать на месте ровно* и др.). Кроме того, в обоих языках отмечается появление новых значений у уже известных слов и выражений. Изучение и описание фонда новой лексики с эмотивным значением может быть полезно для разработки методов перевода и преподавания языка инофонам, а также лексикографической практики.

© Го Лицзюнь, Щетинина А.В., 2023

Литература

Бабенко Л.Г. Интеграция ментальных пространств в лексикографической интерпретации (на материале эмотивной лексики в идеографических словарях) / Л.Г. Бабенко // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4(57). 2018. С. 67–77. DOI 10.20916/1812-3228-2018-4-67-77.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 16. № 9. 2017. С. 11–21. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21.

Го Лицзюнь, Ван Цзыюй. Китайский концепт ТАНГ ПИНГ / ЛЕЖАТЬ НА МЕСТЕ РОВНО в восприятии россиян // Научный диалог. № 11. 2021. С. 63–81. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-63-81.

Дубровская Т.В., Юськаева Э.И. Соционим «уурри» в массмедиа: социокультурные и языковые трансформации // Филологический класс. Т. 27. № 4. 2022. С. 38–53. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-04.

Егоров Н.В. Эмотивная лексика в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. № 2(105). 2020. С. 14–23.

Жданова Е.А. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный аспекты. Дис. ... канд. филол. н. Нижний Новгород, 2019. 265 с.

Зайнудинов А.А. Русская эмотивно-оценочная лексика и фразеология в лексикографическом описании // Актуальные проблемы языкознания. Т. 1. 2014. С. 11–13.

Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. С. 5–15.

Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов: справочное издание. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.

Лунёва Ю.В. Интерлексикологический подход к изучению неологизмов в родственных и неродственных языках. Автореферат дис. канд. филол. н. Москва, 2012. 32 с.

Маринова Е.В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 65–149.

Мерзлякова Е.В. Особенности семантизации эмотивной лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 8. № 2(27). 2019. С. 73–76. DOI 10.26140/bgz3-2019-0802-0015.

Милованова Л.А., Шевчик Е.Е. Обучение студентов рецептивной эмотивной лексике в процессе чтения художественных текстов на английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 3(136). 2019. С. 69–76.

Ни Дун. Классификация и характеристика транслитерированных заимствованных слов из английского языка путем ассимиляции // Исследование инноваций в обучении

иностранным языкам и развитию перевода (Том четвертый). Чэнду: Издательство Сычуаньского педагогического университета, 2015. С. 310–313.

Разоренова Ю.А., Шляхова П.Е. Методика работы с эмотивной лексикой в процессе обучения полному пониманию современных англоязычных художественных текстов // Инновации в науке. № 56-2. 2016. С. 83–89.

Савченко А.В., Лай Я.Ц. «Коронавирусные неологизмы»: от лексики и фразеологии к интернет-мемам (на материале русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. Т. 7. № 4. 2020. С. 865–886. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).865-886.

Тиллоева С.М. Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале эмотивной лексики русского и таджикского языков) / Проблемы истории, филологии, культуры. № 3(49). 2015. С. 412–422.

Ху Пэйцэй. Английские неологизмы-заимствования в русском и китайском языках: автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2012. 19 с.

Цзюй Чуанья, Чжэнь Юе, Чжун Юе. Медиаобраз китайской молодежи: модные слова в микроблогах интернет-платформы Вэйбо // Научный диалог. Т. 11. № 10. 2022. С. 156–175. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-156-175.

Цуй Янь. Обозначение эмоции злости в глагольной лексике (на материале русского и китайского языков) // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. № 3. 2019. С. 115–120.

Словари

Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2021. 432 с.

Леонтьева Т.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021. 424 с.

Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. Москва: Словари XXI века, 2017. 1456 с.

Словарь языка интернета.ru. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

Щетинина А.В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века: Идеографический словарь. Екатеринбург: Ажур, 2022. 586 с.

Источники примеров

АА – Архив авторов: онлайн ресурсы (статьи в электронных СМИ, блоги, аккаунты социальных сетей, форумы).

Байду, ты узнаешь (百度一下, 你就知道) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baidu.com/> (дата обращения: 05.01.2023).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscogroga.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

Отчет о языковой ситуации в Китае в 2022 г. Под редакцией отдела по вопросам управления информацией о языке и иероглифах Министерства образования КНР. Пекин: Коммерческое издательство, 2022. 367 с.

Weibo [Электронный ресурс]. URL: <https://weibo.cn/pub/> (дата обращения: 12.01.2023)

Сведения об авторах:

Го Лицзюнь – доктор филологических наук, доцент факультета русского языка, Институт международных исследований, Университет имени Сунь Ятсена.

Контактная информация:

510275, г. Гуанчжоу, ул. Синган-Си, д. 135, Китай.

ORCID: 0000-0002-9711-4180

e-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Щетинина Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, докторант, Уральский федеральный университет.

Контактная информация:

620085, г. Екатеринбург, ул. Чапаева, 16

ORCID: 0000-0002-9085-8697

e-mail: A.V.Shchetinina@urfu.ru

Для цитирования:

Го Лицзюнь, Щетинина А.В. Актуальная эмотивная лексика в русском и китайском языках: новые слова и значения // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 36–49, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-36-49

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-36-49

Research article

**ACTUAL EMOTIVE VOCABULARY IN RUSSIAN
AND CHINESE: NEW WORDS AND MEANINGS¹**

Guo Lijun

Sun Yat-Sen University, Guangzhou, China

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

Abstract

The article describes new words with emotive meanings in Russian and Chinese. The research is relevant to the intensity of borrowing processes in both languages associated with the communication activity among internet users, during which they make evaluative judgments. This work aims to study the semantics of new linguistic units related to the fund of emotive vocabulary which belongs to neologisms in Russian and “trendy” words in Chinese. The authors show that a significant number of adjectives as derived units and their cognate words of different parts of speech have appeared in the Russian language and note that a significant number of new linguistic units in the Russian language are Anglicisms. These words, however, are not considered new in Chinese. Moreover, due to language system differences, it is difficult to directly compare the features of analyzed Anglicisms.

Their analysis implies deeper research, which is the perspective of the study. In this article, the authors focus on presenting some of the “trendy” Chinese words of recent years that denote human emotions and feelings and found that these are Chinese-specific words and constructions. Their meaning depends on the context and/or syntactic position. In addition to borrowings, both languages have new meanings of known words.

Keywords: neologisms, borrowed words, emotive words, Russian language, Chinese language

© Guo Lijun, Shchetinina A.V.

Bionotes:

Guo Lijun — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Studies, School of International Studies, Sun Yat-Sen University.

Contact information:

510275, Guangzhou, Xingang Xi Road, No. 135, P. R. China

ORCID: 0000-0002-9711-4180

e-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Shchetinina Anna Viktorovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communication Languages, Doctoral student, Ural Federal University.

Contact information:

620085, Yekaterinburg, Chapaev str., 16

ORCID: 0000-0002-9085-8697

e-mail: A.V.Shchetinina@urfu.ru

For citation:

Guo Lijun, Shchetinina A.V. Actual emotive vocabulary in Russian and Chinese: new words and meanings // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 36–49. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-36-49 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-50-68

Научная статья

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «БОГАТСТВО» С КОНЦА XX ВЕКА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Кольцова Надежда Викторовна,

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Чулкина Нина Леонидовна,

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация

В статье представлена часть исследования концептуального поля БОГАТСТВО в обыденном языковом сознании носителей русской лингвокультуры.

Цель данного этапа исследования – проследить трансформацию и выявить статус концептуального поля БОГАТСТВО в ядре языкового сознания рядового носителя русской лингвокультуры за последние тридцать лет, отмеченные серьезными социально-экономическими и политическими изменениями в российском обществе.

Материалом исследования послужили ассоциативные базы данных, созданные в разные временные периоды – от постсоветского до наших дней.

В исследовании рассматривается то, как ценности коллективизма по мере изменения политической ситуации в стране все больше сменялись ценностями индивидуализма. В сознании россиян возникала ассоциативная связь *деньги – добро*, поскольку деньги открывают возможности, дают силу и власть, но также остается и связь *деньги – зло*, в связи с тем, что неравномерное распределение социальных благ в обществе лежит в основе возросшего социального неравенства, а непрерывное накопление богатства не входит в ключевые ценности архетипов русского языкового сознания.

Ключевые слова: концептуальное поле, обыденное языковое сознание, богатство, ассоциативный словарь, трансформация

Введение

Концептуальному полю БОГАТСТВО посвящено достаточно много исследований, например, в работах [Кунбуттаева 2013, Клементьева 2008, Куций 2003, Стешина 2008] представлено сопоставление с аналогичным концептом в английской лингвокультуре. Богатство, как и власть, входит «в число основных измерений социальной стратификации общества» [Уфимцева 2022: 645]. В своей работе «Образ власти по материалам крымского ассоциативного словаря» Н.В. Уфимцева выявила разрушение архетипов русской культуры в языковом сознании современного носителя русского языка и продемонстрировала, что это находит прямое выражение в структуре языкового сознания и образе мира в целом [Уфимцева 2022]. В конце прошлого столетия, после десятилетий относительной стабильности, наша страна пережила

распад, ряд экономических реформ и глубокий экономический и политический кризис, которые привели к усилению процессов социальной стратификации, изменению структуры общества и жизни в целом. Вслед за Н.В. Уфимцевой мы полагаем, что произошедшие изменения нашли некоторое отражение в сознании населения в связи с трудностью принятия новых реалий, поэтому считаем необходимым сопоставить периоды, когда реформы были в разгаре, с более поздними. Материалом исследования послужили ассоциативные базы данных, созданные в разные временные периоды – от постсоветского до наших дней: Русский ассоциативный словарь (РАС) Русский региональный словарь-тезаурус (ЕВРАС), Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС). Материал первого источника был собран и опубликован в конце советского – начале постсоветского периода, когда активно происходили социально-политические изменения, перевернувшие жизнь страны и российских граждан. Второй и третий источник были созданы в начале XXI века и пополняются до сих пор. Данные двух последних словарей отражают изменения в содержании концептуального поля БОГАТСТВО и его положении в ядре языкового сознания. Мы предполагаем, что концептуальное поле БОГАТСТВО, представленное в словаре РАС, еще во многом будет отражать советское мировоззрение, поскольку респонденты большую часть жизни прожили именно в тот период и, возможно, не успели адаптироваться к новым реалиям. Второй и третий словари, скорее всего, отражают уже измененную картину мира, поскольку с начала постсоветских реформ прошло более 20 лет.

Сопоставительный анализ реакций на стимул БОГАТСТВО

Данные РАС публиковались в период с 1994 по 1999 гг., сбор материала осуществлялся в период с 1987 по 1997 гг.

Ранее мы уже проводили анализ ассоциативного поля БОГАТСТВО, представленного в РАС, и сопоставляли их с результатами ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди китайских студентов, обучающихся в России. С исследованиями можно ознакомиться в статье [Галактионова (Кольцова) 2016]. Нами был проведен также сравнительный анализ концептуальных полей БОГАТСТВО/БЕДНОСТЬ в китайской и русской наивных языковых картинах мира с применением дополнительных методик [Кольцова, Чулкина 2018].

ЕВРАС был опубликован в 2014 году, затем переиздан в 2018 году. «Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из русского ассоциативного тезауруса (РАС 1994–1998), чтобы иметь возможность изучать изменения, произошедшие в быденном сознании молодого поколения русских в начале XXI века» [Уфимцева 2014: 264]. Это крупномасштабный проект, в котором приняли участие жители разных регионов нашей страны.

Проект «Русская региональная ассоциативная база данных» – это обновляемый и пополняемый ресурс. Основной эксперимент проводился с 2008 по 2013 год в крупных городах Сибири и Дальнего Востока. В качестве испытуемых выступили студенты, преимущественно находящиеся в возрастной категории от 17 до 25 лет.

Данные ассоциативных словарей и их интерпретация

Таблица №1

Стимул БОГАТСТВО

Группы реакций	Данные РАС	Кол-во реакций (% ответов)	Данные ЕВРАС	Кол-во реакций (% ответов)	Данные СИБАС	Кол-во реакций (% ответов)
Материальные блага	а) денежные средства: деньги 11; \$, денежки, доход, достаток 1; б) драгоценности: золото 2; с) недвижимость: вилла, земельное 1;	19 (20%)	а) денежные средства: деньги 119; достаток 6; прибыль, состояние 3; капитал, обеспеченность 2; б) драгоценности: золото 49; сокровища 4; клад, сундук 2; с) недвижимость: дом 3; особняк, олигарх 2;	197 (54%)	а) денежные средства: деньги 121; монеты 4; много денег 2; бабки, бабло, горы золотых монет, деньги, душа, деньги, скукота, деньги, счастье, деньги, ум, доллары, золотые монеты, кошелек, мелочь, мешок, миллионы, в сейфе 1; б) клад, корона 2; вклад (клад), золото, клад, казна, кольца, мех, наследство, сундук 1; с) недвижимость: дом 2; вилла, имущество 1; д) прочие материальные ценности: компьютер 1;	157 (33%)
Нематериаль-ные блага	а) духовное богатство: души 3; духовное 2; душевного 1; б) знания и мысли: знаний 2; знаниями, мыслей, мысли 1; с) власть 2; слава 1; д) свобода 1;	15 (16%)	а) духовное богатство: душа 5; духовное, душевное, души 4; б) знания и мысли: мысли, ума 2; с) власть 9; слава 3; д)- е) счастье, удача 4; ф) труд, работа 3; г) друзья 3;	53 (14%)	а) духовное богатство: души 13; внутри, духовное, душевное, добро, щедрость 2; душа, совесть 1; б) знания и мысли: мысли, ум, ума 2;	98 (21%)

Большое количество	несметное, огромное 3; большое 2; впрок, дикое, много, много всего, невиданное 1;	13 (14%)	большое 5; много 4; огромное, несметное 3;	14 (4%)	много 5; большое 4; изобилие, иметь много, не бывает много, немеренное , неожиданное, неописуемое , непомерное , несметное 1 ;	17 (4%)
Национальное богатство, природные ресурсы	а) принадлежность: народа, народное 3; людям, нации, страны 1; б) природные богатства: природы, земли, земли=леса=озера 1;	12 (13%)	а) принадлежность: страны 6; людей 3; мира 2; б) природное: земли 2;	13 (4%)	а) принадлежность: людей, мира, России 2; населения, нации, национально, общее, страны 1; б) природные богатства: золото 31 ; бриллиант , драгоценность , земли, земное, нефть , природы, Сибири 1;	49 (10%)
Ассоциаты с отрицательной коннотацией	ад, бред, не радость, тяжесть, жадность, козлов, смерть, рабство 1;	8 (9%)	зло 3; беспечность, жадность, зависть, порок 2;	11 (3%)	зло 9; жадность 3 ; алчность , боль, глупость, гнев , грех, зависть, награбленно , несчастье, нет счастья, нечестно , озлобляет , плохо, порок, проблемы, скупое, убивает, чертям, яд, яма 1;	31 (7%)
Качество жизни, витальные ценности	беспроблемная жизнь, жизни, жизнь, комфорт, хорошо жить 1;	5 (5%)	а) жизнь, жизни 2; б) благополучие 3;	7 (2%)	жизни, жизнь, здоровье 2; вода, воздух, комфорт, средство существования 1;	10 (2%)
Антонимические реакции	бедность 3;	3 (3%)	бедность 33; беднота 4; и бедность, нищета 3;	43 (12%)	бедность 27; и бедность, нищета 2;	31 (7%)
Экономика	бизнес, кооператив, Рокфеллер 1;	3 (3%)	-	-	-	-

Теоретические и экспериментальные исследования

Отсутствие	не видать, потерять, где 1;	3 (3%)	нет 2;	2 (1%)	нет, где 2; кончилось, не доступно, не для меня 1;	6 (1%)
Субъекты	братство 2;	2 (2%)	-	-	олигарх 6; Абрамович, Билл Гейтс, муж, царя, я 1;	11 (2%)
Личное	мое 2;	2 (2%)	мое 8;	8 (2%)	мое 3; свое 1;	4 (1%)
Ассоциаты - синонимы	роскошь, дороже (1);	2 (1%)	роскошь 9;	9 (2%)	а) роскошь: роскошь 8; блеск 2; величие 1; б) достаток: достаток 7; состояние 3; благосостояние 2; зажиточность, состоятельность, ценности 1;	26 (5%)
Ассоциаты с положительной коннотацией	хорошо 1;	1 (1%)	хорошо 6; процветание, настоящее 2;	10 (3%)	а) хорошо 6; хочу 2; заебись, замечательно, кайф, отлично, сказка 1; б) прирост, приумножать 1; в) старание, труд, усердие, честное, будет 1; г) ценно, ценный 1;	25 (5%)
Отсутствие необходимости	-	-	-	-	нафиг 3; не надо 2; индифферентив, не важно, не цель, хлам 1;	9 (2%)
Прецедентные высказывания	там царь над златом чахнет 1;	1 (1%)	-	-	-	-
Всего реакций		94		367		475

Из представленной таблицы видно, что в более поздних словарях БОГАТСТВО гораздо чаще ассоциируется с материальными благами (53% реакций в ЕВРАС и 32% в СИБАС по сравнению с 19% в РАС). Как и прежде, в большей степени богатство – это *деньги*; доля данной реакции возросла в 2–3 раза. Примечательно, что в словаре СИБАС встречаются такие реакции, как *деньги, душа, деньги, счастье, деньги, ум*, то есть деньги ставят в один ряд с нематериальными ценностями и даже отводят им первое место. «Согласно российской исторической традиции, богатство (в частности, деньги) и материальный достаток не были значимой ценностью ... Так, в исследованиях, проведенных в 70-е гг. XX в. под руководством В.А. Ядова, было установлено, что материальное благополучие не входило в число ведущих ценностных ориентаций личности, а высокие запросы и жизнь с комфортом оказались вообще отвергнутыми» [Литвиненко 2009: 34]. Однако в условиях социально-экономических изменений материальные блага и, в частности, финансы приобрели гораздо большую значимость. С одной стороны, они обесцениваются из-за высокого уровня инфляции, но, с другой стороны, потребность в них лишь растет в связи с уменьшением роли государства в социальном обеспечении граждан. Мы видим также, что БОГАТСТВО в гораздо меньшей степени стало ассоциироваться с чем-то «народным», принадлежащим людям, нации, (12% в РАС и 3,5% в ЕВРАС соответственно). Вместе с тем, в СИБАС доля данной группы реакций составляет 10%, большинство из них представлены языковой единицей *золото 3I*, а также иными указаниями на природные ресурсы (*нефть I, бриллиант I, земли I, земное I, природы I, Сибири I*) – все это источники благосостояния современной России. Несколько возросла доля реакций с положительной коннотацией (20% в СИБАС по сравнению с 15% в РАС). Из представленных реакций видно, что процент возрос благодаря увеличению частоты таких реакций, как *радость 4, успех 4, благополучие 2, слава 2, беззаботность I, влияние I, могущество I*, а так же *желание 3, мечта 3, цель 3*. Респонденты указывают на те нематериальные выгоды, которые можно получить, обладая определенной степенью богатства, или возводят БОГАТСТВО в ранг своих целей и желаний, что вновь свидетельствует о том, что БОГАТСТВО вошло в систему ценностей носителей русской лингвокультуры. Эмоции, связанные с ним, стали более красочными: *замечательно I, кайф I, отлично I, сказка I* (5% реакций с положительной коннотацией в СИБАС по сравнению с 1% в РАС). Однако в сознании 2% респондентов отношение к богатству фиксируется как индифферентное. В ЕВРАС доля ассоциаций с отрицательной коннотацией снизилась с 8% до 3%, в СИБАС до 6%. При этом в 4 раза возросло количество антонимических реакций (в РАС их количество составляло 3%, а в более современных источниках – 12% и 6%). Вероятно, увеличение антонимических реакций связано с ростом социальной стратификации в обществе.

Так, в 1992 году коэффициент Джини (статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку – *прим. наше*) для России составлял 0,289, к 2014 году он возрос в 2 раза и был равен 0,416, (и сейчас продолжает удерживаться на уровне данной отметки [Статистика и показатели... [http](http://)]). Процент ассоциаций со значением большого количества упал (4% в ЕВРАС и СИБАС по сравнению с 13% в РАС), но языковые единицы стали гораздо более эмоционально окрашенными. Это может указывать на степень социального расслоения в обыденном сознании носителей русской

лингвокультуры: богат лишь тот, кто обладает *непомерным, неопишущим, несметным, немеренным* и т.д. богатством.

Данное представление коррелирует со структурой российского общества. «Модель социальной стратификации России 1990-х гг. обычно представлялась в виде пирамиды с заостренной вершиной (правящая элита и богатые – примерно 3–5% населения), слабо выраженной средней частью (формирующиеся средние слои – предприниматели, менеджеры, фермеры и пр., примерно 12–15% населения) и довольно широким основанием бедных и беднейших слоев трудящихся (почти 80%)» [Николаева 2006: 94].

Далее рассмотрим данные обратных словарей.

Таблица №2

Реакция БОГАТСТВО

Группы реакций	Данные РАС	Кол-во реакций (% ответов)	Данные ЕВРАС	Кол-во реакций (% ответов)
Материальные блага	а) золото 18; алмаз, сундук 3; клад, сокровищ, серебро, бриллиант 2; б) \$, доллар, золотник 2; денег, деньги, имущество, монета, яхта, вещь, склад 1;	45 (25%)	а) золото 23; нефть 9; минерал 3; кристалл 2; лес 1; б) деньги 22; копейка, рубль, квартира, материальный, мех 1; с) вещь 1;	66 (21%)
Ассоциаты синонимы	роскошь 16; достаток, состояние 2; капитал 1;	21 (12%)	роскошь 97; достаток 33;	130 (41%)
Накопление, хранение	наживать 12; накопленный 2; замок, запирающий 1;	16 (9%)	-	-
Нематериальные ценности	а) здоровье 5; б) престиж 2; право 1; с) наук, русский язык 1;	15 (8%)	а) - б) власть 4; положение, подняться, слава 1; с) история, стана 1; д) процветание 12; успех 2; е) равенство, справедливость 1; ф) чувства и качества: стремление, достоинство, ум 1;	28 (9%)
Необходимость, витальные ценности	хлеб 6; урожай 4; природа 2; удобства 1;	13 (7%)	урожай 4; природа 3; комфорт 2; еда, хлеб, удобства 1;	12 (4%)

Антонимические реакции	бедность, нищета 6;	12 (7%)	бедность 25; бедствие, бедствовать 1;	27 (8%)
Принадлежность	а) наше 6; национальный 1; б) мое 3;	10 (6%)	-	-
Люди	вдова, владелец, дядя, король, купец, Магомет, о девушках, творец 1;	8 (4%)	богач, друзья 2; король, чиновники 1;	6 (2%)
Экономические термины	банкротство 2; бюджета, буржуазный 1;	4 (2%)	монополия 5; бизнес 2; владелец, задолженность, импорт, буржуазный 1;	11 (3%)
Ассоциаты со значением большого количества	побольше, полон, прибыль 1;	3 (2%)	много 2;	2 (1%)
Ассоциаты с положительной коннотацией	блеск 2;	2 (1%)	щедрость 26; качество 1;	27 (9%)
Ассоциаты с отрицательной коннотацией	жадность 1;	1 (0,5%)	беспечность, тщеславие 3; жадной, зависть, мафия 1;	9 (3%)
Преподенные высказывание	несметный 32; сыт не будешь 1;	33 (18%)	-	-
Всего реакций		178		317

В данной таблице мы видим множество лакун и перераспределение процентов в группах. Так, возросло количество стимулов-синонимов с 11% до 40%, среди них лидирует *роскошь*. «Культурный и экономический слом 1990-х годов привел к появлению громадной поляризации в социуме, это выразалось <...> и в неприкрытой кичливости новых богатых, в осуществлении их трат и прихотей <...>, предметы роскоши и их использование политиками и государственными служащими приобретает особо важное значение для морально-этического состояния российского общества в целом» [Путихина 2013: 139].

БОГАТСТВО стало синонимом *процветания 12, успеха 2*, однако стала утрачиваться вера в возможность достижения высокого материального благополучия честным путем. БОГАТСТВО перестало ассоциироваться с накоплением материальных благ. «Значительный процент населения России все еще остается за чертой бедности, установленной ООН. Еще больший процент находится чуть выше этого порога и не может похвастаться большим достатком, несмотря на свой порядочный, полезный для государства и упорный труд» [Там же: 139]. Вместе с тем, мы видим укрепление ассоциативных связей концептуального поля БОГАТСТВО с положительными стимулами, такими как щедрость (0% в РАС и 8% в ЕВРАС).

С целью получения более полного представления о динамике концептуального поля БОГАТСТВО рассмотрим ассоциаты, полученные в прямом и обратном словаре на стимул БОГАТЫЙ (воспринятый как существительное или прилагательное). Для начала рассмотрим таблицу реакций на этот стимул по данным прямого словаря.

Таблица №3

Стимул БОГАТЫЙ

Группы реакций	Данные РАС	Количество реакций (% ответов)	Данные ЕВРАС	Количество реакций (% ответов)
Субъекты	а) человек 12; б) ассоциация по гендерному признаку: мужик 5; мужчина, муж 2; жених, поклонник, мен 1; с) люди, занимающиеся бизнесом: купец, кооператор 3; бизнесмен, спонсор 1; д) родственники: родственник, отец, дядя 1; е) историзмы, обозначающие людей высших сословий: барин, помещик, денди 1;	44 (45%)	а) человек 71; б) ассоциация по гендерному признаку: муж 22; мужчина 12; жених, парень 2; с) люди, занимающиеся бизнесом: бизнесмен 12; Абрамович 3; д) родственники: дядя 9; папа 5; друг, зять, отец, сосед 2; е) историзмы, обозначающие людей высших	185 (43%)

	f) прочие: гражданин, друг, наездник, наследник, скрипач, богач 1;		сословий: купец 10; царь 3; f) прочее: я 4; власть, депутат, чиновник 2;	
Антонимические реакции	бедный 12; бедняк, и бедняк, небогатый 1;	15 (15%)	бедный 50; нищий 5;	55 (13%)
Материальные ценности, материальная обеспеченность	a) машина: машина, додж, вольво, форд, мерин 1; b) деньги 1; c) дом 1; d) сигара 1; e) зажиточный, роскошный 1;	10 (10%)	a) машина: - ; b) деньги 52 ; золото 6; монета, мешок 2; c) дом 15; интерьер, вилла, роскошь 2; d) - ; e) - ; f) олигарх 20; миллионер 3;	104 (24%)
Ассоциаты с отрицательной коннотацией	a) ленивый: бездельник, разгильдяй 1; b) жадный: буржуй, капиталист 1; c) злой, подлец, обокрасть 1; d) проклятый, сноб, дурак 1; e) несчастный 1;	9 (9%)	a) - ; b) буржуй 5; жадный 4; вор, скупой 3; скупердяй, жлоб 2; c) злой 2;	21 (5%)
«Богатый» в значении	урожай 2; край, душой, опыт, умом, язык, выбор 1;	8 (8%)	мир, опыт, ум, урожай 7; стол 4; душой 3; край, духовно, духом, разум, язык 2;	45 (10%)
Описание внешности	толстый 2; усатый 1;	3 (3%)	толстый 4;	4 (1%)
Ассоциаты с положительной коннотацией	щедрый, умный 1;	2 (2%)	успешный, властный 3; сильный 2;	8 (2%)
Прецедентные высказывания	тоже плачет 3; Буратино, плачет 1;	3 (3%)	буратино 8;	8 (2%)
Всего реакций		98		435

Как видно из таблицы 1, ответы респондентов на стимул БОГАТЫЙ, в целом, не очень сильно изменились за последние десятилетия, однако возросшая роль материальных благ (11% ответов в РАС, 23% в ЕВРАС) и смена представлений о материальном благополучии четко прослеживается. Финансовые средства обрели большую важность, ранее значение придавалось атрибутам богатства (машина, сигара).

Что касается данных обратного словаря, то там изменения более очевидны.

Таблица №4

Реакция БОГАТЫЙ

Группа реакций	Данные РАС	Кол-во реакций (% ответов)	Данные ЕВРАС	Кол-во реакций (% ответов)
Урожай	урожай 71; край 3; чернозем, стол 2; базар, запас, колос, обед, огород, запас 1;	83 (30%)	урожай 36; запас, стол 1;	38 (27%)
Антонимические реакции	бедный 20; нищий 6; нищенский 4; бедняк 3; разориться 2; бедная, бедность, дешево, небогатый, скудный, убогий 1;	41 (15%)	нищий 24; бедность 3;	27 (19%)
Историзмы	купец 16; барин 7; князь 4;	27 (10%)	-	-
Субъекты	грузин, жених, миллионер 3; Аладдин, ариец, интурист, кум, летчик, принц, родственник, сват, юрист, хитрец, хозяин, чиновник 1;	20 (7%)	дядя, король, муж, немец, орел, чиновник 1;	6 (4%)
Потребительский рынок	владелец, капиталист, предприниматель 4; бизнесмен, магазин, покупатель 3; буржуазный, клиент, рынок, гастроном, экономист, экономика 1;	27 (10%)	буржуазный 23; владелец 3;	26 (18%)
Нематериальные ценности	колорит 7; русский язык 3; выбор, дар, кругозор 2; песнями, ум 1;	18 (7%)	ум 2; нрав, оптимизм, потенциал 1;	5 (4%)

Материальные ценности	золотник 4; денежный, материальный 3; бриллиант, гардероб, ковер, машина, меховой, наряд 1;	16 (6%)	богач 4; материальный, роскошь 3; достаток, деньги 1;	12 (9%)
Система советского общества	колхоз 5; кооператор 3; кооператив, кулак 1;	10 (4%)	-	-
Ассоциаты с положительной коннотацией	щедрый 6; мужество, шустрый 1;	8 (3%)	экономный 3; деловой, щедрость 2; предприимчивый, талантливый, уверенный 1;	10 (7%)
Ассоциаты с негативной коннотацией	жадный, жалкий, одинокий, скупой, толстый, хулиган, бледный, больной 1;	8 (3%)	жадный 4; лодырь 1;	5 (4%)
Ассоциаты - синонимы	а) несметный 4; донельзя, обильный, царский 1; b) -	7 (3%)	а) очень, самый 1; b) дорогой, нарядный 1;	4 (3%)
Высокий социальный статус	престижный 2; знаменитый, солидный 1;	4 (1%)	важный 2; известный, лучший 1;	4 (3%)
Место	двор, район, регион 1;	3 (1%)	двор 2; край, район 1;	4 (3%)
Плата	платил, платишь, платят 1;	3 (1%)	-	-
Всего реакций		275		141

Стимул БОГАТЫЙ прежде всего ассоциируется с урожаем. При этом много ассоциаций, связанных с экономической деятельностью, в частности, с потребительским рынком. Примечательно, что количество ответов возросло с 10% до 18%, но при этом ассоциативный ряд сузился до реакции *буржуазия*. «Буржуазия в России является узкой прослойкой господствующего класса, но при этом обладает огромной мощью и влиянием» [Халдей... [http](#)].

Поскольку, согласно представленным таблицам, ассоциация *деньги* стала ведущей, а также входит в ядро языкового сознания (7-я позиция, согласно ЕВРАС, и 4-я, согласно

СИБАС) [Уфимцева 2022], мы проанализировали реакции на соответствующий стимул и сопоставили данные прямых словарей.

Таблица №5

Стимул ДЕНЬГИ

Группы реакций	Данные РАС	Кол-во реакций (% ответов)	Данные ЕВРАС	Коли-во реакций (% ответов)	Данные СИБАС	Кол-во реакций (% ответов)
Большое количество	большие 38; много 19; крупные 8; немалые, огромные 2;	69 (22%)	много 34; большие 13; крупные 4; большие, все, шальные 2;	57 (14%)	много 27; большие 7; крупные 3; больше, много денег, огромные, хорошие 1;	41 (8%)
Обесценивание, негативные ассоц. реакции	бумага 11; вода 7; бумажки, грязные, грязь 4; дрянь, зло, мусор 3; деревянные, левые, это зло 2;	45 (14%)	зло 45; бумага 16; грязь 7; грязные 6; мусор, жадность 4;	82 (20%)	а) негативные реакции: зло 45; жадность 2; алчность, ветренный, жажда власти, зависть, зло !, крах, несчастье, порок, проблема, проблемы, смерть, тяжело 1; б) обесценивание: бумага 17; грязь 6; грязные 5; ветер, мусор 2; бумаги, бумажка, бумажки, вода, воздух, гавно, гадость, песок 1;	99 (18%)
Ассоциаты-синонимы	золото 12; рубль 9; мелочь, монета 4; бабки, деньги, стипендия 3; доллар, доллары, мани, доход 2;	46 (14%)	рубли 10; рубль, валюта 9; монеты 8; доллары 7; евро 6; монета 5; бабло, доллар, золото, средство 4; средства 3; баксы, купюра, купюры, счет, стипендия 2;	83 (20%)	валюта 11; рубли 8; доллар 6; евро, монеты, средства 5; монета, средство 4; бабло, зелень, купюры 3; бабки, доллары, \$, рубль 2; 500 р, бабулеса, банкнота, бумажные деньги, доход, зеленые купюры, лав, эмонетки, нал, пачка долларов, тысяча, стипендия, счет, сбережения 1;	119 (22%)

Недостаток	мало 9; нет 8; кончились 5; истрачены, нету 2;	26 (8%)	мало 7; не хватает 2;	9 (2%)	а) мало 9; не хватает 2; недостаток 1; б) нету 3; закончились 2; нет, потрачены, тают 1;	20 (3%)
Манипуляции с деньгами	а) считать 5; счет 2; б) получить 4; получать 3; в) дать 3; займы 2; г) тратить 4;	23 (7%)	а) тратить 5; покупка, покупки 3; тратятся 2; б) получать, получить 2;	17 (4%)	а) тратить 9; покупать 2; оплата, расходы, трать 1; б) брать, в долг, займы, долг 1; в) менять, обмен, отдать, под проценты 1; г) получать, получить 1; д) считать 2; е) делаем мы, делать 1;	26(5%)
Место хранения	кошелек 14; в кармане 3;	17 (5%)	кошелек 9; банк 3;	12 (3%)	кошелек 7; банк 3; в банке 2; в банк, в кармане, дома 1;	15 (3%)
Необходимость, витальные ценности	нужны 9; жизнь, необходимость 3;	15 (5%)	нужны 5; надо 3; еда 2;	10 (2%)	а) нужны 5; необходимость, ценность 2; давай сюда, надо, необходимое, необходимы, необходимые, нужно, цель работы 1; б) жизнь 3;	19 (4%)
Ассоциации с работой	время 7; заработать, работа, трудовые, делать 2;	15 (5%)	Работа 8; время, зарабатывать 6; зарплата 4;	24 (6%)	работа 10; зарплата 5; заработать 2; зарабатывать, заработок, делаем мы, делать 1;	21 (4%)
Свойства	бумажные 8; зеленые, медные 2;	12 (4%)	зеленые 7; бумажные 3;	10 (2%)	зеленые 3; бумажные, запах, зеленый, красивые, многое могут, пахнут, шелест, шуршащие фальшивые 1;	12 (2%)

Нематериальные ценности	Счастье 5; вперед 3;	8 (2,5%)	власть 29; сила 5; добро, счастье, ценность, возможности, 2; хорошо 5;	49 (12%)	власть 31; счастье 7; возможности, время 4; возможность, слава 3; сила 2; выбор, желание, желания, звание, курорт, почесть, радость, радость в жизни, свобода, счастье, успех, любовь 1;	65 (12%)
Материальные ценности	а) вещи, товар, машина 2;	6 (1%)	а)- b) богатство 22; достаток 6;	28 (7%)	а) покупки 3; конфеты, овощи, покупка 1; b) – c) золото 2; медь, нефть 1; d) квартира 2; бассейн, ванна 1;	14 (2%)
Ассоциации с положительной коннотацией	-	-	-	-	хорошо 7; вперед 3; благо, блаженство, круто, решают, супер, роскошь 1;	16 (3%)
Богатство	-	-	-	-	богатство 12; достаток 2; богатый, достаток 1;	16 (3%)
Коммерческая деятельность	-	-	-	-	бизнес 4; прибыль 2; инфляция, капитализм, ликвидность, торговля 1;	10 (2%)
Отсутствие необходимости	-	-	-	-	не важно, не важны, не главное, не нужны, ничто 1;	5 (1%)
Принадлежность	мои, чужие 3; партии 1;	7 (2%)	-	-	мои (2); наше (1)	3 (1%)

Стереотипные	бешеные 14; не пахнут 6; на бочку, пахнут, шальные 2;	26 (8%)	не пахнут 11; на ветер 9; легкие, пахнут 3; любят счет, на бочку 2;	30 (7%)	не пахнут 6; на ветер 4; на бочку 2; правят миром 1;	13 (2%)
Общее		315		411		498

Из представленной таблицы видно появившуюся взаимообратную связь концептуального поля ДЕНЬГИ с БОГАТСТВОМ, а также его конкретизацию посредством разнообразия ассоциаций с различными денежными единицами. Соотношение других групп реакций также поменялось. Группа реакций со значением большого количества значительно сократилась (22% в РАС по сравнению с 14% и 8% в более современных источниках) – снова мы наблюдаем размытие представления о том, что денег может быть много. ДЕНЬГИ стали прочно ассоциироваться со злом, что увеличило процент ответов с негативной коннотацией (14% в РАС по сравнению с 20% в ЕВРАС и 18% в СИБАС). Вместе с тем, деньги – это то, что стало давать власть и силу. В РАС деньги в гораздо меньшей степени вызывали реакции, связанные с нематериальным благополучием, – процент реакций увеличился с 2,5 до 12 в двух более современных источниках. В сознании молодых представителей русской лингвокультуры есть прочная связь между деньгами и властью, а также с тем, что первые – это *благо (1), блаженство (1), круто (1)*, и они *решают (1)* все. «Деньги – средство особое ... К. Маркс называл их превращенной формой сознания и общения людей. Они приобретают новые смыслы, особенно в период крутой ломки социальных устоев...» [Саруханов... http].

Кроме того, мы видим снижение доли реакций со значением нехватки и небольшого количества с 8% до 2% и 3%, что, возможно, свидетельствует о появившемся чувстве некой экономической стабильности после череды острых экономических кризисов.

Заключение

В конце XX века в России произошли качественные перемены в жизни населения. На протяжении нескольких поколений она практически не менялась, поэтому «в шоковом состоянии» новая реальность не сразу была осознана, какое-то время еще сохранялось мировоззрение советского периода, материальные блага не укоренились в ряду значимых ценностей. Однако перемены, произошедшие в жизни страны, со временем нашли отражение в обыденной картине мире россиян, ценности коллективизма все больше стали сменяться индивидуализмом, материальные блага, прежде всего финансы, обрели большую значимость. В сознании россиян возникает ассоциативная связь *деньги – добро*, поскольку деньги открывают возможности, дают силу и власть, но также наблюдается и связь *деньги – зло* по той причине, что они лежат в основе возросшего социального неравенства, а также не входят в ключевые ценности русского архетипа.

© Кольцова Н.В., Чулкина Н.Л., 2023

Литература

Галактионова Н.В. Сопоставительный анализ ассоциативных полей концепта «Богатство» в китайской и русской лингвокультурах // Международный аспирантский вестник. 2016. №2. С. 54–58.

Клементьева Е.В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Клементьева Елена Валерьевна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. Краснодар, 2008. 201 с.

Кольцова Н.В., Чулкина Н.Л. Сопоставление концептуальных полей «Богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ результатов ассоциативного эксперимента и социологического опроса // Ценности и смыслы. 2018. №1. С. 17–33.

Кунбуттаева А.Ш. Концепт «Богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского, русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Кунбуттаева А.Ш. Махачкала, 2013. 22 с.

Куций Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.19 / С. Б. Куций. Ставрополь, 2003. 203 с.

Роскошь и ее значение в общественной жизни: коллективная монография / под ред. Путихина Ю.Е., Соснило А.И. Санкт-Петербург: изд-во «СЦ», 2013. 131 с.

Стешина Е.Г. Концепты богатство и бедность в молодежном языковом сознании русских англичан: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Стешина Е.Г. Саратов, 2008. 267 с.

Электронные ресурсы

Дмитрюк Н.В. ЕВРАС: еще один «образ мира, в слове явленный» // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evras-esche-odin-obraz-mira-v-slove-yavlennyy> (дата обращения: 17.08.2022).

Литвиненко Д.В. Социальная роль денег в современном российском обществе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-rol-deneg-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 17.08.2022).

Николаева Л.В. Новые социальные «Верхи» российского общества эпохи 90-х годов // Вестник АГТУ. 2006. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-sotsialnye-verhi-rossiyskogo-obschestva-epohi-90-h-godov> (дата обращения: 27.11.2022).

Саруханов М.В. Власть. Деньги. Закон // Философия и общество. 2004. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-dengi-zakon> (дата обращения: 15.11.2022).

Статистика и показатели региональные и федеральные: Коэффициент Джини в России [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://rosinfostat.ru/koeffitsient-dzhini/> (дата обращения: 17.08.2022).

Уфимцева Н.В. Образ власти по материалам крымского ассоциативного словаря // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-veroyatnosti-i-vozmozhnosti-v-kreativnom-upotreblenii-yazyka-nevozmozhnaya-vozmozhnost-v-nemetskom-tekste> (дата обращения: 26.11.2022).

Халдей А. Государственная власть и «государственная буржуазия» в России [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2711423.html> (дата обращения: 18.09.2022).

Словари

Русский ассоциативный словарь (РАС). В 2 т. [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 17.08.2022).

И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) (ЕВРАС). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с.

И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): В 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. Т. 1. От стимула к реакции. – 920 с.

Русский урегиональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): В 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко; Ин-т филологии СО РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. Т. 2. От реакции к стимулу. 1848 с.

Сведения об авторах:

Кольцова Надежда Викторовна – аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0003-0854-3029

e-mail: navikoltsova@gmail.com

Чулкина Нина Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

Для цитирования:

Кольцова Н.В., Чулкина Н.Л. Трансформация концептуального поля «Богатство» с конца XX века до наших дней // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 50–68, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-50-68

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-50-68

Research article

**TRANSFORMATION OF THE CONCEPTUAL FIELD *WEALTH*
FROM THE END OF THE 20th CENTURY TO THE PRESENT DAY**

Nadezhda V. Koltsova

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia

Nina L. Chulkina

Peoples' Friendship University, Moscow, Russia

Abstract

The article presents a part of the study of the conceptual field WEALTH in the everyday linguistic consciousness of the members of the Russian linguoculture.

The purpose of this stage of the study is to trace the transformation and reveal the status of the conceptual field WEALTH in the core of the linguistic consciousness of an ordinary representative of the Russian linguoculture over the past thirty years, marked by serious socio-economic and political changes in the Russian society.

Russian Associative Dictionary, Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS, and the Russian regional associative database SIBAS served as the research material for different periods – from the early post-Soviet period until the second decade of the 21st century. The data of the last two dictionaries reflect the changes in the content of the conceptual field WEALTH and its position in the core of the modern Russian linguistic consciousness.

Keywords: conceptual field, everyday linguistic consciousness, wealth, associative dictionary, transformation

© Koltsova N.V., Chulkina N.L., 2023

Bionotes:

Nadezhda V. Koltsova – PhD student of the Peoples' Friendship University

Contact information:

Ul. Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, Russia, 117198

ORCID: 0000-0003-0854-3029

e-mail: navikoltsova@gmail.com

Nina L. Chulkina – Doctor of Philology, Professor of the Peoples' Friendship University

Contact information:

Ul. Miklukho-Maklaya, 6, Moscow, Russia, 117198

e-mail: nina.chulkina@yandex.ru

For citation:

Koltsova N.V., Chulkina N.L. Transformation of the conceptual field “Wealth” from the end of the 20th century to the present day // Journal of Psycholinguistics. 1(55), . P. 50– 68. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-50-68 (in Russian)

**ЛЕКСЕМА ВОСПИТАНИЕ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Морозова Ираида Алексеевна

Борисоглебский филиал
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Борисоглебск, Россия

Селезнева Кристина Олеговна

Борисоглебский филиал
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Борисоглебск, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению в психолингвистическом аспекте одной из лексем, относящихся к педагогической лексике. Цель исследования – выявить и описать психолингвистическое значение лексемы *Воспитание* в сознании носителей современного русского языка. В работе были использованы разнообразные методы, в том числе, описательный и количественный. Материалом для изучения послужили результаты, выявленные методом субъективных дефиниций в ходе опроса в 2021 году 154 человек разного возраста, пола и социального статуса.

Полученные данные были обработаны и распределены по смысловым зонам. На следующем этапе исследования, исходя из количественной наполненности той или иной смысловой зоны, выделены ядро и периферийные части (ближняя, дальняя, крайняя) полевой организации лексемы *Воспитание*. Ядерную часть составляет смысловая зона «Процессы, связанные с приобщением человека к общественным нормам и установкам», ближнюю периферию – «Результаты воздействия на личность», дальнюю периферию – «Факторы, оказывающие воздействие на личность», крайнюю периферию – 2 смысловые зоны «Знания и реалии, необходимые для процесса воздействия на личность», «Оценка результатов воздействия на личность».

Завершающим этапом обработки полученных данных стало определение 6 психолингвистических значений лексемы *Воспитание* в современном русском языковом сознании, а также их краткая характеристика, что явилось итогом проведенного анализа. В конце статьи авторами определяются дальнейшие перспективы исследования – сравнение психолингвистических значений с лексикографическими.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистическое значение, лексема, метод субъективных дефиниций, смысловая зона

Вынужденное дистанционное обучение из-за пандемии в 2020 году позволило не просто выявить «слабые» места в российской системе образования, наметить пути их устранения, в кратчайшие сроки перестроить привычный формат работы, но и привлекло всеобщее внимание непосредственно к самому педагогическому процессу. Каждая семья, в которой есть школьники, остро ощутила давно назревшие проблемы в сфере образования.

Политические, социокультурные и экономические процессы, происходящие в настоящее время в стране, заострили внимание общественности на вопросах, связанных с воспитанием молодежи. Очевидно, что в данный момент «современное российское образование находится в поиске путей развития и определения способов реализации поставленных [в области воспитания – *авт.*] задач» [Кошкина, Ядренникова 2022: 3].

В контексте всего вышеизложенного особую актуальность приобретает изучение психолингвистического значения лексемы *Воспитание*.

Настоящая статья представляет собой фрагмент исследования педагогической лексики, частично уже описанной в работах К.О. Селезневой [Селезнева 2021а; 2021б; 2021в; 2022а; 2022б]. Перечисленные работы выполнены на материале лексикографических и психолингвистических значений ключевых лексических единиц сферы образования.

Для описания психолингвистического значения традиционно используются различные виды ассоциативного эксперимента:

– *«свободный ассоциативный эксперимент»*, при котором испытуемым не ставится никаких ограничений на содержание словесных реакций, ограничивается только время реакции, предлагается отвечать первым приходящим в голову словом;

– *«направленный ассоциативный эксперимент»* (целенаправленный или контролируемый). Испытуемым предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса;

– *«цепной ассоциативный эксперимент»*. Испытуемым предлагается реагировать на слово-стимул всеми возможными ассоциациями в определенный отрезок времени» [Уфимцева 2016: 242]. Для комплексного описания психолингвистического значения О.Е. Виноградова и И.А. Стернин предлагают также применять метод субъективных дефиниций, который «предполагает получение от испытуемых словесной дефиниции значения интересующего исследователя слова. Испытуемым при этом предлагается словесная формула, которая ориентирует их на создание словесной дефиниции значения исследуемого слова» [Виноградова, Стернин 2016: 32].

В настоящей статье мы воспользовались названным методом, предложив испытуемым закончить фразу «Воспитание – это...». Полученные в 2021 году данные от 154 человек (мужчины и женщины в возрасте от 20 до 74 лет разных профессий) были обработаны, объединены по сходному смысловому содержанию и систематизированы по частотности. Представим полученные результаты.

ВОСПИТАНИЕ

Воспитание 154 – процесс нравственного формирования личности 32; манера поведения в обществе 24; целенаправленное влияние на развитие личности 23; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; обучение; передача жизненного опыта 16; процесс обучения человека правилам поведения 15; то, что дала семья 13; забота о детях 10; привитие навыков 9; процесс привития человеку общественных норм; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; вежливость; дисциплина; заложенные с детства моральные принципы и рамки; тактичность; то, что дала школа; уважение 7; духовное становление личности; положительное восприятие окружающих; управление процессом развития личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 6; длительный, кропотливый труд педагога; культура; подготовка к жизни; соблюдение установившихся общественных

норм и правил 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника; мораль; родители; семья 4; необходимость; ответственность; процесс, которым занимается общество и родители; умение; формирование жизненной позиции; ценности; этикет 3; важное в жизни человека; воздействие на сознание; деятельность родителей; знания; институт; качество человека; ласка; нормы; нравственность; общество; окружение; педагогический процесс; получение жизненного опыта; правила; преданность; саморазвитие; система моральных ценностей и установок; социализация; традиции; этика 2; борьба; введение в историю и культуру; взаимообогащение; добродушие; доброта; долг; жизнь; забота; занятие; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; личный пример; любовь; любовь к ближнему; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; мировоззрение; наука, обучающая детей; необходимо для регулирования общественных отношений; необходимость подавать пример; обеспечение материальными благами; образованность; общение; обычаи; обязанность; одежда; опора; основа; патриотизм; подчинение; показатель любви родителя к ребенку; показатель образованной личности; понимание; порядок; порядочность; правильный поступок; пример для подражания; принципы; программа; просвещение; процесс принятия человеком важных правил и идей; разносторонность; решительность; розги; свое мнение; сила воли; система; совесть; сотрудничество; способность донести сложное простыми словами; стремление; счастье; терпимость; толерантность; тренировка воли; труд; трудности; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; учитель; цель; человечность; четкое обдумывание своих поступков и решений; чувство такта; эстетика 1.

Всего было зафиксировано 417 реакций, из них различных – 128.

Для того чтобы проанализировать представленность лексемы *Воспитание* в русском языковом сознании, полученные реакции были распределены нами по смысловым зонам [Шаманова 2008; Шаманова 2015: Т.1]. В скобках указан процент соотношения словесных дефиниций, составляющих данную смысловую зону, к общему количеству реакций. Представим полевую организацию лексемы *Воспитание* в языковом сознании.

Ядро

Процессы, связанные с приобщением человека к общественным нормам и установкам (46%): процесс нравственного формирования личности 32; целенаправленное влияние на развитие личности 23; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; обучение; передача жизненного опыта 16; процесс обучения человека правилам поведения 15; привитие навыков 9; процесс привития человеку общественных норм; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; духовное становление личности; управление процессом развития личности; формирование восприятия действительности 6; длительный, кропотливый труд педагога; подготовка к жизни 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника 4; процесс, которым занимается общество и родители; формирование жизненной позиции 3; воздействие на сознание; деятельность родителей; педагогический процесс; получение жизненного опыта; саморазвитие; социализация 2; введение в историю и культуру; взаимообогащение; общение; просвещение; процесс принятия человеком важных правил и идей; сотрудничество; тренировка воли; труд; четкое обдумывание своих поступков и решений 1.

Ближняя периферия

Результаты воздействия на личность (28,3%): манера поведения в обществе 24; вежливость; тактичность; уважение 7; положительное восприятие окружающих; формирование характера 6; соблюдение установившихся общественных норм и правил 5; мораль 4; ответственность; умение; ценности; этикет 3; знания; нравственность; преданность; система моральных ценностей и установок 2; добродушие; доброта; долг; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; любовь; любовь к ближнему; мировоззрение; образованность; одежда; основа; патриотизм; подчинение; понимание; порядок; порядочность; правильный поступок; принципы; разносторонность; решительность; свое мнение; сила воли; совесть; терпимость; толерантность; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; человечность; чувство такта 1.

Дальняя периферия

Факторы, оказывающие воздействие на личность (22%): то, что дала семья 13; забота о детях 10; дисциплина; заложенные с детства моральные принципы и рамки; то, что дала школа 7; культура 5; родители; семья 4; необходимость 3; институт; качество человека; ласка; нормы; общество; окружение; правила; традиции 2; жизнь; забота; занятие; личный пример; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; необходимость подавать пример; обычаи; обязанность; пример для подражания; программа; розги; система; стремление; трудности; устои; учитель 1.

Крайняя периферия

Знания и реалии, необходимые для процесса воздействия на личность (2%): этика 2; борьба; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; наука, обучающая детей; обеспечение материальными благами; способность донести сложное простыми словами; цель; эстетика 1.

Оценка результатов воздействия на личность (1,7%): важное в жизни человека 2; необходимо для регулирования общественных отношений; опора; показатель любви родителя к ребенку; показатель образованной личности; счастье 1.

Опираясь на методику описания психолингвистического значения слова, предложенную И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин 2010; Стернин, Рудакова 2011; Рудакова, Стернин 2021], сформулируем (на основе смысловых зон) психолингвистические значения лексемы *Воспитание* в современном русском языковом сознании.

ВОСПИТАНИЕ

Психолингвистические значения

1. **Целенаправленное педагогическое воздействие на личность** 113 (целенаправленное слияние на развитие личности 23; обучение; передача жизненного опыта 16; привитие навыков 9; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; управление процессом развития личности 6; длительный, кропотливый труд педагога; подготовка к жизни 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника 4; воздействие на сознание; знания; педагогический процесс; саморазвитие 2; занятие; личный пример; наука, обучающая детей; необходимость подавать пример; подчинение; пример для подражания; розги; способность донести сложное простыми словами; стремление; тренировка воли; труд; трудности; цель 1) **при помощи семьи** 42 (то, что дала семья 13; забота о детях 10; родители; семья 4; процесс, которым

занимается общество и родители 3; деятельность родителей; ласка; окружение 2; забота; показатель любви родителя к ребенку 1) и **социальных институтов** 14 (то, что дала школа 7; институт 2; образованность; программа; просвещение; система; учитель 1).

2. **Овладение человеком правилами поведения в обществе и в личной жизни** 79 (манера поведения в обществе 24; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; процесс обучения человека правилам поведения 15; процесс привития человеку общественных норм 8; этикет 3; нормы; общество; социализация 2; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; необходимо для регулирования общественных отношений 1).

3. **Процесс формирования у человека нравственных норм и принципов** 79 (процесс нравственного формирования личности 32; заложенные с детства моральные принципы и рамки 7; духовное становление личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 6; мораль 4; формирование жизненной позиции; ценности 3; важное в жизни человека; нравственность; система моральных ценностей и установок; этика 2; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; опора; основа; принципы 1).

4. **Наличие у человека духовно-нравственных качеств** 64 (вежливость; дисциплина; тактичность; уважение 7; культура 5; ответственность 3; качество человека; преданность 2; введение в историю и культуру; добродушие; доброта; долг; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; любовь; любовь к ближнему; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; патриотизм; показатель образованной личности; понимание; порядочность; разносторонность; решительность; сила воли; совесть; терпимость; толерантность; человечность; чувство такта).

5. **Соблюдение определенных правил** 28 (положительное восприятие окружающих 6; соблюдение установившихся общественных норм и правил 5; необходимость 3; правила; традиции 2; общение; обычаи; обязанность; одежда; порядок; правильный поступок; процесс принятия человеком важных правил и идей; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; эстетика 1).

6. **Приобретение жизненного опыта** 11 (умение 3; получение жизненного опыта 2; борьба; жизнь; мировоззрение; свое мнение; сотрудничество; четкое обдумывание своих поступков и решений 1).

Принимая во внимание полученные данные, можно сделать вывод о том, что лексема *Воспитание* имеет 6 психолингвистических значений в русском языковом сознании. Результаты исследования демонстрируют, что для носителей языка воспитание – это, прежде всего, **целенаправленное педагогическое воздействие на личность при помощи семьи и социальных институтов**. Объяснение данного факта, на наш взгляд, заключается в том, что семья в русском языковом сознании воспринимается как главный институт воспитания. Более того, каждый член семьи так или иначе принимает участие в подготовке подрастающего поколения к общественной жизни. Ни для кого не секрет, что именно в семье ребенок знакомится сначала с семейной иерархией, а потом уже с социальной. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что именно семья изначально оказывает целенаправленное педагогическое воздействие на личность ребенка. Из полученных данных совершенно очевидно, что социальные институты играют

далеко не последнюю роль в воспитании подрастающего поколения. Именно в школе, а после в вузе, проявляется все то, что было заложено в личность семьей.

Интересно, что в сознании носителей языка воспитание представляется как **овладение человеком правилами поведения в обществе и в личной жизни**, а также **процесс формирования у человека нравственных норм и принципов**. Действительно, человек живет в социуме. В процессе социализации ребенок учится не просто общаться со сверстниками, он овладевает навыками поведения в обществе, приобретает представление о нравственных нормах и принципах. В случае успешного прохождения данного этапа ему будет проще уже как взрослой сформировавшейся личности находить общий язык с другими людьми, взаимодействовать, работать. В противном случае, если человек не может вести себя в обществе, у него отсутствуют нравственные нормы и принципы, ему будет гораздо сложнее дальше выстраивать взаимоотношения с людьми.

Немаловажную роль в воспитании, по мнению респондентов, играет **жизненный опыт**, поэтому его приобретение рассматривается как неотъемлемая составляющая часть процесса воспитания.

Подчеркнем, что **наличие у человека определенных духовно-нравственных качеств и соблюдение** им общепринятых **правил** осознается носителями русского языка как результат воспитания.

Безусловно, представленные результаты требуют дальнейшего, более глубокого осмысления. В перспективе интересно будет сравнить полученные психолингвистические значения с лексикографическими.

©Морозова И.А., Селезнева К.О., 2023

Литература

Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография. Воронеж: Издательство «Истоки», 2016. 160 с.

Кошкина Е.А., Ядренникова С.В. Структурная организация терминологии советской дидактики 20–30-х гг. XX в. // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 1 (41). С. 132–141.

Рудакова А.В., Стернин И.А. Проблема корректировки дефиниций толковых словарей с помощью экспериментальных методов // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. Вып. 27 / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021. С.67–73.

Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексемы *Образование* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2021а. №4. С.60–62.

Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Воронеж: Издательство «РИТМ», 2021б. Вып. 8. С.115–122.

Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого словаря русского жаргона) // Социальные и гуманитарные знания. Том 7. № 2 (26). Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, 2021в. С. 212–222.

Селезнева К.О. Использование метода сплошной выборки при изучении тематической группы *Образование* (на материале Толкового словаря русского языка)

// Язык и национальное сознание: сборник научных трудов. Вып. 28 / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: издательство «РИТМ», 2022а. С.24–29.

Селезнева К.О. Лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы *Образование* // Сопоставительные исследования 2022: сборник научных статей/ Науч. ред. М.А. Стернина. Продолжающееся научное издание. Вып. 19. Воронеж: Издательство «РИТМ», 2022б. С.129–134.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И.А.Стернин // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 57–63.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAPLAMBERT Academic Publishing GmbHCo. KG: Saarbrücken, 2011.192 с.

Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238–249.

Шаманова М.В. Коммуникативная лексика русского языка: состав, семантика, функционирование: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2015. Т.1. 463 с., Т.2. 194 с.

Шаманова М.В. Общение как коммуникативная категория в русском языковом сознании: монография / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. 227 с.

Сведения об авторах:

Морозова Ираида Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Контактная информация:

397160, Воронежская область, г. Борисоглебск, ул. Народная, 43

ORCID: 0000-0003-2737-9703

email: iraida_morozova@mail.ru

Селезнева Кристина Олеговна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков; доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Контактная информация:

397160, Воронежская область, г. Борисоглебск, ул. Народная, 43

ORCID: 0000-0002-9527-1238

email: kireeva_kristina@mail.ru

Для цитирования:

Морозова И.А., Селезнева К.О. Лексема *Воспитание* в сознании носителей русского языка // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 69–77, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-69-77

UDC 81'23

LBC 81.002.3

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-69-77

Research article

LEXEME *UPBRINGING* IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN SPEAKERS

Iraida A. Morozova

Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University

Borisoglebsk, Russia

Kristina O. Selezneva

Krasnodar Air Force Institute for Pilots;

Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University

Borisoglebsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the consideration of a pedagogical lexeme *Upbringing* in psycholinguistic aspect. The aim of the research is to reveal and describe psycholinguistic meaning of the lexeme *Upbringing* in language consciousness of native speakers of Russian. Different methods including descriptive and quantitative ones were used in the research. The results of the method of subjective definitions were the material of the study. The inquiry took place in 2021, with 154 people (men and woman of different ages and social status) taking part in it.

The results were processed and distributed among semantic zones. The main body and the peripheries (short-range, long-distance and extreme-distance ones) of the field organization of the lexeme *Upbringing* were marked out in agreement with the quantitative fullness. It was the second research step.

The semantic zone “The processes connected with human’s taking up to the social standards and norms” is the main body of the field. The semantic zone “The results of the impact on the personality” is the short-range periphery of the field. The semantic zone “Factors affecting personality” is the long-distance field periphery. Two semantic zones, “Knowledge and realities necessary for the process of influencing the personality” and “Evaluation of the results of the impact on the personality”, are the extreme-distance peripheries of the semantic field.

The last research step was the formulation of six psycholinguistic meanings of the lexeme *Upbringing* in the language consciousness of native Russian speakers. Moreover, short description of psycholinguistic meanings was made. At the end of the article, the authors define further research prospects as a comparison of psycholinguistic meanings with lexicographic ones.

Keywords: linguistic consciousness, psycholinguistic meaning, lexeme, subjective definitions’ method, semantic zone

©Morozova I.A., Selezneva K.O., 2023

Bionotes:

Iraida A. Morozova – Cand. Sc. (Philology) Associate professor Department of Social and Humanitarian subjects, Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia

Contact information:

43, Narodnaya St., Borisoglebsk, Voronezh region, Russia, 397160

ORCID: 0000-0003-2737-9703

email: iraida_morozova@mail.ru

Kristina O. Selezneva – Senior Lecturer, Krasnodar Air Force Institute for Pilots; Associate professor Department of Social and Humanitarian subjects, Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia

Contact information:

43, Narodnaya St., Borisoglebsk, Voronezh region, Russia, 397160

ORCID: 0000-0002-9527-1238

email: kireeva_kristina@mail.ru

For citation:

Morozova I.A., Selezneva K.O. Lexeme *Upbringing* in the language consciousness of Russian speakers // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 69–77. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-69-77 (in Russian)

**АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ ЯЗЫКА *PLAUDIETSCH*
НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ СИБИРИ****Налетова Наталья Валерьевна**Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия**Григорьева Алена Сергеевна**Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия**Аннотация**

В данной статье язык немцев-меннонитов *Plautdietsch* впервые рассматривается с психолингвистической точки зрения. В первой части статьи описывается история немцев-меннонитов и освещается проблема определения языкового статуса в парадигме диалект – мундарт – язык. Опираясь на приводимые классификации и учитывая особенности языка немцев-меннонитов, мы выделяем *Plautdietsch* как самостоятельный язык. Далее приводится краткое описание жизни меннонитов на примере жителей деревни Неудачино Новосибирской области, где был собран материал исследования. Уточняются также особенности формата ассоциативного эксперимента, поскольку ввиду отсутствия сформировавшейся письменной традиции, не представлялось возможным провести анкетирование в письменной форме; как стимулы, так и реакции были записаны и затем расшифрованы. При передаче лексем на *Plautdietsch* использовалась нетипичная форма записи – кириллическая, так как именно такое написание доступно для понимания информантов. На основании результатов пилотного ассоциативного эксперимента, проведенного с 13 носителями языка *Plautdietsch* в 2021 г., были изучены синтагматические и парадигматические отношения стимулов и реакций. По итогам подсчета общего индекса яркости были выделены ядро, полупериферия и периферия языкового сознания немцев меннонитов. Согласно семантике ассоциаций была сформирована ассоциативно-вербальная сеть, включающая пять тематических групп, «овнешняя» языковое сознание немцев-меннонитов (Повседневная жизнь, Присущее людям, Ориентация в пространстве, Времяпрепровождение и Понятийные категории). Проведенное исследование уже на этапе пилотного эксперимента позволяет делать выводы об уникальности и самостоятельности *Plautdietsch*, а также выделить ключевые особенности языковой картины мира его носителей.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная модель, меннониты, немцы Сибири, *Plautdietsch*, психолингвистика

Исследование какого-либо языка инструментариями различных подходов (чисто лингвистических или смежных дисциплин) позволяет не только получать новые лингвистические данные, но и сохранять изучаемый язык (диалект, говор и т.д.). Объектом нашего исследования выступает язык немцев-меннонитов *Plautdietsch*

(рус. плотдич, платтдойч, платский), существующий на территории Сибири, который имеет уникальную фонологическую и грамматическую базы, неопределенный языковой статус, несформировавшуюся единую письменную традицию, и не рассматривался ранее с психолингвистической точки зрения.

«Язык немцев-меннонитов *Plautdietsch* (самоназвание, далее плотдич), или *Mennonitenplatt*, имеет широкое географическое распространение: его носители проживают в разных странах Северной и Южной Америки, в Европе (Германия) и в России (прежде всего, Западная Сибирь)» [Либерт, Шиндрова 2021: 96]. Сами меннониты – «последователи одной из старейших протестантских церквей, основанной бывшим католическим священником Менно Симонсом (1496–1561), уроженцем Фрисландии (ныне Нидерланды)» [Найдич, Либерт 2021: 937]. На сегодняшний день носители плотдич в России ареально распределяются следующим образом: Алтай – села Полевое, Протасово, Орлово, Кусак, Редкая Дубрава и др. в составе немецкого национального района; Омская область – деревни Солнцевка, Миролобовка, Аполлоновка, село Южно-Подольск; Новосибирская область – деревня Неудачино.

Языковой статус плотдич до сих пор не определен. Данный вопрос, на наш взгляд, стоит рассматривать в парадигме «язык – диалект – мундарт». По одной из версий, которой придерживаются многие исследователи языка, плотдич – нижненемецкий диалект или особый нижненемецкий диалект [Jedig 1966, Niewebouer 1998, Авдеев 1967, Siemens 2012, Москалюк 2016]. Согласно М.В. и Е.М. Бондаренко, «диалект *Plautdietsch* является своеобразным “ответвлением” нижненемецкого языка *Plattdiitsch*, перенесенным меннонитами в Восточную Европу (Польшу, Восточную Пруссию, Украину, Россию)» [Бондаренко М.В., Бондаренко Е.М. 2013: 79]. Существует теория, что меннониты – «конфессиональная группа этнических голландцев, традиционно говорящих на диалекте *Plautdietsch*, пришедших из Польши через Восточную Европу в Украину и Россию в конце XVIII в.» [Там же]. В таком случае, носители плотдич считаются голландцами, поскольку в XVI в. меннонитов, пришедших из Нидерландов, Германии, восточно-фризских земель, объединял нидерландский язык; таким образом, влиянием groningenского диалекта нидерландского языка объясняется саксонский элемент в плотдич. Однако у данной теории есть некоторые неточности: уже в конце XVI в. началось заселение Польши немцами из Нижней Саксонии, в то время как массового переселения голландцев и фризов в XVII в. не наблюдалось [Там же]. На наш взгляд, если плотдич определяется как диалект, то диалект «базисный». Согласно Г. Белльману, базисный диалект – «диалект с самым высоким показателем диалектизации, с определенным эксклюзивно-локальным словарным составом, который все чаще оценивается как архаичный» [Bellmann 1983: 112]. П. Визингер дает базисному диалекту следующие характеристики: сельский, сильно привязанный к местности, более консервативный с точки зрения исторического развития диалект, используется маломобильным населением в повседневной речи и имеет малый коммуникативный диапазон [Wiesinger 1980: 188]. Термин «мундарт» может быть применен к плотдич на основании определений Я. Гримма и А. Социна, разграничивающих диалект и мундарт следующим образом: диалект – скорее общий вариант, в то время как мундарт больше воспринимается как местный диалект или язык устной реализации, в некотором смысле как представление местной языковой системы [Grimm, 1848; Socin, 1888]. В рамках классификации З. Хойзингера плотдич может считаться как

диалектом, так и мундартом. Таким образом, плотдич-диалект идентифицирует его носителей как членов меннонитского сообщества, плотдич-мундарт является частью диалектальной группы нижненемецких диалектов западногерманской подгруппы [Heusinger, 2004: 105–112].

В своей работе мы придерживаемся мнения, что плотдич – самостоятельный язык. Описывая разграничение языка и диалекта на материале немецкого языка, Г. Леффлер выделяет критерий «пространственной протяженности», согласно которому диалект местно- и пространственно-ограничен и имеет территориальную специфику [Löffler 2003]. Плотдич же сложно отнести к языкам с ограниченной распространенностью, поскольку меннониты проживают не только на территории России, большое количество меннонитов проживает в Канаде, Америке, Германии, Казахстане и т. д. Согласно Г. Сименсу, одному из ведущих исследователей плотдич и его носителю, плотдич – это язык, поскольку он находится под защитой Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, по определению хартии, диалекты под защиту не попадают [Сименс 2014]. Плотдич имеет уникальную фонологическую и морфологическую системы [Канакин 1983; Валл, Канакин 1986; Найдич, Либерт 2021; Либерт, Шиндрова 2021]. Несмотря на отсутствие единой письменной традиции, есть письменные издания на языке. «В настоящее время существуют три центра меннонитской культуры, где создаются произведения на плотдич – Канада и некоторые страны Южной и Центральной Америки (Парагвай, Белиз, Мексика), Россия и, наконец, в последние десятилетия – Германия» [Либерт 2019: 35]. Кроме того, плотдич вряд ли можно назвать диалектом, поскольку сам язык меннонитов обладает двумя диалектами: хортицким и молочанским [Quiring 1985; Tolksdorf 1985; Nieuweboer 1998; Siemens 2012; Либерт, Найдич 2019].

В целях изучения языка и культуры меннонитов, а также проведения ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) с носителями плотдич в ноябре 2021 г. А.С. Григорьевой была совершена экспедиция в д. Неудачино Новосибирской области.

Уникальность и самобытность меннонитов наблюдаются при первом знакомстве с деревней. На территории около 1,5 км² располагаются невысокие аккуратные дома; несмотря на то что каждый из домов обнесен изгородью, высота заборов одинаковая у всех домовладельцев – черта немецкой культуры. Эта с первого взгляда незначительная особенность архитектуры позволяет сразу отличить дома меннонитов от территорий неместных жителей (например, недавно переехавших в Неудачино русских и казахов). Бережное отношение меннонитов к благоустройству своего быта отмечал еще в 1930 г. Х. Ангер, говоря об исключительности меннонитского хозяйства, лучшей постройке домов, чем дома лютеранских и католических немцев и русских, а также о традиционной планировке меннонитских деревень – две улицы, разделенные одной большой дорогой, что сохраняется и сегодня [Anger 1930].

Меннониты д. Неудачино гордятся своим происхождением и своим домом. Любят природу, окружающую их родную деревню, – широкие поля. Местные жители считают себя этническими немцами, однако в Германии они – русские. В Германии меннониты также желанные работники, поскольку обладают трудо- и жизнелюбием. На наш взгляд, несмотря на немецкую самоидентичность, проявляющуюся в особом укладе быта, организованности и открытости к другим культурам, меннониты д. Неудачино обладают и отличительными чертами русской национальной идентичности, такими как свободолюбие и гостеприимство.

Меннониты д. Неудачино полностью осознают особенность и уникальность плотдич. Ввиду отсутствия единой письменности, язык передается в устной форме от поколения к поколению. Удивительно, что меннониты, проживающие на территориях разных стран, используют практически один и тот же язык, хотя, безусловно, имеются некоторые различия на лексическом и фонетическом уровнях в пределах одного сообщества, в семьях (в нашем случае – д. Неудачино). Небезынтересна языковая особенность молодежи меннонитов: говоря как о прошлом, так и о будущем, самих лексем «прошлое» и «будущее» молодые девушки и юноши не знают, хотя данные лексические единицы в языке существуют. С возрастом приходит осознание уникальности языка и единственной возможности передачи языка новым поколениям через устную речь, а также приходит осознание, что плотдич – важнейшая часть меннонитского самосознания. От этого язык ценится еще больше. Между людьми, говорящими на плотдич, существует особая связь, которую отмечают сами неудачинцы. Во время экспедиции нами также были зафиксированы лексические единицы, отражающие сходство некоторых базовых лексем с лексемами английского языка:

- *фрю(у)вэ* ‘вдова’: нем. *Witwe*, англ. *widow*;
- *юа* ‘год’: нем. *Jahr*, англ. *year*;
- *ольт* ‘старый’: нем. *alt*, англ. *old*;
- *лу:ть* ‘поздно’: англ. *late*;
- *енух* ‘достаточно’: нем. *genug*, англ. *enough*.

Это может быть примером самостоятельности плотдич, поскольку базовый лексический состав более не зависит полностью от материнского немецкого языка. В плотдич фигурируют и самостоятельные лексические единицы: так, наименование напитка из зерен пшеницы, ячменя и овса, ранее использовавшегося в качестве кофе, сегодня заменяет саму лексему «кофе» – *пренс, шварцпренс* ‘черный кофе’. В плотдич на территории д. Неудачино прослеживается и контактность русского языка, например, меннониты говорят *нэ баночка* ‘(одна) баночка’, заимствуя слово из русского языка и добавляя к нему артикль.

Стимульный список слов для АЭ включал 50 наиболее частотных лексем по версии онлайн словаря Duden, переведенных нами на плотдич¹. Испытуемые были ограничены во времени, что характерно для свободного АЭ, ограничение составляло 10 мин., средняя продолжительность проведения эксперимента – 7 мин. В опросе приняло участие 13 человек. Респондентами эксперимента стали жители – мужчины и женщины – д. Неудачино в возрасте от 14 до 76 лет. Всех респондентов, кроме места жительства, объединяет ведение своего хозяйства, являющееся для многих и источником дохода. Некоторые из информантов работают учителями в местной школе, занимаются ветеринарным делом, развитием дома-музея А.Я. Штеффена. Респонденты младше 18 лет обучаются в школе, а в возрасте от 18 до 22 лет получают высшее образование.

Несмотря на малое количество информантов, результаты проведенного исследования могут считаться довольно показательными для пилотного эксперимента, поскольку численность меннонитов небольшая. В д. Неудачино по официальным

¹ Перевод выполнен вместе с консультантом-носителем языка Мариной Давидовной Шелленберг (Адриан).

данным проживает около 400 человек, не все из которых – меннониты, еще меньшая часть неудачинцев владеет плотдич, также потенциальное количество респондентов сокращается за счет невозможности некоторых жителей принять участие в эксперименте из-за преклонного возраста, немаловажную роль сыграли неконтактность меннонитов и влияние пандемии. Ввиду отсутствия общепринятой письменной нормы и невладения носителями языка существующими формами записи АЭ был проведен устно – записан на диктофон, а затем расшифрован. Стимулы эксперимента были переведены на плотдич консультантом-носителем, записаны, а затем воспроизведены информантам. При расшифровке реакций нами использовалась кириллическая форма записи, поскольку именно такой формы придерживаются меннониты на территории России при письменном общении друг с другом, запись латиницей труднодоступна для понимания. Кроме того, нами использовались знаки фонетической транскрипции для передачи долготы – «:», «'» – для обозначения дополнительной мягкости, некоторые знаки были записаны в скобках – «(й)» – для указания наличия призвука, а также умлауты из немецкого алфавита, так как именно с их помощью была возможна наиболее близкая передача реального произношения. Особенность полученного материала на плотдич заключается не только в формате проведения эксперимента, но и в его типе. Несмотря на широкий спектр ассоциирования, который предполагает заявленный изначально свободный АЭ, нами все же задавалась инструкция – реагировать одним словом / кратким словосочетанием (например, с предлогом или союзом). В некоторых реакциях информантов данное условие не соблюдалось, вследствие чего эксперимент является скорее свободно-отсроченным, выявляющим при этом более спонтанное ассоциирование, ярче выражающее образы языкового сознания носителей. В ходе эксперимента нами было получено 650 реакций, 7% из которых не имеют связи со словом-стимулом. Среди них нами были выделены следующие случаи:

– респонденты испытывали сложности в подборе ассоциаций на предложенные стимулы по причинам волнения или незнания представленных лексем, последнее характерно для молодого поколения меннонитов (до 30 лет);

– реакции на созвучные со стимулом слова: так, стимул *мон* 'мужчина, человек' был дважды услышан как *му:н* 'луна', вследствие чего были получены реакции *шиньт дах* 'светит ярко' и *хэмэл* 'небо', или реакция *вит'а* (мягкое) *дихь* 'тесто' на стимул *ви:ть* 'далеко', услышанное как *ву:ть* 'мягкий';

– реакции, полученные на другое значение стимула: на значение 'делиться, показывать' глагола *овиз'э* 'обнаруживать' была получена реакция *эть вэл минэ обит* 'я хочу мою работу';

– на тот же стимул были получены реакции по созвучию: *бевизе* 'доказывать' и *нахвизе* 'не показывать'.

Также некоторые реакции не были переведены / переведены неточно, что отражает особенность языка – внутри небольшого поселения меннонитов существуют свои «диалектальные» формы: слово *эксээнзэлт* на стимул *процэнт* 'процент', *флэйзьйа* предположительно 'трудолюбивая' на стимул *фрю(у)* 'женщина' и *юнд* предположительно вариант лексемы *гунэ* 'идти' на стимул *клок / юва* 'часы'. Таким образом, для анализа были отобраны 605 реакций. Из них 480 реакций являются единичными.

Изучение вербальных отношений между полученными реакциями и стимулами выявили преобладание связи синтагматического характера. Так, около 55% реакций имеют синтагматический тип вербальных отношений, 45% – парадигматический. Примером синтагматической связи могут выступать отношения между стимулом *хёле* ‘хранить, держать’ и реакцией *фил фой* ‘много скотины’, стимулом *бливэ* ‘оставаться’ и реакцией *тусь* ‘дома’ (3). Характер парадигматического типа вербальных отношений может быть проиллюстрирован связью стимула *што:т* ‘город’ и реакцией *дарб* ‘деревня’ (4), глагола-стимула *зае* ‘говорить’ и реакцией *штэлзэнэ* ‘молчать’. Выделение синтагматических связей как ведущих в языковом сознании немцев-меннонитов коррелирует с их самосознанием как закрытого, тесно взаимосвязанного сообщества, где каждый член меннонитской общины является неотъемлемой частью всей «экосистемы» немцев-меннонитов, частью партнерских отношений между всеми членами сообщества вокруг единых ценностей.

Среди пар стимул-ассоциация, в которых было возможно установление синонимических или антонимических отношений, было выявлено преобладание синонимии. Около 56% пар связаны синонимическими отношениями, около 44% – антонимическими. К синонимам нами были отнесены такие пары, как *мокэ* ‘делать’ и *шофэ* ‘работать’ (2), *т’инт* ‘ребенок’ и *грётэи* ‘старшие дети’. Антонимами считались пары вида *йивэ* ‘давать’ – *нимэ* ‘брать’ (4), *ондрэ* ‘другой’ – *онзэ* ‘наш’. Для людей в целом свойственно объединение предметов и явлений окружающего мира в семантические группы. В синонимических парадигмах немцев-меннонитов наблюдаются противопоставления внутри нее самой. Так, в семантической группе *теня* ‘дети’ мы можем выделить *клинши* ‘младшие дети’ и *грётэи* ‘старшие дети’ или в группе *фамилия* ‘семья’ – *т’инт* ‘ребенок’ и *о:ма* ‘бабушка’, в обоих случаях дети так или иначе противопоставляются страшим членам общества.

Предлагаемая нами ассоциативно-вербальная сеть немцев-меннонитов условно разделена на несколько зон, посвященных основным категориям, присущим языковому сознанию немцев-меннонитов.

Для выявления ядерных, полупериферийных и периферийных значений нами был произведен подсчет общего индекса яркости (далее – ИЯ), т.е. ИЯ для каждой семантической группы. К **ядру** ассоциативно-вербальной сети плотдич нами были отнесены группы с ИЯ выше 5: «Семья и дом» – 9,99; «Характеристика чего-либо» – 9,92; «Люди» – 6,14 и «Эмоции и состояние человека» – 5,15. **Полупериферия** формируется группами с ИЯ от 3 до 5: «Локус» – 4,76 и «Деятельность» – 3,85. Соответственно, **периферия** образуется семантическими группами с ИЯ ниже 3: «Время» – 2,62; «Интеракция» – 2,46; «Движение» – 2; «Досуг» – 1,69; «Поссесивность» – 1,23; «Указания на что-либо» – 1; «Природа», «Финансы» – 0,92; «Количество» – 0,76 и «Части тела» – 0,61.

1. Повседневная жизнь: «**Семья и дом**» (*ту дэ фамилия* ‘семье’ (2), *бэ дэ элрэ зэнэ* ‘быть у родителей’, *бэнэ* ‘в доме’), «**Люди**» (*мэнши* ‘человек’ (6), *зой* ‘она’ (5), *мон / эн мон* ‘муж / мужчина’ (4), *ола / олос / олэс* ‘все’ (4)) и подгруппа «**Дети**» (*теня / дэ теня* ‘дети’ (4), *метье* ‘девочки’ (2), *тинт* ‘ребенок’ (2), *вё (грёт) эс минь грётинт* ‘какой большой мной внук’), «**Хозяйство**» (*хю:сь / эн хюсь* ‘дом’ (7), *дарб* ‘деревня’ (4), *фой* ‘скот’ (2), *энэм тыяла* ‘в погребке’), «**Трапеза**» (*итэ / ит’ыхь* ‘есть’ (4), *апл / о:пл* ‘яблоки’ (3), *брёт* ‘хлеб’ (2), *тэм тэй дрэньте* ‘пить чай’), «**Предметы быта**» (*штоуль* ‘стул’ (2), *ба:т* ‘кровать’, *дö(й)з* ‘коробка’, *ефис* ‘посудина’), «**Природа**»

(*дах / лыхът* 'свет' (3), *бём / боум* 'дерево' (2), *блоумь* 'цветок, цветы' (2), *бо:хь* 'гора') и «**Финансы**» (*йелт* 'стоит / деньги' (9), *доль* 'доля', *ойн милё(й)н* 'один миллион', *пенсия добавэле 8 процент* 'к пенсии добавляют 8 процентов'). Данная область отражает рутинные, ежедневные составляющие жизни и быта, то, на чем основана большая часть повседневности меннонитов. Забота о семье – одна из важнейших составляющих уклада жизни меннонитов. Как правило, в семьях много детей, поэтому большая часть ежедневных обязанностей как родителей, так и старших детей, состоит в заботе о младших членах семьи. Жизнь в деревне предполагает ведение сельского хозяйства: практически у всех местных жителей есть собственный огород, многие неудачинцы держат скот. Безусловно, собственное хозяйство требует усилий, а потому является одной из основополагающих повседневности немцев-меннонитов.

2. Присущее людям: «**Характеристика чего-либо**» (*грёт / грётэт / эс грёт* 'большой' (23), *шмок / нэ шмокэ / штром / эс шмок* 'красивый' (12), *клинь / клинет / эс клинь* 'маленький' (9)), «**Эмоции и состояние человека**» (*мо:т* 'быть должным' (2), *алонь войтэ* 'справляться одному', *ви (мотэ) онст гойт зэнэ* 'мы (должны) любить друг друга'), «**Части тела**» (*фэня* 'палец' (2), *блёт* 'кровь', *хэ:нь* 'руки') и «**Интеракция**» (*зае / риде* 'говорить' (4), *эн ешенць / ешенць* 'подарок' (5), *фрэгхэ* 'спрашивать' (2), *фэшипрете* 'обещать' (2)). Вторая зона тесно связана с первой антропоцентричностью, однако ее база выстраивается скорее на ментально-эмоциональной составляющей, не осознаваемой носителями языка, но ярко фигурирующей в коллективной языковой картине мира. Данная зона частично демонстрирует и «другоцентричность» меннонитской общины.

3. Ориентация в пространстве: «**Локус**» (*Росланд* 'Россия' (7), *буьэ* 'на улице', *вю эс химэл* 'там, где небо'), «**Время**» (*дэ т'и:ть / т'и:ть* 'время' (3), *лу:т* 'поздно' (3), *бёулт / эс бёльд* 'скоро' (2), *монят* 'месяц' (2)) и «**Количество**» (*фил* 'много' (5), *нох фил* 'еще много', *ри:ть, дот олос* 'всего достаточно', *твэй* 'два'). Ориентация в пространстве определяет восприятие меннонитами окружающего мира с помощью каких-либо систем отсчета. Нами были выделены приуроченность к определенному месту, например, к дому, стране или родине (действительной или исторической), и временная парадигма.

4. Времяпрепровождение: «**Деятельность**» (*зае / риде* 'говорить' (4), *зэнь* 'петь' (3), *лизэ* 'читать' (3), *мо:кэ* 'делать' (3)), «**Движение**» (*гунэ / юнд* 'идти' (5), *ранэ / рэнэ* 'бежать' (3), *вайхгунэ / гувахь / лос гунэ* 'уходить' (3), *форэ / фуарэ / фуэрэ* 'ездить' (3)) и «**Досуг**» (*эншипэл / дэшипил* 'игра' (4), *бук* 'книга' (3), *шпацирун / шпацирэгона* 'прогулка' (2)). К способу проведения времени нами были отнесены группы с семантикой деятельности и досуга, которые включаются в тематику времяпрепровождения по определению. Семантическая группа движения также была отнесена к данной зоне как активное действие, требующее от деятеля того или иного количества времени. Например, лексема «идти» может быть как способом передвижения от точки А к точке Б, так и самостоятельным видом времяпрепровождения «идти вместе», «идти по лесу».

5. Понятийные категории: «**Посессивность**» (*немэ / нимэ* 'брать' (8), *йивэ* 'давать' (4), *миньт / минь* 'мой' (5), *онэ* 'наша') и «**Указания на что-либо**» (*вот / эрэнт вот* 'что-то' (2), *дэссэ* 'эти' (2), *эс / нем. es* 'это' (2), *ви зё* 'так'). Последняя зона отражает особенности языкового сознания немцев-меннонитов через отношения информантов к объектам действительности, а именно, ощущение мира через обладание теми или

инными предметами, явлениями, качествами и через направление внимания на что-либо посредством служебных частей речи. Здесь на этапе пилотного эксперимента выделяется высокая степень восприятия окружающего мира через принадлежность себе или себя. Группа «Указания на что-либо» выделяется набором частей речи – преимущественно указательные местоимения и предлоги, что может говорить о привычке меннонитов существовать в замкнутом сообществе, где отсутствие прямой номинации объектов не приводит к коммуникативным трудностям; человеку со стороны неполнота контекста создает некоторые сложности в понимании.

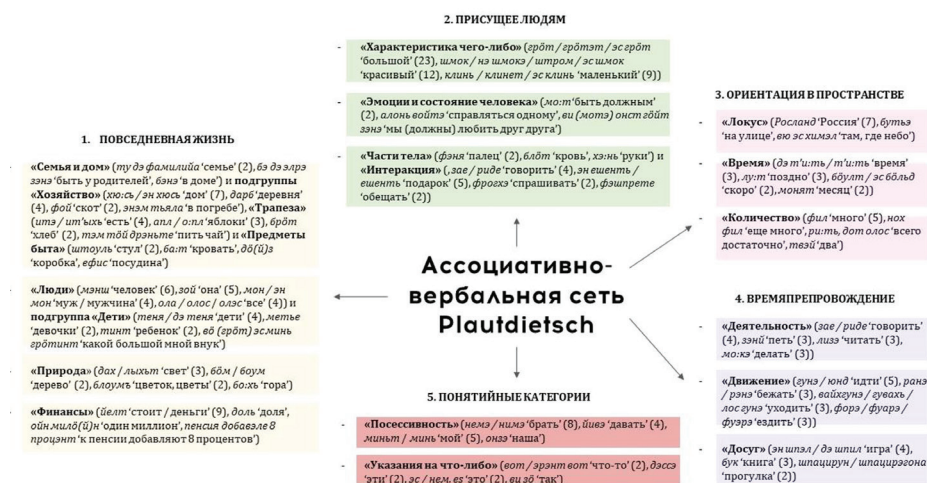

Рис. 1. Ассоциативно-вербальная сеть языка немцев-меннонитов *Plautdietsch*

Анализ результатов АЭ, визуализация их посредством построения АВС (см. рис. 1), а также опыт, полученный в экспедиции, позволяют нам сделать вывод об уникальности как плотдич, так и самих немцев-меннонитов, обладающих особым языковым сознанием и языковой картиной мира, соединяющих немецкие и русские национальные черты. Их самобытность формируется на основании как исторической идентичности, так и этнического самосознания, за счет особенностей географического расположения, сохранения немецких корней, что проявляется в существовании немецких традиций, например, Дня жатвы (Erntedankfest), черт немецкого менталитета, выражающегося в организации хозяйства и устройстве быта, в языке и т.д. Важной чертой является и влияние русского языка: так, русские слова заимствуются, подстраиваясь под языковой строй плотдич. Кроме того, влияние русского менталитета проявляется в радушии и привязанности к «своему» месту.

Таблица №1

Список реакций

Стимул	Реакции
1. фил 'много'	апл 'яблоки', эрдт 'большой', дэи 'стол', зоя 'сильно', йо 'да', лойв 'любовь', монят 'месяц', мэниэ 'люди', теня 'дети', ти 'коровы', швуа 'тяжело', яст 'гости', –

2. <i>хабэ</i> 'иметь'	<i>вот</i> 'что-то', <i>зорье</i> 'заботы', <i>йезундхэйт</i> 'здоровье', <i>йелт</i> 'деньги' (2), <i>йивэ</i> 'давать', <i>кукэ</i> 'пряник', <i>миньт</i> 'мое', <i>немэ</i> 'брат', <i>ойнэ машин</i> 'машину', <i>хэ:нь</i> 'руки', – (2)
3. <i>юа</i> 'год'	<i>веныхь</i> 'мало', <i>д'ыс</i> 'этот', <i>зас эн тахэтыхь</i> 'восемьдесят шесть', <i>йебурстах</i> 'день рождения', <i>лост(ь)ет</i> 'веселый', <i>минь</i> 'мое', <i>нэй</i> 'новый' (2), <i>олэс</i> 'все', <i>фил ё трэдь</i> 'много лет назад', <i>фил</i> 'много', <i>фиф энд твэнтихь</i> 'двадцать пять', <i>эть гу:</i> 'я иду'
4. <i>мон</i> 'мужчина'	<i>минь баста</i> 'мой лучший', <i>минь</i> 'мое', <i>ойн</i> 'один', <i>фрю</i> 'жена' (4), <i>Хэнрихь</i> 'Андрюша', <i>шонь</i> 'красивый', <i>эс тусь дэ ви:т</i> 'он дома главный', – <i>хэмэл</i> 'небо', <i>шиньт дах</i> 'светит ярко' (стимул <i>му:н</i> 'луна')
5. <i>ойнцелнт</i> 'единственный, одинокий'	<i>блоумъ</i> 'цветы', <i>вонэ</i> 'жить', <i>зин / зэнэ</i> 'быть' (2), <i>минэ фрю эс йеиторва</i> 'я, моя жена умерла', <i>нэнкума</i> 'заходить', <i>ри(ю)</i> <i>зомлэ</i> 'выбирать', <i>тёуп</i> 'вместе', <i>фил</i> 'много' (2), <i>итонэнд</i> 'стоять', <i>эть</i> 'я', – (2)
6. <i>хёле</i> 'хранить, держать'	<i>апл / о:пл</i> 'яблоки' (2), <i>бук</i> 'книга', <i>вэл</i> 'хотеть', <i>гунэ</i> 'идти', <i>итэ</i> 'кушать', <i>корф</i> 'короб', <i>оп'итэ</i> 'съесть', <i>фил фой</i> 'много скотины', <i>фой</i> 'скот' (2), <i>хабэ</i> 'иметь', <i>имитэ</i> 'кидать'
7. <i>хой</i> 'он'	<i>ду</i> 'ты', <i>зой</i> 'она' (4), <i>онкэл</i> 'дяденька', <i>хой хафт эн хюс</i> 'у него есть дом', <i>шипилт</i> 'играет', <i>эн зой</i> 'и она', <i>эн эть</i> 'и я', <i>эс мон</i> 'мужчина', <i>эс шмок</i> 'красиво', –
8. <i>безэцэ</i> 'владеть, обладать'	<i>веныхь</i> 'мало', <i>вы(э)ришафт</i> 'хозяйство', <i>дэ шт'ыт</i> 'место', <i>йивэ</i> 'давать', <i>лойт</i> 'разрешил', <i>нихь</i> 'нет', <i>ранэ</i> 'бежать', <i>фил ид</i> 'много земли', – (5)
9. <i>што:т</i> 'город'	<i>Моска эс хоупшто:т</i> 'Москва это столица', <i>грёт / гройт / эс грёт</i> 'большой' (5), <i>дарб</i> 'деревня' (4), <i>нэ шмокэ</i> 'красивая', <i>фил хизя</i> 'много домов', <i>эс ерись</i> 'грязно'
10. <i>й:т</i> 'конец'	<i>вътэ</i> 'белый', <i>дэ о:бед</i> 'работа', <i>дэ тьыт</i> 'время', <i>дэн хюсь / хюсь</i> 'дом' (2), <i>дэт лойт</i> 'песня', <i>йекумэ</i> 'получилось', <i>онфанг</i> 'начало', <i>рэнэ</i> 'бежать', <i>фарьйо</i> 'весна', <i>фэня</i> 'палец' (2), <i>шмок</i> 'красивый'
11. <i>бливэ</i> 'оставаться'	<i>вайхгунэ</i> 'уходить', <i>вайхфорэ</i> 'уезжать', <i>езонд</i> 'здоровье', <i>зэней</i> 'петь', <i>ланг</i> 'долго', <i>ливэ ан Неудачино</i> 'жить в Неудачино', <i>мэнши</i> 'человек', <i>тусь</i> 'дома' (3), <i>эс грёт</i> 'большой', <i>эть вэл тусь</i> 'я хочу дома'
12. <i>евэнэ</i> 'иметь выгоду'	<i>вэл</i> 'хотеть', <i>грётэ шпэл</i> 'большая игра', <i>дем брёда</i> 'брату', <i>дэ шпил / эн шпэл</i> 'игра' (3), <i>ешенть</i> 'подарок', <i>лос гунэ</i> 'уходить', <i>ойн шпи:л</i> 'одна игра', <i>феришил</i> 'проигрывать' (2), <i>эн лонд</i> 'страна', –
13. <i>ольт</i> 'старый'	<i>зэнэ</i> 'быть', <i>онэ тонтэ</i> 'тетя', <i>хю:с</i> 'дом', <i>цывентихь юа</i> 'семьдесят лет', <i>эм винахьтэ</i> 'в Рождество', <i>эть эт цимлихь</i> 'я достаточно', <i>юнг</i> 'молодой' (5), – <i>эс вэнта</i> 'зима' (стимул <i>больт</i> 'скоро')
14. <i>кон</i> 'мочь'	<i>бэнэ</i> 'в доме', <i>гонс йэшийт</i> 'очень хорошо', <i>доунь / мо:кэ</i> 'делать' (2), <i>зоя фил мокэ</i> 'очень много делать', <i>ко:н мэт ву:та</i> 'кувшин с водой', <i>крось</i> 'кружка', <i>кумэ</i> 'приходить', <i>мо:т</i> 'должен, быть должным' (2), <i>нихь</i> 'нет', <i>риде</i> 'говорить', <i>фил мока</i> 'много делать'

15. процэнт 'процент'	<i>грёт</i> 'большой' (2), <i>доль</i> 'доля', <i>ератцэтэ</i> 'самый большой', <i>йелт</i> 'стоит / деньги' (2), <i>нихь грёт</i> 'небольшой', <i>ойн милд(й)</i> 'один миллион', <i>олэс</i> 'все', <i>пенсия добавэле 8 процэнт</i> 'к пенсии добавляют 8 процентов', <i>штоуль</i> 'стул', <i>эксээнзэлт</i> (значение не ясно), –
16. шонь 'хороший'	<i>бутэ</i> 'на улице', <i>бэ дэ элрэ зэнэ</i> 'быть у родителей', <i>зоя</i> 'сильная', <i>зэнэ</i> 'быть', <i>итэ</i> 'кушать', <i>ливэ</i> 'жить', <i>лирэ</i> 'учить', <i>шлэхть</i> 'плохой' (5), <i>эма бита</i> 'всегда / еще лучше'
17. бук 'книга'	<i>дэт'ит</i> 'толстая', <i>лизэ</i> 'читать' (3), <i>теня</i> 'детская (дети)', <i>ук хэфта</i> 'и тетради', <i>фил битя</i> 'много книг', <i>хэфт</i> 'тетрадь' (4), <i>эн шпэл</i> 'игра', <i>энтрэсонтэт</i> 'интересная'
18. мэни 'человек'	<i>грёт</i> 'большой' (2), <i>ди</i> 'ты', <i>меть</i> 'девочка', <i>метье</i> 'девочки', <i>мецть</i> 'маленькая девочка', <i>теня</i> 'ребенок', <i>эн гёда / эс шонь</i> 'хороший' (2), <i>эн фрамда</i> 'чужой', <i>эс ешэ(й)т</i> 'он хороший (адекватный, нормальный)', <i>эс шмок</i> 'красивый', <i>эть зи эн</i> 'я есть (человек)'
19. Дичлонд 'Германия'	<i>Росланд</i> 'Россия' (6), <i>до эс мине зэста</i> 'там моя сестра', <i>ло:нд</i> 'страна', <i>форэ / фуарэ</i> 'ездить, ехать' (2), <i>фуэ эть нихь</i> 'не поеду', <i>хэймат</i> 'родина', <i>эс вит</i> 'далеко'
20. опвизэ 'обнаруживать'	<i>бевизе</i> 'доказывать', <i>брёт</i> 'хлеб', <i>вайхранэ</i> 'убегать', <i>дэхьт</i> 'близко', <i>нахвизе</i> 'не показывать', <i>нэ мьшинь</i> 'машину', <i>опэм поул</i> 'на пульс', <i>папирэ</i> 'бумаги', <i>фил ву:д</i> 'много значит', <i>фь(э) штопэ</i> 'прятать', – (2) <i>эть вэл минэ обит</i> 'я хочу мою работу' (стимул <i>опвизэ</i> 'делиться, показывать')
21. клинь 'маленький'	<i>вить мол</i> 'был когда-то', <i>грёт</i> 'большой' (5), <i>дд(й)з</i> 'коробка', <i>дэ теня зэнд</i> 'дети есть', <i>дэ теня</i> 'дети', <i>метье</i> 'девочки', <i>мэни</i> 'человек', <i>тинт</i> 'ребенок' (2)
22. тьри'э 'получать'	<i>ви яст</i> '(мы) гостей', <i>ись</i> 'лед', <i>йелт</i> 'деньги' (3), <i>йешенть / эн ешенть</i> 'подарок' (3), <i>йивэ</i> 'давать', <i>немэ</i> 'брат', <i>онзрэ элрэ</i> 'наши родители', <i>шенте</i> 'дарить' (2)
23. ви:ть 'далеко'	<i>ба:т</i> 'кровать', <i>дэ феил</i> 'птицы', <i>дэхьт</i> 'близко', <i>мин брёда эс</i> 'мой брат', <i>орт</i> 'место', <i>тьяст</i> 'свадьба', <i>фуэрэ</i> 'ездить', – <i>давь</i> 'одеяло', <i>дихь</i> 'тесто' (стимул <i>витйа</i> 'мягкое'), <i>дэ т'яса</i> 'подушка' (2), <i>хуат</i> 'твердо' (стимул <i>ви:ть</i> 'мягко')
24. фрю: 'женщина'	<i>грёт</i> 'большой', <i>дот эс дь твойдэ халфт би дэм монс мэни</i> 'вторая половинка мужчины', <i>лу:т</i> 'поздно', <i>мон / эн мон</i> 'муж / мужчина' (3), <i>опвушэ</i> 'мыть (посуду)', <i>флэйзья</i> возможно 'трудолюбивая', <i>шонь</i> 'красивая', <i>эс бёльд</i> 'скоро', <i>эс ешейт</i> 'послушная', <i>юнг</i> 'молодой', <i>юнгэ</i> 'молодая'
25. дот 'это'	<i>бук</i> 'книга', <i>ви зё</i> 'так', <i>дот бэт энэ мокэ</i> 'сделать до конца', <i>дэссэ</i> 'этот', <i>ефис</i> 'посудина', <i>кон шмок зэнэ</i> 'может быть хорошим', <i>мэни</i> 'человек', <i>ондрэт</i> 'другой', <i>тин ви</i> 'можем мы', <i>хе</i> 'здесь', <i>шмок</i> 'красиво', <i>эс</i> 'это', <i>янт</i> 'тот'

26. <i>мокэ</i> 'делать'	<i>ви (мокэ) олэс зэлст</i> 'все сами', <i>вэл</i> 'хотеть', <i>дихь</i> 'тесто', <i>дэт энь</i> 'конец', <i>котлетэ</i> 'котлеты', <i>мэдах</i> 'обед', <i>нох фил</i> 'еще много', <i>онкаст</i> 'ужин', <i>твэй</i> 'два', <i>фил ву:д</i> 'много значит', <i>хюсь</i> 'дом', <i>шофэ</i> 'работать' (2)
27. <i>енух</i> 'хватать, быть достаточным'	<i>брёт</i> 'хлеб', <i>веньхь</i> 'мало' (2), <i>йелт</i> 'деньги' (2), <i>йешеня</i> 'подарки', <i>йешофт</i> 'работали', <i>ри:ть, дот олос</i> 'доставать, это все', <i>ту фил</i> 'слишком много', <i>тэм итэ</i> 'чтобы кушать', <i>т'и:ть</i> 'время', <i>фил</i> 'много', <i>энэм тьяла</i> 'в погреб'
28. <i>ху:х</i> 'высокий'	<i>бо:хь</i> 'гора', <i>боум</i> 'дерево', <i>вю эс химэл</i> 'там, где небо', <i>грёт</i> 'большой', <i>зэнэ</i> 'быть', <i>клинь</i> 'маленький', <i>кряпэ</i> 'залезать', <i>ливэ</i> 'жить', <i>лихь</i> 'лежало', <i>минт квэтойа</i> 'моя квартира', <i>минь мон</i> 'мой муж', <i>хусь / эс дэ хюсь</i> 'дом' (2)
29. <i>тинт</i> 'ребенок'	<i>вэл итэ</i> 'хочет кушать', <i>грётэи</i> 'старшие', <i>дохтэ</i> 'дочь', <i>клинет</i> 'маленький', <i>ластикхь</i> 'весело', <i>миньт</i> 'мой', <i>мэни</i> 'человек', <i>ё:ма</i> 'бабушка', <i>шмок / эс шмок</i> 'красивый' (2), <i>энвахтэ</i> 'нянчиться', <i>эс пу юа</i> 'пара / несколько лет', <i>этэ хаб 3 тенья</i> 'у меня 3 детей'
30. <i>йивэ</i> 'давать'	<i>блёт</i> 'кровь', <i>вим вот</i> 'кому-что', <i>вот тум итэ</i> 'что-то, чтобы кушать', <i>вот шонет</i> 'что-то хорошее', <i>ит 'ыхь</i> 'кушать', <i>мэцпун</i> 'конфеты', <i>немэ / нимэ</i> 'брат' (4), <i>эма нох</i> 'всегда еще', <i>этэ во дэт тинт вот ивэ</i> 'я дам ребенку кое-что', –
31. <i>ондрэ</i> 'другой'	<i>бёзэ</i> 'злой', <i>дэссэ</i> 'эти', <i>ит 'ыхь</i> 'еда', <i>йеданкэ</i> 'мысли', <i>ливэ</i> 'жить', <i>мэниэ зэн лшяя ос этэ</i> 'люди ниже, чем я', <i>мэниэ</i> 'люди' (2), <i>ола</i> 'все', <i>ондрэ хонд</i> 'другую руку', <i>онзэ</i> 'наша', <i>тинэ олэс мокэ</i> 'могут все делать', <i>этэ</i> 'я'
32. <i>ло:нд</i> 'страна'	<i>Росланд</i> 'Россия', <i>вэлт</i> 'мир', <i>грётэт / эс грёт</i> 'большой(ая)' (2), <i>и:д</i> 'земля', <i>онс лонд</i> 'наша страна', <i>хе вон этэ</i> 'здесь живу', <i>шмок</i> 'красивый', <i>што:т</i> 'город', – <i>беобиде</i> 'обрабатывать', <i>дуоа воуст фил</i> 'там растет много', <i>минэ элрэ</i> 'моих родителей' (стимул <i>ло:нд</i> 'земля')
33. <i>ихи:рэ</i> 'принадлежать'	<i>бэ дэ мэни</i> 'человеку', <i>гунэ</i> 'идти', <i>дем хусь</i> 'дому', <i>зэни</i> 'петь', <i>лу:т</i> 'поздно', <i>ми</i> 'мне', <i>немэ</i> 'брат', <i>ту Росланд</i> 'России', <i>ту дэ фамилие / ту дэ фамилия</i> 'семье' (2), <i>унэ</i> 'без', – <i>этэ кон ол нихь зое хирэ</i> 'уже не все могу слышать' (стимул <i>хи:рэ</i> 'слышать')
34. <i>зае</i> 'говорить'	<i>вё: шонь дэт ет</i> 'как нам хорошо', <i>ву:т</i> 'слово' (2), <i>лу:т</i> 'поздно', <i>риде</i> 'говорить', <i>фил вот шонет</i> 'много чего хорошего', <i>фрогхэ</i> 'спрашивать', <i>фэшипрете</i> 'обещать', <i>штром</i> 'красивый', <i>штэл</i> 'тихо', <i>штэлзэнэ</i> 'молчать', <i>этэ кон ди олэс</i> 'я могу тебе все', –
35. <i>грёт</i> 'большой'	<i>бём</i> 'дерево', <i>вё (грёт) эс минь грётинт</i> 'какой большой мной внук', <i>зит ню</i> 'я сейчас', <i>зэнэ</i> 'быть', <i>клинь</i> 'маленький' (6), <i>минэ лойв</i> 'моя любовь', <i>мэни</i> 'человек', <i>эн йон(г)</i> 'мальчик'
36. <i>лутэ</i> 'оставлять'	<i>воуса</i> 'расти', <i>дах</i> 'свет', <i>лё(ую)с</i> 'прочь', <i>мокэ</i> 'делать', <i>олос</i> 'все', <i>опосэ</i> 'следить, приглядывать', <i>оя</i> 'раньше', <i>тёу</i> 'к чему-то', <i>филэт</i> 'многое', <i>шпацирэгона</i> 'прогулка', <i>шпилэ</i> 'играть', <i>эрэнт вот</i> 'что-то', <i>этэ (лутэм) тусь</i> '(я оставляю) дома'

37. эрливэ / дэрхьмокэ 'узнавать, убеждаться на опыте'	<i>вайхнемэ / йтхөле</i> 'убирать, <i>ви хабэ мост эн дизэм ливэ зае фил</i> 'нам пришлось в этой жизни многое (пережить)', <i>дем трехь</i> 'войну', <i>дэрхьгунэ</i> 'проходить', забирать / выдерживать', <i>нихь</i> 'нет', <i>оне кранкхейт</i> 'болезнь', <i>онзэ элрэ хабэ фил</i> 'мои родители много', <i>тоуп</i> 'вместе', <i>трурихьтит</i> 'горе', <i>фарэ фамилия</i> 'для семьи', <i>фил</i> 'много' / <i>вот шворэ</i> 'что-то тяжелое', <i>шмок</i> 'красивый', –
38. ху:сь 'дом'	<i>во:мат</i> 'теплый', <i>гоадэ</i> 'огород', <i>грөт</i> 'большой' (2), <i>йемитлихь</i> 'уютный', <i>мо:т бөльд ройт зэнэ</i> 'должен скоро быть готов', <i>нэ бб(уд)</i> 'в будке', <i>фуэвэ</i> 'красить', <i>шту:</i> 'комната' (2), <i>эн уамэт</i> 'бедный', <i>эс клинь</i> 'маленький', <i>эть хабэ</i> 'у меня есть'
39. мотэ 'быть должным'	<i>алонь войтэ</i> 'справляться одному', <i>брокт</i> 'нужно', <i>ви (мотэ) онст гөйт зэнэ</i> 'мы (должны) любить друг друга', <i>вэл нихь</i> 'не хочу', <i>вэл</i> 'хотеть' (2), <i>гунэ</i> 'идти', <i>дриньянд</i> 'немедленно', <i>дю мотцт</i> 'ты должен', <i>йемокт</i> 'сделано' (3), <i>шлупэ</i> 'спать'
40. клок / юва 'часы'	<i>блоум</i> 'цветок', <i>онэ вонд / опэ хонд</i> 'на стене / на руке', <i>опэ хо:нд</i> 'на руке', <i>ремонтуре</i> 'ремонтировать', <i>бньт</i> 'один', <i>тете</i> 'смотреть', <i>т'и:ть</i> 'время', <i>цүлэ</i> 'цифры', <i>эн холф зивэн</i> 'половина седьмого', <i>эс твой</i> 'два', <i>эс ю:ть / твалф</i> 'закончилось / двенадцать', <i>юнд (гунэ (?))</i> 'идти'), –
41. дэхьт 'рядом'	<i>би ми</i> 'со мной', <i>би 'у'</i>, <i>ви:т / видэ</i> 'далеко' (4), <i>дой вунд</i> 'он живет', <i>зэнэ</i> 'быть', <i>йо эс ок зб</i> 'да, это так', <i>лыхьт</i> 'свет', <i>мин хусь эс нихь вут</i> 'мой дом недалеко', <i>хиа</i> 'здесь', <i>хусь</i> 'дом'
42. эрфот 'узнавать, получать опыт'	<i>ву:т</i> 'слово', <i>гос</i> 'дорога', <i>дэрхь</i> 'через', <i>машин</i> 'машина', <i>тем тхье</i> 'идет сюда', <i>йтъехөльт</i> 'выдержал', <i>хой</i> 'он', <i>эн ерегнис</i> 'событие', <i>энварэ</i> 'узнавать', <i>эть хаб дот естрэ</i> 'вчера', – (3)
43. фрогхэ 'спрашивать'	<i>бук</i> 'книга', <i>дизэ метье</i> 'это девочки', <i>дэ мэши</i> 'человек', <i>зае</i> 'говорить' (2), <i>зой фрахьт</i> 'она спрашивает', <i>ми</i> 'мне', <i>немэ</i> 'брат', <i>ну нэ зогх</i> 'пила', <i>опйивэ</i> 'задавать', <i>фэшпрете</i> 'обещать', <i>хаст ду фил</i> 'у тебя много', <i>эть вэл ам олэс</i> 'я хочу у него все'
44. ву:т 'слово'	<i>бедыдэ донья</i> 'обозначают', <i>ву</i> 'где', <i>зае</i> 'говорить', <i>йивэ</i> 'давать', <i>ланэ</i> 'долго', <i>минь</i> 'мои', <i>онириувэ</i> 'записывать', <i>фрогхэ</i> 'спрашивать', <i>фэ ми выхтихь</i> 'для меня важны', <i>фэнста</i> 'окно', <i>шмокэ</i> 'красивое', <i>штрэня</i> 'строгое', <i>эн фрамда</i> 'чужой'
45. ри:т 'хватать'	<i>(рит)тб:</i> 'хватает / уже хватит', <i>брокэ</i> 'нуждаться', <i>воушит</i> 'мыть', <i>дэ хонд</i> 'руку', <i>дэт ри:т</i> 'уже хватит', <i>дэт тб</i> 'это уже (хватит)', <i>енух</i> 'достаточно', <i>мэши</i> 'человек', <i>нихь тб</i> 'не хватает', <i>олос тоу</i> 'все закрыто', <i>штоуль</i> 'стул', <i>эрэнт вуат рите</i> 'урожая хватит', –
46. лу:т 'поздно'	<i>дэ кума</i> 'кладовая', <i>дэт эс ол бу:те</i> 'уже на улице', <i>дэт эс ол</i> 'уже сейчас', <i>естра (лут) ешовт</i> 'вчера работала', <i>ивадах</i> 'днем', <i>итэ</i> 'кушать', <i>комэ</i> 'приходить', <i>нэ шоуль кумэ</i> 'приходить в школу', <i>тб шлутэ</i> 'закрывать(ся)', <i>шлот</i> 'замок', <i>шмок</i> 'красиво', <i>эс</i> 'это', –
47. штэм 'голос'	<i>ббулт</i> 'скоро', <i>ви:ть</i> 'мягкий', <i>грөт</i> 'большой', <i>грофэ</i> 'грубый', <i>дэ зэняш хабэ нэ шоня</i> 'у певцов красивый (голос)', <i>зэни</i> 'петь', <i>йеброкэ</i> 'сломанный', <i>клуа</i> 'ясно', <i>лйд</i> 'громкий', <i>хабэ эть нихь</i> 'у меня нет', <i>хойшэ</i> 'хриплый', <i>шоне / шонь</i> 'красивый' (2)

48. <i>виэть</i> ‘неделя’	<i>дах</i> ‘свет’, <i>йишитэ</i> ‘первое’, <i>ла:нг / лан(г)э</i> ‘длинная’ (2), <i>ланэ</i> ‘далеко’, <i>монянт</i> ‘месяц’, <i>нэ шворэ</i> ‘тяжелая’, <i>той</i> ‘чай’, <i>ту энэ</i> ‘к концу’, <i>шофэ</i> ‘работать’, <i>эн дах</i> ‘день’, <i>эс мэйист ту энэ</i> ‘почти подошла к концу’
49. <i>комэ</i> ‘приходить’	<i>гувахь</i> ‘уходить’, <i>гунэ</i> ‘идти’, <i>нэ ми</i> ‘ко мне’, <i>ранэ</i> ‘бегать’, <i>тэм той дрэньте</i> ‘пить чай’, <i>хиа / хи(й)</i> ‘сюда’ (2), <i>хюсь / эн хюсь</i> ‘дом(ой)’ (2), <i>ипацирун</i> ‘прогулка’ <i>дойтэ</i> ‘глубокий’, <i>ши:в</i> ‘тарелка’ (стимул <i>ком</i> ‘миска’)
50. <i>вуорэ</i> ‘становиться’	<i>ву:т</i> ‘слово’, <i>дот вуат ол (вуорэ)</i> ‘все пройдет / все будет хорошо’, <i>ерата</i> ‘взрослым’, <i>йевэнэ</i> ‘побеждать’, <i>клукг</i> ‘умный’, <i>мокэ</i> ‘делать’, <i>мул грёт</i> ‘когда-то взрослым / повзрослею’, <i>нихь</i> ‘нет’, <i>онс гёт зэнэ</i> ‘любить друг друга’, <i>олт</i> ‘старым’, <i>пэсит</i> ‘случилось’, <i>шонь</i> ‘хороший (хорошим)’

© Налетова Н.В., Григорьева А.С., 2023

Литература

Авдеев И.Е. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // Германские языки: Сб. статей; отв. ред. В.Я. Плоткин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 84–118.

Бондаренко М.В., Бондаренко Е.М. Генетические характеристики лексики немецкого диалекта меннонитов Plautdietsch // Эволюционные процессы в системе языка и дискурсе: Междунар. сб. научн. статей. Самара: Самарский ун-т, 2013. С. 79–86.

Валл М.Н., Канакин И.А. Фонологические системы немецких диалектов. Новосибирск: Наука, 1986. 77 с.

Канакин И.А. Краткий очерк морфологии немецких диалектов. Новосибирск: Наука, 1983. 57 с.

Либерт Е.А. Письменность языка меннонитов Plautdietsch // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 32–41.

Либерт Е.А., Найдич Л.Э. Меннониты Крыма: новые данные о языке Plautdietsch (по материалам архива В.М. Жирмунского) // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. М., 2019. С. 83–87.

Либерт Е.А., Шиндрова К.В. Консонантизм языка немцев-меннонитов Plautdietsch Сибири: к проблеме выделения лабиальных фонем // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41). С. 95–106.

Москалюк Л.И. Нижненемецкие говоры в Алтайском крае. Филология и человек. 2016. № 1. С. 41–50.

Найдич Л.Э., Либерт Е.А. Plaut или Plot? К изучению развития вокализма в нижненемецких диалектах меннонитов // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (2) (чтения памяти И.М. Тронского). Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2021. С. 936–952.

Anger H. Die Deutschen in Sibirien, Reise durch die deutschen Dörfer Westsibiriens. Berlin: Ost-Europa-Verlag, 1930.

Bellmann G. Probleme des Substandards im Deutschen // Aspekte der Dialekttheorie / Hg. von Klaus J. Mattheier. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983.

- Grimm J.* Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1848.
Heusinger S. Die Lexik der deutschen Gegenwartssprache. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004.
Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai-Gebites. Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
Löffler H. Dialektologie. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2003.
Niebaum H. Einführung in die Dialektologie des Deutschen. Tübingen: Niemeyer. 1999.
Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Low German). Groningen: Rijksuniversiteit, 1998.
Siemens H. Plautdiitsch. Bonn: Tweeverlag. 2012.
Socin A. Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn, 1888.
Quiring J. Die Mundart von Chortiza in Süd-Russland: Diss. München. 1928 (Münster, 1985).
Tolksdorf U. Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // Danzig in acht Jahrhunderten: Beiträge zur Geschichte eines hansischen und preußischen Mittelpunktes / Hrsg. von B. Jähning, P. Letkemann. Münster, 1985.

Электронные источники

- Duden Online* – Словарь Duden онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 20.02.2020).
Сименс Г. Другой немецкий язык // Московская немецкая газета [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/drugoj-nemetskij-yazyk> (дата обращения: 21.12.2021)

Сведения об авторах:

Налетова Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, Кафедра романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0001-5485-945X
e-mail: n.kozlova@g.nsu.ru

Григорьева Алена Сергеевна – магистрант, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0001-8329-040X
e-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru

Для цитирования:

Налетова Н.В., Григорьева А.С. Ассоциативно-вербальная сеть языка PLAUTDIETSCH немцев-меннонитов Сибири // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 78–93, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-78-93

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-78-93

Research article

ASSOCIATION-VERBAL NETWORK OF THE LANGUAGE OF THE
MENNONITE GERMANS OF SIBERIA *PLAUTDIETSCH*

Natalia V. Naletova

Novosibirsk state university,
Novosibirsk, Russia

Alena S. Grigoryeva

Novosibirsk state university,
Novosibirsk, Russia

Abstract

The paper examines the language of the Mennonite Germans *Plautdietsch* from a psycholinguistic view point. First, the article describes the history of the Mennonite Germans, discusses the problem of determining their linguistic status in the dialect-*Mundart*-language paradigm and singles out *Plautdietsch* as an independent language. Further, a brief description of Mennonite lifestyle is given, in particular, that of the inhabitants of Neudachino village in Novosibirsk region, where the research material was collected. Due to the absence of an established written tradition, it was not possible to conduct the associative experiment in written form, both stimuli and reactions were recorded and then transcribed in Cyrillic, the spelling understandable to the informants. Based on the results of a pilot associative experiment conducted with 13 Plautdietsch speakers in 2021, syntagmatic and paradigmatic relations of stimuli and reactions were studied. By calculating the total brightness index, the core, semi-periphery, and periphery of Mennonite Germans' linguistic consciousness have been distinguished. According to the semantics of the associations, a verbal-associative network that consists of five thematic groups and expresses the linguistic consciousness of Mennonite Germans (Everyday Life, Possessions, Space, Time and Conceptual Categories) was formed. Already at the stage of the pilot experiment, the conducted research allows us to draw conclusions about the uniqueness and autonomy of Plautdietsch, as well as to highlight the key features of the native speakers' linguistic worldview.

Keywords: association experiment, associative fields, Mennonite Germans, Mennonite Germans of Siberia, Plautdietsch, Psycholinguistics

© Naletova N.V., Grigoryeva A.S., 2023

Bionotes:

Natalia V. Naletova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Institute for Humanities, Novosibirsk State University

Contact information:

1 Pirogov Str., Novosibirsk, Russian Federation, 630090

ORCID: 0000-0001-5485-945X

e-mail: n.kozlova@g.nsu.ru

Alena S. Grigoryeva – Master student, Institute for Humanities, Novosibirsk State University

Contact information:

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8329-040X

e-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru

For citation:

Naletova N.V., Grigoryeva A.S. Association-verbal network of the language of the Mennonite Germans of Siberia *Plautdietsch* // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 78–93 Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-78-93 (in Russian)

ПРОВАКС- И АНТИВАКС-ШЕЙМИНГ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ КОНФЛИКТНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Пешкова Наталья Петровна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен онлайн-шейминга, представляющего собой один из видов конфликтной интернет-коммуникации, во многом, обусловленных ее анонимностью. Целью исследования является изучение специфики данного феномена, представленного в комментариях интернет-коммуникантов, рассматриваемых авторами статьи как разновидность «встречного текста» или «контртекста», представляющего собой реакцию адресатов на тот или иной текст-стимул. Объектом данного исследования являются интернет-тексты новостных каналов в кроссплатформенной системе мгновенного обмена сообщениями Телеграм. Предмет изучения составляют комментарии к ним, порождаемые реципиентами данных текстов, участниками интернет-коммуникации. Анализ интернет-комментариев осуществляется с использованием метода «встречного текста», разработанного А.И. Новиковым и апробированного ранее на материале текстов различных типов. В представленном исследовании данный подход позволяет выявить общие и индивидуальные механизмы и стратегии процессов понимания и интерпретации текстов Телеграм-каналов, материализованные в высказываниях-комментариях, полученных в результате не организованного исследователем эксперимента, а естественной, «живой» интернет-коммуникации. Выделены три группы комментаторов, использующих дискриминационную практику шейминга в адрес оппонентов. Результаты анализа подтверждают предположение об особенностях интернет-текста как одного из наиболее конфликтогенных типов современного текста. Выявляются и описываются виды коммуникативных контактов, провоцирующих конфликт в интернет-коммуникации и за ее пределами. Количественный и качественный анализ комментариев интернет-коммуникантов, основанный на принципах метода «встречного текста», выявляет наиболее частотные реакции, лежащие в основе комментариев шейминга, такие как оценочное мнение, эмоциональная оценка, ориентировка, прогноз и др., отражающие не только состояние индивидуального языкового сознания отдельных коммуникантов, но и специфику коллективного вербального сознания социума во время пандемии коронавирусной инфекции и в постковидный период, свидетельствующую как о духовном здоровье общества, так и о его проблемах.

Ключевые слова: шейминг, анонимность, конфликт, интернет-коммуникация, интернет-текст, «встречный текст»

Вводные замечания

Спустя три года после начала пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, уже не возникает сомнений относительно перемен, произошедших как в окружающей нас действительности, так и в нашем сознании. Эти изменения, коснувшиеся, прежде всего, таких сфер деятельности человека, как медицина и вирусология, химия и фармакология, и оказавшие влияние на жизнь общества в целом, не могли не затронуть вербальное сознание человека и его язык, а значит, и не могли не привлечь внимание исследователей различных областей науки о языке. В словари разных языков вошли и отчасти закрепились лексические единицы, отражающие новые реалии жизни в условиях пандемии. В настоящее время далекие от медицины люди владеют такими терминами, как «пандемия», «коллективный иммунитет», «антитела», «сатурация» и т.п. Термины «ковид» и «коронавирус» стали основой для образования ряда неологизмов, среди которых «ковидиот», «ковиднутые», «ковид-вечеринка», «коронафейк», «коронапаника» и «коронаскептики».

Как известно, и до эпохи ковида в любом социуме существовали сторонники и противники вакцинирования как такового. Не удивительно, что с появлением вакцины от новой коронавирусной инфекции появились также ее сторонники и противники. В интернет-среде их стали называть «проваксы» и «антиваксы» (pro/anti + vaccine).

Можно предположить, что отношение к противовирусной вакцине условно поделило членов социума на два лагеря. В действительности, интернет-коммуникантов, выражающих свое мнение по поводу вакцины, можно разделить на три группы: 1) пользователи с нейтральным отношением к вопросу о вакцинации, поддерживающие в своих комментариях любой личный выбор каждого гражданина; 2) пользователи-сторонники вакцинации (проваксы); 3) пользователи-противники вакцинации (антиваксы).

В интернет-пространстве, известном повышенной эмоциональностью коммуникации, подобное разделение зачастую перерастает в противостояние. Наиболее яростное противостояние наблюдается между пользователями второй и третьей групп, в комментариях которых прослеживается использование одной из конфликтных форм современной интернет-коммуникации, а именно, дискриминационной речевой практики, получившей название «шейминг».

Шейминг, как известно, является относительно новым понятием, как в психологии, так и в лингвоконфликтологии. Обратимся к словарям Collins и Merriam-Webster, в которых можно найти следующие определения: “Shaming – the act of attempting to embarrass a person or a group by drawing attention to their perceived offence, especially on social media” [Collins... http]. («Шейминг – попытка поставить человека или группу в неловкое положение, привлекая внимание к предполагаемому проступку, особенно в социальных сетях» (*перевод наш*)).

“Shaming – the act of subjecting someone to shame, disgrace, humiliation, or disrepute especially by public exposure or criticism” [Merriam-Webster ...http]. («Шейминг – действие, вследствие которого кто-либо испытывает стыд, позор, унижение, приобретает дурную репутацию, особенно при публичном разоблачении или критике» (*перевод наш*)).

Нужно заметить, что шейминг как дискриминационная речевая практика характерен именно для интернет-коммуникации, базовыми характеристиками которой являются ее опосредованность, «косвенность» и анонимность. Пользователь и его общение в сети

часто носят анонимный характер. Непосредственный, личный контакт не является необходимостью для такого рода коммуникации, она возможна и при условии, если коммуникант не авторизуется и участвует в коммуникации под вымышленным именем (никнеймом).

Анонимность интернет-коммуникации имеет свои психологические последствия. Когда пользователь выкладывает в сеть личные данные, он понимает, что может быть идентифицирован; в таком случае, его коммуникативные стратегии идентичны тем, которые он выбирает и в ходе офф-лайн, «живой» коммуникации. При онлайн общении под вымышленным именем сдерживающие факторы отсутствуют, и пользователь свободен в выборе средств самовыражения. Такая свобода слова и раскрепощенность зачастую приводят к тому, что собеседники начинают проявлять присущие им отрицательные, асоциальные речевые характеристики, которые скрываются и подавляются при общении в реальной жизни.

Интернет-коммуниканты, пользуясь анонимностью сетевого общения, «проявляют большую свободу высказываний и поступков (вплоть до оскорблений, нецензурных выражений, сексуальных домогательств), так как риск разоблачения и личной отрицательной оценки окружающими минимален» [Лучинкина 2019: 63]. В процессе общения проявляется агрессия, вплоть до угроз и использования обценной лексики в отношении оппонентов.

Результатом отсутствия последствий, безнаказанности и вседозволенности в интернет-общении является такой феномен, как шейминг. Выделив какую-либо характеристику или поступок оппонента, интернет-коммуниканты критикуют, высмеивают и унижают его за этот, по их мнению, недостаток или неподобающее действие.

Психологи полагают, что можно найти множество оснований для шейминга: обсуждать и осуждать человека могут за отличное от собственного мнение, физиологические характеристики, нехватку денежных средств или, наоборот, их избыток и расточительство. Будучи явлением социальным, шейминг распространен во всех сферах общества: в меньшей степени в реальном общении, в большей – в коммуникации онлайн. Негативные последствия, к которым может привести взаимодействие с элементами шейминга, несомненны, поскольку «проявление дискриминации в адрес участников коммуникации наносит вред и психическому, и физическому здоровью» [Виноградова 2004: 63–67]. В силу всего сказанного выше, явление шейминга не может не привлекать внимания исследователей в области психолингвистики, социолингвистики, лингвоконфликтологии.

Целью настоящего исследования является изучение шейминга в комментариях интернет-коммуникантов, рассматриваемых нами как разновидность «встречного текста» или «контртекста», представляющего собой реакцию адресатов на тот или иной вид текста-стимула.

Объектом нашего исследования выступают интернет-тексты новостных каналов в кроссплатформенной системе мгновенного обмена сообщениями Телеграм. *Предмет* изучения составляют комментарии к ним, порождаемые реципиентами данных текстов, участниками интернет-коммуникации.

Исследование представляется *актуальным*, поскольку позволяет выявить и изучить с позиции социо-психолингвистического подхода особенности языкового сознания членов современного общества, отражающие настроения и тенденции, значимые для духовного здоровья как общества в целом, так и его отдельных социумов.

Новизна исследования обусловлена спецификой самой ситуации, возникшей в жизни современного общества в период пандемии и в постковидный период и оказавшей влияние как на индивидуальное, так и на коллективное языковое сознание.

Несомненно, любая конфликтная ситуация контакта как столкновение противоречивых взглядов рождается, прежде всего, в ходе коммуникативного взаимодействия. Причиной таких столкновений очень часто служат речевые сообщения коммуникантов, противоречащие общепринятым правилам и нормам речевого поведения. Коммуникация такого рода, пренебрегающая традиционными нормами, является проявлением личностных характеристик коммуниканта, реализующихся в особом типе речевого поведения, в том числе, и в речевой практике, известной как шейминг.

Однако, анонимность и опосредованность онлайн-коммуникации, способствующие проявлению негативных личностных характеристик, повышают уровень конфликтности, по сути, любого текста, зачастую и информационного, нейтрального характера, размещенного в интернет-среде. Используемая в настоящем исследовании методика «встречного текста», на наш взгляд, еще раз подтверждает данное предположение.

Исследование шейминга на материале интернет-комментариев

Как показывает исследовательская практика, метод «встречного текста» позволяет «экспериментально исследовать сам процесс восприятия текста в его более непосредственном виде, приближенном к реальному протеканию» [Новиков 2003: 64].

Напомним, что основу такого экспериментального метода составляет гипотеза А.И. Новикова об активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует на содержащуюся в тексте информацию, не является просто «экраном», на котором проецируется содержание текста, а сам строит «встречный текст», представляющий собой набор индивидуальных реакций реципиента. Каждый набор реакций является проявлением индивидуальной стратегии понимания текста его конкретным адресатом.

В представленном исследовании мы используем основные принципы метода «встречного текста» А.И. Новикова не в условиях, заданных экспериментом, а в естественной среде интернет-коммуникации. Подобная практика имела место ранее в работе одного из авторов настоящей статьи [Титлова 2018].

Под «встречными текстами» в данном случае мы понимаем комментарии, продуцируемые пользователями на интернет-тексты, и, по сути, представляющие собой их реакции на оригинальные интернет-сообщения и на более ранние комментарии по поводу тех или иных сообщений. Полученные результаты были обработаны с использованием основных принципов метода «встречного текста» с целью выявления особенностей понимания в условиях интернет-коммуникации.

В качестве материала для анализа были взяты посты из популярного аккаунта `bash.dtp.official [t.me/bdtptrb]`, посвященного новостям общественной и политической жизни Республики Башкортостан. Как отмечалось, комментарии пользователей представляют собой реакции на текст новостного сообщения. Однако согласно алгоритму коммуникации, принятому в сети Телеграм, пользователь имеет возможность комментировать как пост-стимул, так и реагировать на комментарии других подписчиков. Ниже приведены примеры таких диа/полилогов (курсивом выделен пост-стимул; цифрой обозначен первый комментарий-реакция на исходный текст; далее следуют реакции пользователей на первый комментарий).

Предлагаем тексты-стимулы и комментарии интернет-коммуникантов, рассматриваемые как реакции на текст-стимул в форме «встречного текста» или «контртекста». Орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены.

После каждого комментария в скобках приводится его расшифровка с названием реакций и отношением к шеймингу.

Власти Башкирии рассказали, чем отличаются вакцины от COVID-19 и какую из них кому колоть. (Далее описываются компоненты вакцин «Спутник V» и «Спутник Лайт», «ЭпиВакКорона», «КовиВак», процентное соотношение эффективности, а также возможные побочные эффекты. Автор отмечает, что сроки действия иммунитета после введения прививки пока неизвестны и будут объявлены после окончания клинических испытаний).

1. *Клинические испытания проводятся сразу на людях?? В добровольно-принудительном порядке???* Эмотикон *clapping hands* (аплодисменты) *Браво, браво!!! Как же вы заботитесь о своем народе, делаете из них рабов?* Эмотикон *facepalm* (закрытое рукой лицо) (ориентировка+предположение+ироничная оценка+вывод+графическая оценка)

– *Вакци-нази в правительстве стараются* (оценочное мнение);

– *диванные вирусологи сейчас нам расскажут, что не так с этими прививками и почему нельзя их колоть* (эмотикон *laughing face* – смеющееся лицо: ироничная оценка + прогноз+графическая оценка);

– *зачем делать рабов? У вас и так мозга нет, про коллективный иммунитет не слышали, нет? Пока 60% не привьются так и будет вирус ходить сколько можно уже?* (эмотикон *angry face* – злое лицо); *как можно быть настолько тупыми* (ориентировка+ироничная оценка + аргументация+оценочное мнение);

– *сам то привился, ковидятел?* (ориентировка+оценочное мнение);

– *я то привился, а вот из за таких как ты убогих нас еще долго будет колбасить и по несколько раз. Че за овцы как живете вы когда в голове хлебушек??* (оценочное мнение+прогноз+ориентировка+оценочное мнение).

2. *Не зря на госуслугах, после вакцины предлагают вести дневник «самочувствия» ... На основании этих данных и будут делать результаты испытаний. А людей в темную используют, как подопытных кроликов* (констатация+вывод +оценочное мнение);

– *если это фуфло как многие тут считают, а не лекарство то зачем собирать данные? Люди сами себе противоречите* (эмотикон *facepalm* – закрытое рукой лицо: аргументация+ориентировка+вывод);

– *что хотят то и колят, что колят никто не объяснил и откуда вдруг чудодейственная вакцина взялась с потолка???* (оценочное мнение+ориентировка);

– *почитайте все в открытом доступе и чушь не несите* (аргументация+оценочное мнение).

3. *Вообще не стоит ничего себе колоть, какой бы опасный вирус не был. Организм сам поборит вирус и с минимальным ущербом, а так каждый месяц будете себе колоть эту тромбозную жидкость* (оценочное мнение+прогноз);

– *обязательно, еще откажитесь от прививки от кори, столбняка, дифтерии и полиомиелита, даст бог, организм детский поборит эти инфекции, нет - так нет, похоронят* (ироничная оценка+прогноз);

– толку то прививать (Эмотикон *ROFL* – лицо со слезами радости) пока дойдет вирус уже мутирует. Так и мне сделали прививку, через месяц заболела, чуть не умерла (прогноз+отсылка к личному опыту+графическая оценка);

– а миллионы смертей от вируса – это тоже хорошо «здоровая» борьба? Мне интересно если ваши близкие умрут от вируса вы тоже скажете дело житейское? Из-за таких как вы могут умереть другие люди (ориентировка+прогноз);

– а если ваши близкие умрут после прививки, тоже вколите себе эту дрянь, авось повезет? (ориентировка+ироничная оценка);

– уже больше 8 млн доз и никто не умер) шанс есть, но мизерный. Тогда как от болезни умереть или получить серьезные осложнения гораздо выше. Можно и едой подавиться, что не есть теперь. Мы все привиты, все окей (аргументация+оценочное мнение+генерализация +отсылка к личному опыту);

– вам похоже платят за то, что вы говорите без основания. Если официальные данные сфальсифицированы, то это не значит, что результат вакцинации успешен в рамках 8 млн граждан, которые доверили или под принуждением сделали себе добровольную прививку (предположение+перифразирование);

– а где твои доказательства? Или только языком чесать можешь? А по поводу безопасности и тех 8 млн граждан данные точные. Но таким как ты что ни скажи, то сфальсифицировано (ориентировка+оценочное мнение+вывод);

– послушайте статистику, даже цифры смертей привитых, ну да ладно. У меня вопрос, почему привитые так боятся не привитых? Вы же теперь под защитой и это ваш добровольный выбор, так относитесь к выбору другой стороны так же адекватно и будет всем счастье (эмотикон *raised_hands* – руки подняты вверх: ориентировка+ оценочное мнение+графическая оценка).

Уфимский врач Глеб Глебов объяснил антирекорд смертей от COVID-19: Чем больше людей пугать (информацией об умерших), тем быстрее они побегут прививаться.

1. Даже терапевты говорят избегайте вакцинации любой ценой (констатация);

– что за терапевты такие? (ориентировка);

– бред какой-то (оценка);

– может пруфы? Или так балтаешь просто? (ориентировка+ имплицитная оценка негативного характера);

– вы в курсе что пишете бред? (эмотикон *facepalm* – закрытое рукой лицо: графическая оценка+оценка);

– лучшие посмотри как пишется слово вакцИна (имплицитная оценка негативного характера);

– таких врачей сажать надо, это вредительство (оценочное мнение).

2. От чего бы человек не умер, все равно скажут, что от ковида. Уже надоели (генерализация+оценочное мнение);

– ну да, в госпитале лежит человек, ПЦР+, вирусная пневмония, это конечно же не Ковид, а пяточная шпора или геморрой так проявились, ага (ироничная оценка);

– сейчас болею вот из за такого м@дака неверующего, везде ходил без маски, на всех плевал, типа обычный грипп. Ага прям. Сейчас сам чуть живой. А что будет дальше... Аж страшно (отсылка к личному опыту+ироничная оценка+ ориентировка+оценочное мнение).

3. Причем процент смертности среди вакцинированных высокий, но об этом молчат (мнение)

– трудно жить с кашей вместо мозгов? (ироничная оценка);
– откуда вот такая статистика???, лишь бы что написать (ориентировка+оценочное мнение);

– какой процент? Сам придумал – сам поверил и орет (ориентировка+предположение);

– это заговор *«Пссст!» (эмотикон *smiling face* – смеющееся лицо: (перевод+графическая оценка);

– Тупизм крепчает с каждым днем (эмотикон *facermalm* – закрытое рукой лицо) Россия! (Великая страна) (оценочное мнение+графическая оценка).

В Башкирии от коронавируса за сутки скончалось рекордное количество пациентов – 10 человек. По официальным данным регионального оперативного штаба, на 11 августа в регионе подтвердили 51163 случая коронавирусной инфекции. Выздоровели 46745 человек, 426- за последние сутки. С начала пандемии от ковида погибли 866 человек. Сообщается, что в Башкирии первый компонент вакцины получили 1018143 человека, второй компонент вакцины сделали 799225 человек.

1. Причем здесь вакцинация виновата..... Господи, всё современные люди.... Несете бред.... Сколько «людей» КУПИЛИ эти вакцины..... везде себя зарегистрировав..... вот они и входят в статистику после ВАКЦИНАЦИИ (8 эмотиконов *angry red face* (злое лицо) + 3 эмотикона *skull-and-crossbones* (череп и кости) (ориентировка+оценочное мнение+графическая оценка+аргументация+ графическая оценка);

– болеют после вакцины так же как и без нее, она ничего не изменила (мнение+вывод);

– да уж лучше купить, чем вколоть себе эту жижу неизвестную никому. Верхушкам по@уй, купил ты или вколол. Главное что бы цифры росли (оценочное мнение+оценочное мнение+вывод);

– ну не знаю, у меня в окружении умерло 6 человек, 4 были от 60 до 70 лет, 1-вахтовик 36 лет и одна беременная. все они были привитые двумя вакцинами (отсылка к личному опыту);

– до вакцинации столько никто не болел, вот ваша вакцинация (оценочное мнение+вывод).

2. Если бы вакцина была хреновая, то армия России, полиция и другие структуры не вакцинировались бы!!! (предположение+аргументация)

– так они и не вакцинируются для них изобрели спутник лайт (инфиксация);

– сам себя что-ли успокаиваешь!!! (ироничная оценка);

– так они и не вакцинируются, у кого голова на месте и есть на то воля! (инфиксация+оценочное мнение);

– Вакцинируйтесь, иначе не выживем, нужно больше, больше народного иммунитета (оценочное мнение);

– вакцина работает (констатация);

– они люди подневольные, сказали надо – значит надо! а вы продолжайте колоть вакцину, которая не спасет от новых штаммов (оценочное мнение+прогноз).

3. Как задолбали эти Антипрививочники!!! Идите вакцинируйтесь, чем быстрее вакцинируетесь, тем меньше шансов будет заболеть или легче переболеть без последствий тяжелых!!!! (оценочное мнение+прогноз);

- а Вы ремонт дома сделайте... (свободный ответ);
- а вы лак себе в ... залейте, говорят помогает (свободный ответ);
- мужчина, такие советы про прививки даёте мирового масштаба, а дома бардак... люди сами решат. И культура общения низкая (аргументация+оценочное мнение);
- с чего ты решила что у меня дома бардак))) ты ничего не попутала (ориентировка+графическая оценка+имплицитная оценка негативного характера);
- Не надоел этот бред вам а, задолбали уже БАРАНОВИРУСНИКИ тупые (ориентировка+оценочное мнение+графическая оценка);
- Экспериментальные прививки, людей в расход вместо кроликов. Это не от короны люди умирают пачками а от вакцины вашей экспериментальной Так что ... не надо. От рака, сердечники всё под корону списывают уроды (оценочное мнение).
- 4. Чем больше прививают тем больше становится больных (оценочное мнение);
- потому что привитые заражают видимо (предположение);
- с мужем не болели пока массово прививать не начали *mourning face* (отсылка к личному опыту+графическая оценка);
- вы хоть немного почитайте информацию, привитый не может заразить, там нет живого коронавируса! Из-за таких как вы люди делают неправильные выводы (аргументация+оценочное мнение);
- привитые так же заражают и болеют, просто у них осложнений не будет, так объяснили медики (аргументация);
- привитые тоже болеют (эмотикон *laughing face* – смеющееся лицо) только не короной а другим вирусом Вакцина вообще не дает гарантий что вы не заболите (мнение+графическая оценка+мнение);
- откуда такая информация? В научном журнале vaccine вышла статья что спутник эффективен в отношении новых штаммов 80%. Вы горазды только языком чесать. Даже если вакцинированный заболевает, то невакцинированный заболеет в 100% случаев. Любая защита, лучше чем 0. А здесь приличная (ориентировка+аргументация+оценочное мнение+прогноз+оценочное мнение);
- Никто не умер кто лечился сам?))) серьезно? Уже несколько миллионов смертей погуглите. Да уж не вакцинируйтесь, умрите от короны, так проще (ориентировка+имплицитная оценка негативного характера+ироничная оценка).

Как мы видим из приведенных выше примеров, подавляющая часть наборов реакций содержит элементы шейминга. Казалось бы, высказывания негативного и даже оскорбительного характера направлены не столько в адрес автора текста, сколько в адрес других коммуникантов. Из чего должен следовать вывод, что реакции с признаками шейминга представляют собой не столько ответ на текст-стимул, сколько реакцию на комментарий, т.е. другой «встречный текст». Приведем в качестве примера следующие комментарии коммуникантов (элементы шейминга выделены авторами статьи курсивом):

Коммуникант 1: «... конечно ведь рабами легче управлять...».

Коммуникант 2: «...зачем делать рабов? У вас и так мозга нет...».

Коммуникант 3: «сам то привился, ковидятел?».

Коммуникант 2: «я то привился, а вот из-за таких как ты убогих...».

Однако, нельзя забывать, что в основе всех комментариев лежит текст-стимул, вызвавший резкие комментарии и, по сути, превращенный коммуникантами в источник конфликта.

Напомним, что в классическом эксперименте А.И. Новикова текст задания формулировался следующим образом: «Прочитайте, пожалуйста, инструкцию:

Читая текст, составьте свой “контртекст”. Контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения. Он включает в себя не только то, что прямо сказано, но и то, что подразумевается, дано в неявной форме, опосредованно, в том числе различного рода ассоциации» [Новиков 2003: 65].

Как можно видеть, эксперимент носил направленный характер, испытуемые знали, что они являются участниками эксперимента. И хотя участие в эксперименте также носило анонимный характер, однако, можно предположить, что непосредственное участие являлось сдерживающим фактором в плане проявления склонностей к агрессии и конфликтогенности, накладывало некоторые ограничения на форму высказывания своего отношения к любой проблеме.

В естественном интернет-общении анонимность позволила реципиентам не просто свободно высказываться о чем угодно в форме, которую они считали для себя допустимой, но и порой нарушать этические нормы коммуникации. Как уже отмечалось, данная особенность присутствует в любом виде анонимной коммуникации посредством социальных сетей.

Анализ комментариев в количественном плане показывает наиболее часто используемые типы реакций, тогда как качественный анализ демонстрирует соотношение реакций, выделенных ранее, а также вновь обнаруженных в конкретных стратегиях понимания.

После каждого комментария в скобках приводится расшифровка реакций по классификации А.И. Новикова [Новиков 2003]. Однако, следует отметить, что не все обнаруженные типы реакций имеют отражение в данной классификации. В ходе работы с различными видами текстов были обнаружены и другие реакции, а именно:

«Замещение смысла» – реакция, продуцируемая реципиентом в том случае, когда воспринимаемая информация, выходит за рамки привычного или ожидаемого; смысл воспринимаемой информации может подгоняться «подгоняется» под общепринятые стереотипы [Пешкова 2009].

Разнообразные виды оценки и мнения:

– ироничная оценка – реакция в виде ироничного высказывания с оценкой того, о чем идет речь в предложении;

– имплицитная оценка негативного характера, содержащая подразумеваемое, неявно выраженное негативное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении;

– отсылка к личному опыту испытуемого, когда в ответ на стимул, выраженный в исходном предложении, реципиент делится своим опытом из жизни, дает информацию о себе [Моисеева 2017].

Невербальная графическая оценка – отражение оценочного отношения реципиента на воспринимаемое высказывание, выраженное графическими средствами, чаще всего, эмоджиконами [Титлова 2018].

Следует также отметить, что в психолингвистических экспериментах А.И. Новикова каждому высказыванию, как правило, соответствует один конкретный тип реакции. В работе И.В. Кирсановой совокупность двух, либо нескольких реакций выделяется в отдельный тип – компликативный [Кирсанова 2007]. Отличительной особенностью анализируемого материала является то, что довольно большой процент всех комментариев-реакций реципиентов представляет собой комбинацию

нескольких типов классических реакций (71%), т.е. подобные реакции являются компликативными.

Рассмотрим наиболее частотные типы реакций, характерные для текста Телеграм-аккаунта.

В количественном отношении при интерпретации текста данного типа преобладает оценочное мнение (31% от общего количества), что закономерно, т.к. люди высказывают свое личное отношение к такому актуальному вопросу, как «прививка – за и против».

Примером может послужить высказывание-комментарий на первый пост: *Вакци- nazi в правительстве стараются*. Как видно, реципиент выражает личное оценочное отношение к вопросу, используя при этом неологизм «Вакци-nazi», образованный контаминацией лексем «вакцинация»+«nazi» (наци; здесь перен.: о том, кто стремится уничтожить кого-л.) [Словарь... http]. Таким образом, по эмоциональной оценке комментатора, вакцинация носит насильственный характер, являясь средством уничтожения людей.

В следующем высказывании (также реакция на первый пост) *Не зря на госуслугах, после вакцины предлагают вести дневник «самочувствия» ... На основании этих данных и будут делать результаты испытаний. А людей в темную используют, как подопытных кроликов* комбинируются три реакции – констатация (подтверждение сказанного) + вывод (реакция в виде умозаключения, вытекающего из содержания конкретного слова или определенного выражения исходного предложения) + оценочное мнение. Реципиент сообщает, что существует дневник самонаблюдения (констатация), который предлагается вести для того, чтобы можно было пополнить статистику привившихся граждан (вывод), но, поскольку клинические испытания еще ведутся, то, по оценочному мнению реципиента, это не забота о здоровье граждан, а способ собрать сведения о протекании постпрививочных осложнений.

Следующий комментарий (также первый пост) представляет собой сочетание реакций ироничной оценки + прогноза + графической оценки: *диванные вирусологи сейчас нам расскажут, что не так с этими прививками и почему нельзя их колоть* (эмотикон *лицо со слезами счастья*). Для выражения иронии пользователь использует словосочетание «диванный вирусолог», которое прочно вошло в обиход пользователей сети для обозначения «знатоков» в области вирусологии, рассуждающих и дающих советы по любым вопросам, связанным с заболеванием Ковид-19, не имея при этом медицинского образования. Далее следует прогноз – *сейчас нам расскажут, что не так с этими прививками и почему нельзя их колоть*, и завершается комментарий графической оценкой в виде эмотикона «laughing face» (смеющееся лицо), отражающего комичность и несерьезность ситуации.

Второй по частотности является ориентировка (реакция в форме вопроса) – 15%. Ситуация с коронавирусом уже второй год держит людей в напряжении и неясности, люди не владеют полной информацией и пытаются выяснить, откуда ждать угрозы и как с нею справиться, чтобы побороть тревожность, отсюда и желание разобраться в ситуации, задавая вопросы:

- *что за терапевты такие?* (ориентировка);
- *откуда вот такая статистика??? лишь бы что написать* (ориентировка+оценочное мнение);
- *какой процент? Сам придумал – сам поверил и орет* (ориентировка+предположение).

Третьей количественно значимой реакцией выступает прогноз (11%). Большой объем информации о новых штаммах вируса, количестве заболевших, последствиях перенесенного заболевания, о числе умерших от страшного вируса порождает не прозрачность и ясность, как планировалось и хотелось бы, а повышенный уровень тревожности и даже панику в рядах обычных граждан. Как известно, недостаток информации способствует появлению разного рода слухов и выдумок, которые выполняют компенсаторную функцию, помогая людям возвращать утраченное чувство контроля за происходящим, отсюда и прогнозирование будущего как попытка найти хоть какую-то определенность.

– *Они люди подневольные, сказали надо – значит надо! а вы продолжайте колоть вакцину, которая не спасет от новых штаммов* (оценочное мнение+прогноз) – пользователь в явной форме высказывает свое неверие в действие отечественной вакцины, предсказывая ее неэффективность в борьбе с новыми штаммами коронавируса.

– *Как задолбали эти Антипрививочники!!!Идите вакцинируйтесь, чем быстрее вакцинируетесь, тем меньше шансов будет заболеть или легче переболеть без последствий тяжелых!!!!* (оценочное мнение+прогноз);

– *обязательно, еще откажитесь от прививки от кори, столбняка, дифтерии и полиомиелита, даст бог, организм детский поборит эти инфекции, нет - так нет, похоронят* (ироничная оценка+прогноз);

– *толку то прививать эмотикон*ROFL* (лицо со слезами счастья) пока дойдет вирус уже мутирует. Так и мне сделали прививку, через месяц заболела, чуть не умерла* (прогноз+отсылка к личному опыту);

– *а миллионы смертей от вируса - это тоже хорошо «здоровая» борьба? Мне интересно если ваши близкие умрут от вируса вы тоже скажете дело житейское? Из-за таких как вы могут умереть другие люди* (ориентировка+прогноз).

Такие типы реакций, как отсылка к личному опыту (7%) и аргументация (7%), набрали одинаковое количество процентов. Приведем примеры отсылки:

– *с мужем не болели пока массово прививать не начали эмотикон *mourning face** (грустное лицо – отсылка к личному опыту+графическая оценка);

– *ну не знаю, у меня в окружении умерло 6 человек, 4 были от 60 до 70 лет, 1- вахтовик 36 лет и одна беременная. все они были привитые двумя вакцинами* (отсылка к личному опыту);

– *сейчас болею вот из за такого м@дака неверующего, везде ходил без маски, на всех плевал, типа обычный грипп. Ага прям. Сейчас сам чуть живой. А что будет дальше.... Аж страшно* (отсылка к личному опыту+ироничная оценка+ ориентировка+оценочное мнение).

Следует отметить, что большой процент населения, так или иначе, столкнулся с заболеванием и его последствиями в реальной жизни, а не только на уровне интернет-фейков, отсюда и множество историй из личного опыта комментаторов.

Реакция-аргументация представляет собой рассуждение, довод в пользу (или против) того или иного суждения, приведенного в предложении-стимуле:

– *уже больше 8 млн доз и никто не умер) шанс есть, но мизерный. Тогда как от болезни умереть или получить серьезные осложнения гораздо выше. Можно и едой подавиться, что не есть теперь. Мы все привиты, все окей* (аргументация+оценочное мнение+генерализация +отсылка к личному опыту).

В приведенном примере сочетается четыре типа реакций, что позволяет наглядно продемонстрировать мыслительный процесс данного реципиента, который вначале приводит статистические данные, подкрепляя свою точку зрения на существенную пользу вакцинации, затем делает обобщение о том, что любое действие человека может привести к летальному исходу и завершает высказывание обращением к личному опыту успешного применения вакцины.

– *Если бы вакцина была хреновая то армия России, полиция и другие структуры не вакцинировались бы!!!* Здесь реакция аргументации представлена в чистом виде, реципиент предполагает, рассуждает и делает вывод.

По мнению социальных антропологов, фундамент антивакцинных теорий заговора связан с недоверием людей к власти и социальной элите. При повторных опросах люди, распространяющие информацию об ужасных последствиях прививки (например, бесплодие), сознавались, что сами не считают теорию верной, но, тем не менее, видят необходимость распространять ложные сведения. Психологи и социологи полагают, что в данном случае можно вести речь не об опасениях, связанных с вакциной, а о символическом противостоянии властям [Сахнин <http>].

Остановимся подробнее на примере следующего диалога:

Как задолбали эти Антипрививочники!!!Идите вакцинируйтесь, чем быстрее вакцинируетесь, тем меньше шансов будет заболеть или легче переболеть без последствий тяжелых!!!!

– *а Вы ремонт дома сделайте...*

– *мужчина, такие советы про прививки даёте мирового масштаба, а дома бардак, люди сами решат. И культура общения низкая.*

– *с чего ты решила что у меня дома бардак))) ты ничего не попутала?*

Данный диалог представляет пример онлайн-шейминга. Вместо аргументированного ответа по теме поста, девушка (P.2) пытается пристыдить оппонента (P.1) плохими, по ее мнению, условиями проживания. Известно, что стыд – это инструмент, который применяют для того, чтобы манипулировать или унижать человека, пытаясь повлиять на его поведение или мысли. В то же время, используя указательное местоимение «Вы», P.1 намекает на псевдо-уважительное обращение к оппоненту, хотя по факту агрессивно переходит на личности, пытаясь пристыдить мужчину, обвинить его в несостоятельности (если даже ремонта в доме сделать не может). Согласно стереотипам, маркером «успешной маскулинности» является наличие работы, престижного места жительства, отсюда отсутствие хорошего дома/квартиры говорит, по мнению визави, о его несостоятельности как мужчины – *ремонт дома сделайте; а дома бардак*. Жилищные условия P.1. не имеют никакого отношения к посту о пользе/вреде вакцинации, однако, P.2, как и многие анонимные пользователи соцсетей, «сливает» на другого собственные негативные переживания и тревогу. Мы привели начало диалога между пользователями, далее мужчина начинает оправдываться, поясняя, что фото сделано у друзей, и это не его квартира. Таким образом, шейминг со стороны P.2 достиг своей цели – объект унижен, при этом изначальный посыл поста потерян.

Данный случай не единичен; высокая активность людей в соцсетях сегодня направлена не на поиски ответов, а на выброс агрессии и обусловлена нестабильной ситуацией в обществе, вызванной угрозой распространения вирусной инфекции, неподдающейся контролю. Поиск виноватого как причины всех бед – явление частое. По словам психиатра, профессора З. Ашурова, «это позволяет, с одной стороны, снять

с себя личную ответственность, причастность к происходящему, а с другой – найти мишень для реализации неизбежно появляющихся в кризисной ситуации тревоги, страха и агрессии» [Маджитова [http](#)].

Выводы

Анализ вербальных реакций, представленных в комментариях интернет-коммуникантов, осуществленный в настоящей статье, позволяет проследить некоторые тенденции в коммуникации противостояния сторонников и противников вакцинации от коронавирусной инфекции, отражающие настроение современного российского регионального социума.

Основными аргументами в пользу вакцинации со стороны сторонников прививки является *обеспечение* защиты организма от вируса, *способствование* исчезновению многих болезней после изобретения прививок от них и *возможность* приобретения коллективного иммунитета. Противники вакцинации аргументируют свою точку зрения не столько *объективными* факторами, сколько *недостаточной* изученностью вируса, короткими, *не обеспечивающими надежность*, сроками разработки вакцины, а также и *субъективным недоверием* к отечественным производителям вакцины. Полученные нами данные анализа интернет-комментариев могут представлять интерес не только для лингвоконфликтологии и психолингвистики в плане изучения особенностей языкового сознания участников интернет-коммуникации в сложный период жизни общества, но и для социолингвистики и социологии, исследующих параметры духовного здоровья общества.

Исследование естественной среды интернет-коммуникации с использованием метода «встречного текста» позволило с помощью количественного анализа реакций реципиентов интернет-текста получить и качественную картину их языкового сознания; преобладающие в комментариях реакции субъективно-оценочного мнения, эмоциональной оценки, ориентировки, в форме вопросов эмоционального характера, прогноза с элементами эмоциональной оценки отражают состояния эмоциональной нестабильности, растерянности, отчасти, агрессивности, сопровождаемые, тем не менее, стремлением преодолеть проблемы разными способами: от использования арсенала медицины – до русского «авось», прогнозируя «лучшее» будущее.

Данные по компликативным реакциям, составляющим в целом 71%, представлены в таблице 1.

Таблица №1

	Тип реакции	Процент от всего количества компликативных реакций
1	Оценочное мнение	31%
2	Ориентировка	15%
3	Прогноз	11%
4	Отсылка к личному опыту	7%
5	Аргументация	7%

Как можно видеть, оценочное мнение является наиболее частотным типом реакции при рассуждении о достоинствах и недостатках вакцинации, что представляется логичным, учитывая злободневность данной темы и ее релевантность в таком ключевом вопросе, как человеческое здоровье. Высокая доля реакций ориентировки

и прогноза, как уже было сказано, также представляется закономерным явлением, поскольку недостаточная изученность самой болезни и ее последствий для людей в плане продолжительности и качества жизни не может не вызывать обеспокоенность людей по поводу их будущего. Каждый человек живет, опираясь на представления о собственной будущей жизни, в соответствии со своим жизненным планом; и тот или иной прогноз здесь представляется необходимым компонентом. Последние два типа реакций указывают на степень знакомства с данной проблемой, так как почти каждый человек, в той или иной степени, сталкивался с болезнью, что повлияло на формирование у него своего мнения по данному вопросу, которое участник коммуникации может подкрепить собственными аргументированными доводами.

В ходе эксперимента были зафиксированы и единичные типы реакций, встречающиеся как ответ на коммуникативную ситуацию; в целом, их число составило 29 % (см. Таблицу 2).

Таблица №2

	Тип реакции	Процент от всего количества одинокых реакций
1	Оценочное мнение	8%
2	Ориентировка	4,1%
3	Прогноз	3,8%
4	Ироничная оценка	2,9%
5	Отсылка к личному опыту	2,4%
6	Аргументация	1,9%
7	Предположение	1,3%
8	Констатация	1%
9	Генерализация	0,9%
1	Вывод	0,9%
1	Перевод	0,6%
1	Замещение смысла	0,3%
1	Интертекст	0,1%

Как видно из приведенных в таблице 2 данных, наиболее частотные типы реакций из таблицы 1 повторяются и здесь в виде определенных подвидов. Зафиксирован дополнительный подвид – ироничная оценка. Как известно, ирония представляет собой, с одной стороны, способ принизить, придать отрицательный характер описываемому явлению, а с другой – не принимать на веру распространенные утверждения и стереотипы. Качественный анализ показывает, что ироничные высказывания свойственны, прежде всего, противникам вакцинации, выражающим недоверие к избранным способам борьбы с болезнью.

Интересно отметить, что такие типы реакций, как визуализация, ассоциация, перефразирование и свободный ответ не были зафиксированы в комментариях-ответах. Таким образом, новизна проблемы не откликается в сознании комментаторов какими-либо знакомыми ассоциациями из жизни, толкованиями проблематики

болезни, а также незаинтересованностью (свободный ответ) в дальнейшем развитии ситуации.

Качественный анализ результатов показывает, что *онлайн-шейминг*, присутствующий в комментариях, находит свое выражение, прежде всего, в таких реакциях, как оценочное мнение, прогноз, аргументация и отсылка к личному опыту.

В данных реакциях, способствующих созданию конфликтной ситуации с шеймингом, усматривается негативная составляющая современной жизни, связанная с повышенной агрессией, нетерпимостью, отсутствием эмпатии. Однако, они отражают и другую, противоположную составляющую ситуации, сложившейся в обществе в постковидный период его жизни. Наряду с разного рода эмоционально-субъективными оценками и оценочным мнением, коммуниканты, опираясь на собственный опыт, строят прогнозы, далеко не всегда пессимистичные. Иными словами, наряду с опасениями и страхом, представленными в различных оценочных реакциях, а также неуверенностью, передаваемой реакцией ориентировки, в языковом сознании интернет-коммуникантов присутствует и надежда, выраженная в их прогнозах на будущее. Подобная картина, по нашему мнению, отражает особенности сознания как отдельной личности, так и коллективного сознания российского общества, частью которого является исследуемый нами региональный социум.

© Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С., 2023

Литература

Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете// Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.

Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.

Курсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Уфа, 2007. 193 с.

Лучинкина И.С. Психологические особенности коммуникативного поведения личности в интернет-пространстве. Ростов-на-Дону, 2019. 205 с.

Маджитова Р. Что такое «шейминг» и чем он опасен? Онлайн портал Repost [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://repost.uz/shame-on-you/> Дата обращения: 18.10.2021.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Уфа, 2017. 242 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания// Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. М.: 2003. №1. С. 64–76.

Пешкова Н.П. ИмPLICITность в тексте: препятствие vs стимул и условие его понимания// Вопросы психолингвистики. №9. 2009. С. 219–231.

Сахнин А. Билл Гейтс и пары водки: победить пандемию может быть легче, чем слухи и конспирологию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moskvichmag.ru/lyudi/bill-gejts-i-pary-vodki-pobedit-pandemiyu-mozhet-byt-legche-chem-sluhi-i-konspirologiyu/> Дата обращения: 25.08.2022.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко и др./отв.ред. М.Н. Приемышева. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf/> Дата обращения: 07.09.2022.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Уфа, 2018. 232 с.

Collins Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/shaming/> Дата обращения: 17.08.2021.

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/shaming>. Дата обращения: 17.08.2021.

Сведения об авторах:

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов факультета романо-германской филологии, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0003-4611-2887

email: peshkovanp@rambler.ru

Моисеева Ангелина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0002-6188-5450

email: mo_link@mail.ru

Титлова Анастасия Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0003-4854-9441

email: nastyatitl@gmail.com

Для цитирования:

Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Провакс- и антивакс- шейминг как один из видов конфликтной интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 94–111, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-94-111

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-94-111

Research article

**PROVAX- AND ANTIVAX-SHAMING AS A FORM OF CONFLICT INTERNET-
COMMUNICATION**

Natal'ya P. Peshkova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Angelina V. Moiseeva

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Anastasiya S. Titlova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract

The article deals with the phenomenon of online shaming, which is one of the conflict types in the Internet communication due to its anonymity. The aim of the research is to study the specifics of this phenomenon presented in the comments of Internet communicators, considered by the authors of the article as a kind of “countertext”, the latter being the reaction of addressees to a particular stimulus text. The object of this study is the Internet texts of news channels in the Telegram-the cross-platform instant messaging system. The subject of the study is the comments to Internet texts generated by the recipients of these texts, i.e., the participants of the Internet communication. The analysis of Internet comments is carried out using the method of “counter-text” by A.I. Novikov, which makes it possible to identify general and individual mechanisms and strategies for the processes of understanding and interpreting the texts of Telegram channels, realized in written statements – comments produced by real participants of Internet communication. There are three groups of commentators who use the discriminatory practice of shaming against opponents. The results of the analysis confirm the assumption about the features of the Internet text being one of the most conflict-prone types of modern text. Communicative contacts that can lead to conflict in Internet communication and beyond are identified and described. Quantitative and qualitative analysis of the Internet communicators’ comments based on the “counter-text” method reveals the most frequent reactions that underlie shaming comments, such as evaluative opinion, emotional assessment, orientation, forecast, reflecting not only the state of individual linguistic consciousness of individual communicators, but also the specifics of the collective verbal consciousness of the society during the covid pandemic and the post-covid period reflecting the spiritual health of society and its problems.

Keywords: shaming, anonymity, conflict, Internet text, Internet communication counter-text

© Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S., 2023

Bionotes:

Natal'ya P. Peshkova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, Faculty of Romano-Germanic Philology, Ufa University of Science and Technology

Contact information:

32, Zaki Validi Str., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences,
Ufa, Russian Federation, 450076

ORCID: 0000-0003-4611-2887

email: peshkovanp@rambler.ru

Angelina V. Moiseeva – PhD in Philology, Associate Professor, Ufa University of
Science and Technology

Contact information:

32, Zaki Validi Str., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences,
Ufa, Russian Federation, 450076

ORCID: 0000-0002-6188-5450

email: mo_link@mail.ru

Anastasiya S. Titlova – PhD in Philology, Associate Professor, Ufa University of Science
and Technology

Contact information:

32, Zaki Validi Str., Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences,
Ufa, Russian Federation, 450076

ORCID: 0000-0003-4854-9441

email: nastyatitl@gmail.com

For citation:

Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. Provox- and antivox-shaming as a form of
conflict internet-communication // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 94–111.
Available from doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-94-111 (in Russian)

**МЕЖДУ ЧИТАТЕЛЕМ И ТЕКСТОМ:
ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОНИМАНИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ
СМЫСЛОВ ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ. ЧАСТЬ 2**

Щербакова Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Обольская (Аверьянова) Варвара Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Данная статья представляет собой описание второй части работы, направленной на разработку инструментария для изучения процессов понимания имплицитных смыслов вербальных текстов, основанного на совмещении лингвистического и психологического подходов. В ней освещаются существующие в психологии взгляды на феномен понимания и способы его классификации, при этом особое внимание уделяется анализу градуального подхода к изучению понимания как результата интеллектуальной деятельности. В эмпирической части описываются процедура и результаты апробации подготовленного нами ранее стимульного материала – художественного рассказа, обладающего сложной структурой имплицитных смыслов, которая на предшествующем этапе работы была проанализирована на предмет составляющих ее элементов, а также подтверждена результатами работы группы независимых экспертов-лингвистов, – на выборке «наивных» испытуемых ($n = 30$). Целью такой апробации было выявление возможных вариантов интерпретации стимульного текста и их сопоставление между собой с точки зрения полноты и качества смысловой реконструкции элементов имплицитных смыслов. В качестве методов работы были использованы глубинное полуструктурированное интервью и метод обоснованной теории, которые позволили выделить и содержательно описать пять уровней понимания имплицитных смыслов вербального текста. Самый низкий уровень характеризуется полной неспособностью реципиента выделить смысловой инвариант текста и отделить его от влияния собственной субъективной психической продукции, а самый высокий – умением сформулировать как основную, так и дополнительные темы текста и проконтролировать влияние субъективных проекций. Приведены примеры ответов респондентов, соответствующих каждому из уровней. Предложенный нами исследовательский инструментарий дает возможность проследить динамику процесса понимания имплицитных смыслов текста, а также соотнести достигнутый респондентом уровень понимания с конкретными элементами структуры имплицитных смыслов текста, которые были им выделены или не выделены. В целом использование разработанной методики позволит повысить валидность эмпирических данных в исследованиях, направленных на изучение понимания неявной семантики.

Ключевые слова: понимание текста, имплицитный смысл, уровни понимания, структура текста, диагностика понимания, качественные методы

Введение

В практической психологии нередко возникает необходимость количественно оценить понимание текста: в психологии образования – для оценки сформированности тех или иных когнитивных навыков или учебных действий [Левушкина 2013; Чернецов 2013; Борзова, 2014; Гнедых 2015], в клинической психологии и патопсихологии – для диагностики характера и степени когнитивных дефицитов [Биренбаум 1934; Зейгарник 1934; Лурия 1969; Цветкова 2008; Чередникова 2016; Щербакова и др. 2018]. Аналогичные задачи бывают характерны и для исследовательской практики, в рамках которой часто требуется оценить, насколько успешно респонденты поняли содержание предъявленного им вербального или иконического текста и соотнести полученный результат с их психологическими характеристиками. Для решения таких задач наиболее продуктивно использование градуального подхода. В соответствии с ним понимание рассматривается не как одномоментно возникающее явление, для которого подходит бинарное описание в терминах «понял»/«не понял», а как стадийно разворачивающийся феномен, для описания которого более уместно использование терминов «больше»/«меньше».

Подходы к измерению понимания в психологии

Представления о градуальности процесса понимания разделяют многие исследователи, однако предлагаемые способы классификации данного явления заметно различаются. Большинство таких способов представлены уровневыми системами, позволяющими проследить, до какой степени реципиент восстанавливает смысловые связи воспринимаемого текста.

Одной из первых градуальный подход к классификации уровней понимания предложила использовать Н.Г. Морозова [Морозова 1947], которая выделяла три уровня понимания текста. На первом (самом низком) уровне реципиенту доступно понимание только описанных в тексте фактов и последовательности событий, на втором реципиент, используя умозаключения, может вычленять из текста информацию, которая в нем прямо не упоминалась, а на третьем (самом высоком) становится доступно понимание подтекста и обобщенного смысла.

Так, например, З.И. Клычникова предлагает классифицировать понимание на основе двух типов: – фрагментарного и синтетического, – и четырех планов, представляющих понимание различных смыслов в тексте: объектно- и ситуативно-познавательных, эмоционально-оценочных и побудительно-волевых. Кроме того, исследователь подчеркивает необходимость учитывать понимание отдельных текстовых элементов по мере их постепенного усложнения, создавая на этой основе классификацию видов понимания – от понимания отдельных слов до понимания всего представленного в тексте языкового материала. Наконец, З.И. Клычникова также приводит классификацию по пяти ступеням полноты понимания текста как единого завершеного целого: от полного непонимания в плане общего содержания и деталей до точного и полного понимания [Клычникова 1975]. Вариации сочетаний всех выделенных измерений текста исследователь объединяет в уровни понимания текста, общее количество которых равно сорока одному. При этом подчеркивается, что уровень понимания у одного и того же читателя может отличаться от текста к тексту и зависит от ситуации чтения.

Развернутая классификация уровней понимания также была предложена А. А. Смирновым, выделившим несколько критериев оценки да данного феномена, таких как:

1) критерий глубины, на основе которого выделяются семь уровней: от идентификации предмета до понимания мотивов;

2) критерий отчетливости, отражающий динамику вербализуемости понимания на четырех стадиях: от предварительной до полностью вербализуемой;

3) критерий полноты, под которой подразумевается количество осознаваемых вариантов интерпретации, а также количество выявленных связей познаваемых явлений [Смирнов 1966].

Последний критерий концептуально соответствует выделяемому З.И. Клычниковой критерию степени полноты понимания текста.

Оба рассмотренных подхода весьма интересны с теоретической точки зрения, однако на практике могут оказаться трудно применимыми в связи с попыткой одновременного учета многих факторов различной природы. Представляется, что такие характеристики феномена понимания, как сложность и многоаспектность, в первую очередь, обуславливают необходимость создания наиболее ясных и четких средств количественного измерения его полноты.

Одним из путей решения этого вопроса может стать использование познавательной активности, совершаемой реципиентом в ходе восприятия текста, в качестве основы для измерения полноты понимания. Это давало бы возможность обобщить различные стороны процесса понимания за счет их рассмотрения с точки зрения тех когнитивных действий, которые совершает реципиент. Так, исходя из этого критерия, В.И. Наролина на материале работы с иноязычными научными текстами предлагает выделять шесть уровней понимания:

1) неполное понимание: выделение главных смысловых узлов и построение на их основе гипотез относительно общей идеи текста; при этом гипотезы могут быть как верными, так и неверными;

2) буквальное понимание: механическое и линейное декодирование текста, поверхностное восприятие фактов при отсутствии их логического анализа;

3) интерпретация: осмысление с попытками переструктурирования и трансформации содержания, а также различного рода обобщений, совершаемых на основе как смысловых узлов, так и элементов логически-смыслового анализа текста;

4) контекстуальное понимание: понимание целей и задач автора на основе гипотез, создаваемых реципиентом в ходе восприятия текста;

5) аналитическое понимание: привлечение уточнений, аргументов и свидетельств в пользу сформулированных гипотез и выводов;

6) продуктивное понимание: выход за границы исходного текста, продолжение и развитие сформулированных в нем идей, нахождение способов применения полученной информации [Наролина 1985].

Л.Е. Тумина в своем исследовании понимания притч также берет за основу характеристики познавательной активности реципиента и предлагает выделять три уровня понимания:

1) буквальный: смысл рассматривается в рамках фактического содержания текста; у реципиента отсутствует способность выйти за пределы описанной ситуации;

2) переносный: смысл рассматривается в рамках проецирования текстовой ситуации на жизненный опыт реципиента; делается содержательный вывод в терминах человеческих взаимоотношений;

3) обобщенный: смысл рассматривается в терминах вечных истин [Тумина 2008].

Между двумя приведенными выше классификациями прослеживается сходство: так, оба автора выделяют буквальное понимание как начальный уровень и способность выйти за пределы исходного текста как критерий достижения высокого уровня понимания. Однако если классификация В.И. Наролиной также включает в себя отдельные стратегии, используемые реципиентом в процессе понимания, и в большей степени базируется на осуществляемых им действиях, классификация Л.Е. Туминой, за счет специфики материала, на основе работы с которым она была разработана, преимущественно ориентирована на особенности конструируемого реципиентом смысла текста. Представляется, что наиболее полную картину позволит получить классификация, объединяющая оба данных аспекта.

Именно такой подход был предложен О.В. Щербаковой и Е.А. Никифоровой, разработавшими на основе модели Л.Е. Туминой психологическую методику, которая направлена на оценку полноты понимания переносного смысла за счет использования более подробных критериев, включающих содержательное описание тех психических действий, которые должен совершить реципиент для достижения того или иного уровня:

1) буквальный уровень понимания: понимание текста ситуативно, в его основе лежат субъективные проекции реципиента и его эмоциональная оценка описанных событий и персонажей, либо понимание основывается на непосредственно описанных в тексте конкретных связях между событиями и персонажами;

2) житейский уровень понимания: понимание текста включает в себя способность правильно реконструировать некоторые прямо не представленные в нем связи и отношения между персонажами и позволяет сформулировать смысл в виде морали в контексте человеческих взаимоотношений;

3) высоко обобщенный уровень: реципиент формулирует обобщенную интерпретацию текста с использованием безличных конструкций и абстрактных категорий, что требует от него способности децентрироваться, мысленно выйти за пределы описанной в тексте ситуации и оценить события с точки зрения внешнего наблюдателя [Shcherbakova, Nikiforova 2018].

Помимо описания специфики познавательной активности реципиента, другой продуктивной отправной точкой для создания инструмента, направленного на оценку полноты понимания текста, является структура самого текста. Этот подход активно разрабатывается в лингвистике, где понимание наиболее часто рассматривается с привязкой к уровням организации текста – как, например, в рамках фонетического, морфологического, синтаксического и смыслового анализа [Арнольд 2002; Бондарко и др. 1968].

Интересно, что такой подход предлагается и психологами. Так, А.Р. Лурия также выделял различные стадии процесса понимания с опорой на языковую структуру текста:

1) понимание значений отдельных слов, в том числе предполагающее выбор одного из возможных значений на основании контекста;

2) понимание значений отдельных фраз на основании декодирования грамматических структур;

3) понимание общей мысли, предполагающее способность кратко пересказать ее в обобщенной форме;

4) понимание смысла, которое становится возможным при учете подтекста и реконструкции мотивов персонажей, а также содержательных выводов об авторской позиции [Лурия 2004].

Сходная, но более краткая форма разделения понимания на этапы была предложена Е.Н. Соколовым:

- 1) установление значений слов и построение гипотезы об общем смысле;
- 2) установление конкретных значений слов для данного контекста;
- 3) установление смысла текста [Соколов 1960].

При этом наиболее подробные из всех существующих на данный момент системы членения понимания на основе текстовой структуры были предложены лингвистами. Например, И. В. Арнольд в рамках лингвостилистики рассматривает понимание текста на уровне графики, фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, интертекстуальных связей, функциональных стилей и композиции текста, подчеркивая при этом, что последовательность обращения к данным уровням при реконструкции идейно-тематического содержания текста может быть разной, и, благодаря такому свойству текста, как избыточность, для успешного понимания его идеи обращение ко всем перечисленным уровням не является обязательным [Арнольд 2002].

В зарубежной лингвистике сходной представляется классическая схема, предложенная Дж. Личем и М. Шортом и включающая в себя уровень лексических категорий, уровень грамматических категорий, уровень языковых образов и средств художественной выразительности, уровень внутритекстовых связей и уровень полного контекста текста. Для каждого из уровней авторы описывают набор операций по выделению семантических категорий [Leech, Short 2007].

В целом, анализ рассмотренных нами психологических подходов к изучению феноменологии понимания позволяет заключить, что, несмотря на расхождения в теоретических основаниях и используемой методологии анализа, многие исследователи, независимо друг от друга, подчеркивают неоднородность процесса понимания и выделяют схожие когнитивные операции, лежащие в его основе. При этом, главным различием между психологическими и лингвистическими подходами является отправная точка для построения модели понимания: психическая реальность реципиента либо структура текста как сложной знаковой структуры – в то время как между самими моделями понимания наблюдается определенное содержательное сходство. Однако если в первом случае внимание исследователей оказывается в большей степени сфокусировано на конструировании реципиентом смысла и его особенностях, во втором рассматриваются этапы декодирования текста, выделенные с точки зрения его структуры. При этом подходы, основанные как на анализе познавательной активности реципиента, так и на анализе текстовой структуры, представляются наиболее продуктивными, поскольку дают возможность более детально рассмотреть динамику процесса понимания текста.

Мы полагаем, что заполнить существующие пробелы позволит именно совмещение психологических и лингвистических методологий. Это даст возможность рассматривать понимание текста как градуальный процесс, включающий в себя различные когнитивные операции и задействующий различные области опыта и знаний реципиента, в соотношении с градуальной структурой текста, смысл которого выстраивается за счет различных средств, функционирующих на разных уровнях. Такой синтетический подход откроет перспективы для операционализации понятия «полнота понимания текста», а также изучения различий в самой полноте понимания в связи с индивидуальными различиями в выборе текстовых структур, характере членения, выборе компонентов, на основе которых строятся умозаключения реципиента. Наконец,

такая совмещенная методология позволит реконструировать процесс понимания текста как последовательное движение реципиента по пространству структуры текста.

Методы

На предшествующем этапе работы мы осуществили детальную лингвистическую экспертизу текста, который был выбран нами в качестве модели для эмпирического изучения процессов понимания имплицитных смыслов [Аверьянова, Щербакова, 2022]. В качестве такого текста использовался рассказ Г. Грина «Невидимые японские джентльмены» [Грин 2004], структура имплицитных смыслов в котором включает различные типы элементов на разных текстовых уровнях. Результатом этой работы стало выделение следующих уровней имплицитных смыслов: синтаксиса, стиля, лексико-семантического уровня, уровня интертекстуальных включений, текстового и концептуального, – а также элементов структуры имплицитных смыслов (всего 87) и ключевых пропозиций (всего 66) на каждом из них. Для дополнительной проверки полученного результата была привлечена группа из восьми экспертов-лингвистов (жен., 20 – 35 лет, $M_e = 28,5$), которые независимо друг от друга осуществляли анализ рассказа Г. Грина в соответствии с предложенным нами планом (см. [Аверьянова, Щербакова, 2022]). Эта часть работы показала, что все выделенные нами элементы структуры имплицитных смыслов (87 из 87 элементов и 66 из 66 пропозиций) были также выделены экспертами, а согласованность экспертных оценок, рассчитанная с помощью критерия Кронбаха, оказалась достаточно высокой ($\kappa = 0,6$ для элементов и $\kappa = 0,67$ для пропозиций). Такие результаты говорят о том, что выбранный текст и описанная нами структура его имплицитных смыслов представляют собой адекватную модель для изучения процессов понимания и могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Таким образом, следующим этапом нашей работы стала апробация стимульного текста на выборке «наивных» респондентов. Ее основной задачей являлось определение критериев для количественной оценки полноты понимания, основанных на представлении об уровне организации этого феномена, и разработка шкалы, на основе которой такая оценка может быть осуществлена.

Оценка полноты понимания имплицитного смысла текста

На данном этапе в исследовании приняли участие 30 респондентов, работа с каждым из которых производилась индивидуально. Сначала респондентам предлагалось ознакомиться с текстом рассказа Г. Грина, предъявленным в письменной форме. Время, отведенное на чтение, не ограничивалось. Далее использовался метод глубинного полуструктурированного интервью, направленного на выявление когнитивных действий, которые совершает реципиент в процессе реконструкции смысла текста, и поэтапное прояснение полноты понимания прочитанного. Глубинное полуструктурированное интервью было подробно описано рядом авторов [Белановский 1998; Квале 2009] в качестве метода, который позволяет исследователю сохранять фокус на цели своей работы, оставаясь при этом гибким и чувствительным как в отношении индивидуальных особенностей респондентов, так и в отношении самой специфики ситуации интервьюирования. По сравнению с опросными и письменными методами, он позволяет получить более динамическую и полную картину работы сознания респондента в процессе восприятия текста, однако требует специальной и трудоемкой подготовки интервьюеров. В когнитивных исследованиях глубинное интервью часто используется на начальных этапах работы для уточнения когнитивной структуры стимульного материала и выявления типичных ответов респондентов, а также

подлежащей им субъективной логики рассуждений, которая остается недоступной при использовании других исследовательских инструментов (для примера см. [Осорина, Чечик 2013; Целяева 2014; Щербакова, Макарова 2018; Shcherbakova 2017]).

В нашей работе интервью проводилось на основе гида, разработанного в исследовании О. В. Щербаковой и Е. А. Никифоровой [Shcherbakova, Nikiforova 2018]. В нем предлагается использовать ряд опорных вопросов по следующим ключевым направлениям:

- 1) отношение респондента к тексту;
- 2) отношение респондента к персонажам;
- 3) определение ключевого смысла или смыслов, тем текста на основе умения респондента сохранять смысловой инвариант даже при условии изменения его внешних формулировок, а также способности абстрагировать выделенный смысл от конкретной ситуации, описанной в тексте, и перенести его в другой событийный контекст;
- 4) опорные элементы самого текста и личного опыта, на которых респондент основывал свои предположения;
- 5) элементы текста, которые привлекли особенное внимание респондента;
- 6) аналогии, которые респондент мог провести с личным опытом или какими-либо культурными элементами, и принципы их построения.

В каждом индивидуальном случае вопросы, основанные на прояснении перечисленных выше направлений, по усмотрению интервьюера могли быть дополнены уточняющими. Каждое интервью с согласия респондента записывалось на диктофон и впоследствии было дословно транскрибировано. Дальнейшая работа осуществлялась с письменными протоколами, которые анализировались двумя экспертами, имеющими обширный опыт исследовательской работы в области психолингвистики. Использовался метод обоснованной теории (grounded theory) [Страусс, Корбин 2001; Glaser, Strauss 2009], который имеет широкое применение в современных качественных исследованиях, в т. ч. психологических, и позволяет структурировать и теоретически обобщить данные, представленные в текстовых описаниях – в частности, в протоколах интервью [Улановский 2012].

В результате этой работы мы сформировали оценочную шкалу, совмещающую опыт психологических подходов к классификации понимания на основе познавательной активности реципиента и данные предварительного и экспертного анализов структуры имплицитных смыслов текста. Опираясь на теоретические представления Л.М. Веккера о понимании как способности выделить смысловой инвариант [Веккер 1976], а также методологию и шкалы оценки полноты понимания переносных смыслов вербальных текстов, использовавшиеся в предшествующих исследованиях [Щербакова 2008, 2009; Никифорова, Щербакова, 2017; Андрющенко и др. 2020; Shcherbakova, Nikiforova 2018; Rivin, Shcherbakova 2021], мы выделили пять уровней полноты понимания рассказа «Невидимые японские джентльмены». Предлагаемая нами дифференциация уровней основана на содержательных различиях между теми когнитивными действиями, которые необходимо совершить реципиенту для смысловой реконструкции прочитанного с той или иной степенью полноты, а также на успешности метакогнитивного контроля реципиента над содержанием собственной проективной продукции и степенью ее присутствия в итоговой репрезентации смысла текста [Щербакова 2009]. Ниже будут последовательно описаны все уровни понимания с примерами ответов испытуемых, оцененных в соответствующее количество баллов.

Псевдопонимание – 0 баллов – респондент способен выделить только явно описанные связи между персонажами и событиями текста; интерпретация строится на основе буквальных значений лексем и формулируется исключительно в рамках пересказа исходных текстовых данных. Альтернативным вариантом является заполнение существующих пробелов в понимании собственной ментальной продукцией на основе субъективных проекций и ситуативной эмоциональной оценки.

Р: Ну, хотя бы что-то, какой-то сюжет завернуть, пусть даже маленький, но что-то интересное. Тут – ничего, не о чем даже говорить. Ну что? О чем? Что хотел автор вот этим, вот этой писаниной донести до нас? Пусть маленький рассказик. О чем? Ни о чем, ни о чем абсолютно. <...> Даже не знаю. Хотел, наверное, интригу какую-то, но я не поняла этой интриги. Что японские джентльмены, что они общались, а? Типа там были японцы, но они даже их и не увидели, о своем говорили – ну, вот эта пара (Л. А., жен., 53 г.).

Р: Рассказчик сидит на черном экране, где два стола, три стола, можно предположить, что он тоже сидит за столиком. Три столика. Появляющийся из темноты официант, окно. И что есть вешалка, и что, наверное, есть вход в эту черную комнату. Если это комната. И все, и темнота, и вот они безликие. То есть очень не хватает информации. Тут книжки отрывок, выдранный из контекста. Непонятно чего даже (М. М., муж., 29 лет).

Низкий уровень – 1 балл – предполагает способность реципиента верно реконструировать некоторые присутствующие в тексте смысловые связи, но исключительно буквально, в терминах описанной в нем ситуации и без выделения главных идей, не ограниченных привязкой к конкретной текстовой реальности; смысл текста формулируется либо в крайне неспецифичной, гиперобобщенной форме («о том, что люди бывают разные»), либо, напротив, чрезмерно конкретно, в форме частного прогноза в рамках данной текстовой реальности. Интерпретация не предполагает такого переноса выделенных связей и отношений на другие ситуации, при котором сохранялся бы адекватный уровень обобщения смыслового инварианта текста.

Р: В принципе о том, то что девушка летает в облаках, а мужчина не уверен в себе и вообще не уверен в том, то что... как сказать... это его вторая половинка. Ну, в общем, не уверен в завтрашнем дне и вообще... Во всем, что происходит сейчас (О. А., муж., 32 г.).

Р: <...> каждый из участников этих конкретных событий видит сложившуюся ситуацию в своем свете, да, и каждый воспринимает ситуацию в рамках... Ну, по-своему, да. И плюс дополнительно то, что <...> для каждой ситуации есть сторонний наблюдатель, который ее воспринимает более полно и более, скажем так, объективно. Всегда, да. Существуют наблюдатели, которые видят ситуацию более полно и более объемно, скажем так. Они не всегда – даже в жизни – не всегда участвуют и не всегда высказывают какое-то мнение или видение, но, тем не менее, они есть, и о них нельзя забывать (А. С., жен., 42 г.).

Средний уровень – 2 балла – предполагает выход на уровень обобщения с помощью абстрактных категорий и выделение тем текста, однако при этом реципиент

фокусируется на одной или нескольких дополнительных темах и не выделяет основную. Таким образом, главные и второстепенные компоненты смысла текста остаются недифференцированными друг от друга, из-за чего в интерпретации наблюдается заметное смещение смысловых акцентов.

Р: Основная идея в том, что путь человека – сложный... И сначала, пока мы молоды, мы мечтаем, и хорошо, если мы мечтаем, хорошо, если мы знаем, как найти путь к своей мечте. Но время – оно... потом убавляет этот энтузиазм. И приходит в том числе и разочарование. Но я за то, чтобы была мечта, было чем... Желание жить. Ради чего жить. <...> И именно вот отношения между мужчиной и женщиной как таковые. И отношение к женщине в общем... не отношение, а положение женщины в обществе я тут прослеживаю. То, что она может уже зарабатывать деньги... Да, и что тогда, в те времена, это было непросто. Именно, да, признание мужчинами прав женщин – принять их, разделить с ними свой пьедестал, с женщинами, было тогда непросто (С. Р., жен., 42 г.).

Р: Что нельзя человека судить по внешности – это раз, потому что внутренний мир может быть абсолютно другой. <...> Что люди, когда не хотят, они не слышат друг друга абсолютно. <...> ... Чем ты моложе, тем у тебя больше страхов о будущем, нежели тогда, когда ты становишься старше. Потому что уже большие жизненного опыта. Но это от автора, так сказать. «Солидный возраст избавляет нас от многих страхов», – это слова автора. <...> О том, что... есть разные люди, у которых есть цели, которые к чему-то стремятся и хотят что-то <...> люди в принципе разные. <...> Для меня основная мысль здесь в том, что, наблюдая за молодыми людьми, которые внешне друг другу очень подходят, прям одинаковые такие, ну и красивые, – внутренне они не соответствуют своему внешнему виду. Друг другу они не подходят, они поменялись реально ролями, мужское и женское у них поменялось. Они абсолютно разные, и им в принципе не стоит быть вместе (Б. В., жен., 36 лет).

Р: Ну, каким людям не надо быть вместе (- в смысле: кому не надо быть вместе). И с большой долей вероятности не получится ни семьи, ни близких, теплых, доверительных отношений между этими людьми. Все-таки мы должны искать родного человека, который родной нам по всем компонентам. Тогда только будет определенный успех. Это касается как дружбы, это касается как любви, как семьи. Вот это все должно быть близко. Близость эта быть обязана, на ней все строится. Вот это раз. А во-вторых, лучше быть глубоким, чем поверхностным и примитивным. Это всегда в цене. А вот эта дешевизна – она дешевизной будет во все времена (А. Т., жен., 36 лет).

Высокий уровень – 3 балла – предполагает способность реципиента выйти на уровень обобщения с помощью абстрактных категорий, однако неоднородность тематического содержания все еще остается неучтенной, из-за чего выделяется только основная тема текста.

Р: Как раз-таки, что мы говорили: розовые очки [разбиваются – прим. авт.] стеклами внутрь. Девушка делает акцент: «Я такая наблюдательная, великий писатель», – и вот это вот все. И через японцев проводится, что она их просто

не видела, хотя их было восемь человек, они были в этом маленьком заведении, прямо перед ней, и, то есть, их не заметить было вот для писателя прямо супер как (У. Н., жен., 24 г.).

Р: <...> что когда человек так зациклен на себе, как эта девушка на своем мнимом успехе в издательстве, она не видит ничего, что вокруг: ни японцев не заметила... При этом, насколько я понимаю, для этого ресторана японцы – диковинка, да, что они не всегда там должны обедать, потому что на них писатель обратил внимание, и молодой человек на них обратил внимание, а девушка даже не заметила. Потому что была, видимо... в своих облаках летала. Нельзя так, а вдруг все-таки там японцы, вдруг там якудза сейчас появятся, а она еще даже их не заметила, надо следить за окружающим (смеется). <...> Основная идея в том, что девушка летает в облаках и не реагирует на окружающий мир. О том, что... Не знаю, надо жить в реальном мире (Б. А., жен., 37 лет).

Наиболее высокий уровень – 4 балла – предполагает способность реципиента полно и точно выделить основную тему текста и обобщенно сформулировать ее с помощью абстрактных категорий, а также оценить неоднородность тематического содержания текста и выделить одну или несколько дополнительных тем.

Р: <...> Про время, про то, что у кого-то его еще впереди – ого- го, и как они к нему относятся, как они распоряжаются этим временем. И про то, что есть другие люди, которые уже находятся как бы немножко с другой стороны от этого пучка временного. То есть эти молодые люди находятся условно в начале пути, а дядька находится где-то уже ближе там к финалу, вот, и они как будто бы, вот, одни в начале поля, другой в конце, и он им орет – ну, условно орет: «Ребят, аккуратно!» <...> И про то, что у каждого какие-то свои там чаяния на будущее, но в реальности это может совершенно быть с точностью да наоборот. <...> Не совсем понятно, например, чем молодой человек хотел бы заниматься, да, вроде как. Если у девушки эта тема представлена с интересом, да, с каким-то, то есть есть какой-то план, то у молодого человека как раз никакого плана нет, он такой немножко потеряшка. Как будто бы. Ну и про то, что частенько люди друг друга не слышат, не понимают, наверное. Вот про это, ну и про время в общем, да, как бы план такой, а через двадцать, там, тридцать лет, все по-другому как-то выглядит. <...> Ну то есть для нее это тоже все суперважно, она как бы находится в моменте, и она вот не заметила такую огромную кучу супервежливых милых японцев, хотя она вроде как писатель и, тем не менее, должна уметь наблюдать за всем, что происходит вокруг нее. Значит вот этот дядька-писатель, который рассказчик, – он, тем не менее, все там заметил: кто в очках, кто не в очках, что ели, что заказали, сколько раз поклонились. Он увидел, как и она, значит, разговаривает, о чем она разговаривает, – ну и так далее. Всякие мелочи вот эти он подметил. А она как будто бы вот находится в этом своем – в планах – и ничего вокруг не видит. Это вроде как не совсем для писателей годится (А. Е., жен., 38 лет).

Р: Вот это все называется «Невидимые японские джентльмены». Для автора японские джентльмены более чем видимые. Смотрит и видит, что они делают, он заслушивается их речью, он видит, что они доели, он видит, что они заказали.

<...> Он видит их, они для автора не невидимые. Для девушки... Как мне показалось по тексту, они тоже видимые, но в меньшей степени: она не уловила кучу деталей. <...> Она просто на энтузиазме решения своей локальной проблемы, но не более. <...> Я выбрал бы объяснить его исходя из названия – «Невидимые японские джентльмены». Я бы его объяснил как текст, в котором взрослый, искушенный писатель наблюдает за сценой и видит молодого писателя. И молодой писатель не подмечает очень много происходящего вокруг. И более взрослый писатель из этого делает достаточно саркастичные такие, горькие выводы, что ничего не получится, потому что джентльмены японские остались невидимыми. <...> Так вот, все-таки этот рассказ – он про мироощущение автора. <...> И это мироощущение транслируется через ситуацию. А ситуация заключается в том, что вот он настоящий писатель и уловил все детали происходящего и увидел человека, который считает, что он писатель, и, увидев этого человека, он как раз в своих размышлениях говорит о том, что <...> писательство – это нечто большее, чем просто контактировать с издателем. Что писательство – это что-то такое, что есть у него, а у нее этого нет. <...> ... то про вот эту вот концентрацию на происходящем. И он как раз своим рассказом показывает, что он сконцентрирован. Он видит японцев – и ее, и его, и себя, и вот у него полная картинка есть (В. С., муж., 34 г.).

Как видно из представленного содержательного описания каждого уровня и примеров ответов, соответствующих каждому из них, самый низкий уровень характеризуется полной неспособностью реципиента выделить смысловой инвариант текста и отделить его от влияния собственной субъективной психической продукции, а самый высокий – напротив, умением сформулировать как основную (связанную с выделением смыслового инварианта), так и дополнительные темы текста, а также проконтролировать влияние субъективных проекций, не позволяя им исказить интерпретацию прочитанного. Преимуществом предложенного нами исследовательского инструментария является то, что он дает возможность проследить динамику процесса понимания имплицитных смыслов текста на уровне выбора совершаемых реципиентом операций и их последовательности – с учетом его состояния, индивидуальных особенностей и опыта. В дальнейшем для получения более объективных данных оценку протоколов интервью по данным критериям целесообразно проводить с привлечением группы независимых экспертов, прошедших предварительное обучение работе с данной исследовательской методикой, а также осуществлять последующую статистическую проверку их оценок на согласованность.

Также продуктивным шагом с точки зрения всестороннего изучения стратегий понимания текста и природы межиндивидуальных различий в таких стратегиях будет соотнесение выделенных уровней полноты понимания с представленностью в вербальных отчетах реципиентов элементов структуры имплицитного смысла текста, которую возможно оценить на основе критериев, сформулированных в Таблице №1 на основе номинативной шкалы: 0 – «не представлено», 1 – «представлено» (подробнее о процедуре выделения элементов структуры имплицитного смысла текста см. в [Аверьянова, Щербакова, 2022]). Подчеркнем, что описанные уровни и критерии их выделения могут быть использованы и при работе с другими текстами, обладающими имплицитными смыслами.

Таблица №1

Элементы структуры имплицитных смыслов текста

Уровень	Подуровень	Представленность элементов
Уровень синтаксиса	Синтаксис	0 – 1 балл
Уровень стиля	Стиль	0 – 1 балл
Лексико-семантический уровень	Эмоционально-нейтральные детали	0 – 1 балл
	Эмоционально-оценочные детали	0 – 1 балл
	Образы	0 – 1 балл
Интертекстуальность	0 – 1 балл	
Текстовый уровень	Повторы: персонажи	0 – 1 балл
	Повторы: абстрактные	0 – 1 балл
	Контрасты: персонажи	0 – 1 балл
	Контрасты: абстрактные	0 – 1 балл
	Символы	0 – 1 балл
	Точка зрения	0 – 1 балл
Концептуальный уровень	Темы	0 – 1 балл
	Основная тема	0 – 1 балл

Резюме

Таким образом, разработанная нами исследовательская методика оценки полноты понимания имплицитных смыслов вербального текста, основанная на синтезе лингвистического и психологического подходов к изучению феномена понимания, представляет собой первый инструмент, который учитывает, с одной стороны, структуру имплицитных смыслов модельного текста, а с другой – опыт современных исследований структуры понимания как психологического феномена. Междисциплинарная логика, использованная при создании данной методики, позволяет ожидать, что в результате ее применения будут получены более валидные данные, чем в результате использования предшествующих инструментов, которые, как правило, были основаны только на каком-либо одном из подходов. Мы полагаем, что ее использование может внести весомый вклад в изучение особенностей понимания неявной семантики вербальных текстов. Основными направлениями дальнейшей эмпирической работы могут стать 1) оценка полноты понимания имплицитных смыслов стимульного текста реципиентами разного возраста и пола, а также различающимися по своему интеллектуальному и образовательному статусу и 2) выявление связей полноты понимания имплицитных смыслов текста с различными когнитивными и эмоциональными характеристиками реципиентов.

© Щербакова О.В., Обольская В.А., 2023

Литература

- Аверьянова В. А., Щербакова О. В.* Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 1 // Вопросы психолингвистики. 2022. №3(53). С. 42–61.
- Андрющенко Е. А., Гольштейн Ю. Р., Щербакова О. В.* Полнота понимания многозначных текстов у лиц с различными уровнями эмоционального интеллекта и модели психического // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. №6. С. 69–80.
- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2014. 384 с.
- Белановский С. А.* Индивидуальное глубокое интервью. М.: Николо-Медиа, 1998. 320 с.
- Биренбаум Г. В.* К вопросу об образовании переносных и условных значений слова при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии. М.: Медгиз, 1934. С. 147–164.
- Бондарко Л. В., Загоруйко Н. Г., Кожевников В. А., Молчанов А. П., Чистович Л. А.* Модель восприятия речи человека. Новосибирск: Наука, 1968. 381 с.
- Борзова Т. В.* Психология понимания в обучении студентов: монография. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. гуманитар. ун-та, 2014. 288 с.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Том 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 339 с.
- Гнедых Д. С.* Эффективность усвоения учебной информации студентами в условиях электронного обучения. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 237 с.
- Грин Г.* Невидимые японские джентльмены // Особые обязанности / Перевод с английского В. Вебера. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2004. С. 338–342.
- Зейгарник Б. В.* К проблеме понимания переносного смысла слов или предложений при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии. М.: Медгиз, 1934. С. 132–146.
- Квале С.* Исследовательское интервью / Пер. с англ. М.: Смысл, 2009. 301 с.
- Клычникова З. И.* Психологические особенности восприятия и понимания письменной речи (психология чтения). Дис. ... докт. психол. наук / З. И. Клычникова. М., 1974. 178 с.
- Левушкина О. Н.* Диагностика уровня понимания учащимися художественных текстов при обучении русскому языку // Проблемы современного образования. 2013. №. 1. С. 159–181.
- Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 504 с.
- Лурия А. Р.* Лекции по общей психологии: Учеб. пособие для вузов. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
- Морозова Н. Г.* О понимании текста // Известия АПН. 1947. Вып. 7. С. 191–240.
- Наролина В. И.* Психолого-педагогические факторы стимулирования познавательной и коммуникативной активности в развитии понимания иноязычного научного текста: Дис. ... канд. псих. наук. М., 1985. 186 с.
- Никифорова Е. А., Щербакова О. В.* Понимание многозначных текстов в норме и у пациентов с невротическими расстройствами // Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования. Сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых ученых. В 2-х томах. 2017. С. 134–140.
- Осорина М. В., Чечик А. А.* Исследование повседневного фантазирования взрослых. Часть II: результаты апробации методов сбора и обработки эмпирического материала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2013. №. 4. С. 14–29.

Соколов Е. Н. Вероятностная модель восприятия // Вопросы психологии. 1960. Вып. 2. С. 61–74.

Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М.: Просвещение, 1966. 421 с.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Тумина Л. Е. Притча как школа красноречия: Учеб. пособие. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 368 с.

Улановский А. М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 255 с.

Цветкова Л. С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 424 с.

Целяева С. И. Непривычное в привычном: когнитивные пути реконструкции смысла рисованных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2014. № 3. С. 37–50.

Чередникова Т. В. Структура и механизмы нарушений мышления при шизофрении и экзогенно-органических заболеваниях головного мозга с позиций информационной теории психики. Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2016.

Чернецов А. А. Формирование когнитивных стратегий понимания вербального и образного учебного материала школьниками: Дис. канд. психол. наук. М., 2013. 171 с.

Щербакова О. В. Феномен понимания как интрапсихический межъязыковой обратимый перевод (на примере комических текстов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. №4. С. 215–225.

Щербакова О. В. Когнитивные механизмы понимания комического: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 163 с.

Щербакова О. В., Макарова Д. Н. Как работает экспертное знание: интеллект, концептуальные способности и кое-что еще // Петербургский психологический журнал. 2018. № 22. С. – 56 – 87.

Щербакова О. В., Образцова В. С., Грабовая Е. В., Чан Р. В., Иванова Е. М. Понимание юмора у здоровых людей и пациентов с психическими заболеваниями: когнитивный и эмоциональный компоненты // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 92–102.

Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Transaction Publishers, 2009. 282 p.

Leech G.N., Short M. Style in fiction: a linguistic introduction to English fictional prose. London: Pearson Education, 2007. 404 p.

Rivin D., Shcherbakova O. Understanding of comical texts in people with different types of attitudes towards humour: evidence from internet memes // European Journal of Humour Research, 2021. P. 112–131. DOI 10.7592/ejhr2021.9.2.456

Shcherbakova O. V. How do our mental and personal experience mediate intellectual efficiency? Intellectual competencies as patterns of individual cognitive performance // Vestnik SPbSU. Psychology and Education, 2017. Vol. 7(1). P 43–54. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.103

Shcherbakova O. V., Nikiforova E. A. Fables comprehension in healthy adults: Does IQ matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2018. Vol. 15(2). P. 222– 230. DOI 17323/1813-8918-2018-2-222-231

Сведения об авторах

Щербакова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Контактная информация:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

ORCID: 0000-0002-9200-4310

e-mail: o.shcherbakova@spbu.ru

Аверьянова Обольская Варвара Андреевна – аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Контактная информация:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

ORCID: 0000-0001-6723-5339

e-mail: varavery@gmail.com

Для цитирования:

Щербакова О.В., Обольская В.А. Между читателем и текстом: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов. Часть 2 // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 112–127, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-112-127

UDC 159.9.072, 81'23

LBC 81.003

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-112-127

Research article

**BETWEEN THE READER AND A TEXT:
RESEARCH FRAMEWORK FOR STUDYING THE COMPREHENSION OF
IMPLICIT MEANINGS IN VERBAL TEXTS. PART 2**

Olga V. Shcherbakova

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

Varvara A. Obolskaya (Averianova)

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article describes the second part of the research aimed at developing the framework for studying the comprehension of implicit meanings of verbal texts. The uniqueness of the proposed framework stems from the combination of psychological and linguistic methodologies. We outline the current approaches to the phenomenon of text comprehension along with its classifications available to date. Special emphasis is made on the analysis of the gradual approach to comprehension studies linking various levels of texts² text comprehension

with certain types of underpinning intellectual operations. In addition to the theoretical analysis, we present the results of empirical study aimed at piloting the previously developed research tool for testing the comprehension of texts' texts' implicit meanings. During this pilot, the stimulus text – a short story with a complex structure of implicit meanings – was analyzed at the initial stage of this research in order to identify the elements of its meaning and then subjected to an independent linguistic expertise. The results of this stage validated the results of the initial analysis and, thus, confirmed the structure of the text meanings. Next, we presented the text to 'naïve' participants (N = 30) in order to reveal the variety of its interpretations and compare them in terms of the extent of comprehension as well as quality of reconstruction of elements of implicit meanings. We used in-depth semi-structured interview and the grounded theory methods which allowed to distinguish and qualitatively describe five levels of comprehension of implicit meanings in verbal texts. The lowest level corresponds to the recipients' inability to identify the semantic invariant of the text and filter it from their own subjective projections. The highest level corresponds to the ability to articulate both central and peripheral themes of the text and control the impact of subjective projections. The examples of the interpretations corresponding to each level are presented. The suggested research framework provides a tool for online-tracking the dynamics of the comprehension of the text's implicit meanings and draw connections between the level of comprehension reached by a recipient and specific types of elements of implicit meanings which were/were not reconstructed. Overall, the use of framework proposed might increase the validity of empirical data obtained in psycholinguistic studies on comprehension of implicit semantics. **Keywords:** text comprehension, implicit meaning, levels of comprehension, text structure, comprehension measures, qualitative research methods

© Shcherbakova O.V., Obolskaya V.A., 2023

Bionotes:

Olga V. Shcherbakova – PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University

Contact information:

Universitetskaya emb., 7/9, St. Petersburg, Russia, 199034

ORCID: 0000-0002-9200-4310

e-mail: o.shcherbakova@gmail.com

Varvara A. Obolskaya – Postgraduate Student, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University

Contact information:

Universitetskaya emb., 7/9, St. Petersburg, Russia, 199034

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: varavery@gmail.com

For citation:

Shcherbakova O.V., Obolskaya V.A. Between reader and text and reader: Research framework for studying the comprehension of implicit meanings in verbal texts. Part I. // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 112–127. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-112-127 (in Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

Обзорная статья

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Гудков Дмитрий Борисович

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена лингвистическим проблемам, связанным с опросами общественного мнения. Эти опросы рассматриваются как высказывание в рамках политического дискурса. На конкретном эмпирическом материале демонстрируются те деформации, которые приводят к искажению результатов данных опросов. Причиной этих деформаций и искажений является отказ учитывать два важных обстоятельства: во-первых, то, что передает продуцент речи, никогда не совпадает с тем, что воспринимает реципиент, во-вторых, вербальные и когнитивные единицы не являются тождественными.

Ключевые слова: язык, сознание, вербальные единицы, когнитивные единицы, политический дискурс, интеракционная коммуникация, лингво-культурное сообщество

Введение

Автор этих строк считает себя совершенным дилетантом в социологии и на статус специалиста в данной области не претендует. При этом ему известно, что существуют весьма сложные и разнообразные методы социологических исследований [см. напр.: Девятко 1998; Тавокин 2009; Руденко 2012; Рахманова 2021]. Но в сознании обывателя именно опросы общественного мнения являются главным занятием социологов. На этого обывателя гипнотически действуют результаты этих опросов и те выводы, которые делаются на их основании. Даже если такие выводы противоречат картине мира, существующей в сознании этого гипотетического обывателя, он принимает данные науки, во всеилие которой свято верит. Магия чисел действует на него, ведь с числами не поспоришь.

Результаты опросов общественного мнения активно тиражируются СМИ и подаются ими как истина в последней инстанции. К этим результатам активно обращаются и в публичной полемике, как правило, в пространстве политического дискурса; на их основании пишутся статьи и книги, авторы которых, видимо, искренне считают, что подобные результаты являются неопровержимым аргументом.

Ниже будет показано, что данные эти не являются ни точными, ни неопровержимыми. Речь пойдет не о так называемых заказных опросах, результаты которых известны заранее. Будем говорить не о политически или как-то иначе ангажированных специалистах, но о вполне добросовестных профессионалах, скрупулезно следующих самым передовым методологиям. Но даже они категорически отказываются признаваться широкой публике в, мягко говоря, очень большой приблизительности тех чисел, которыми они оперируют.

Вначале коротко перечислим те замечания, которые обычно предъявляются к опросам общественного мнения. Они хорошо известны, и на них не станем останавливаться, лишь коротко назовем:

– результаты опросов, не в последнюю очередь, зависят от добросовестности интервьюеров;

– результаты опросов во многом зависят от искренности респондентов, некоторая часть которых по разным причинам может говорить не совсем то, что на самом деле думает;

– даже при абсолютной добросовестности интервьюера и искренности респондента первый не может тем или иным образом не воздействовать на второго, что влияет на чистоту эксперимента (такова, к сожалению, судьба практически любого эксперимента в гуманитарных науках).

Теперь процитируем фрагмент из хорошо известной статьи П. Бурдьё, социолога с мировым именем (это не значит, что другие представители этой науки во всем согласны с ним): «...Под сомнение будут поставлены три постулата, имплицитно задействованные в опросах. Так, всякий опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнения доступно всем. (...) Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. Я считаю возможным доказать, что это вовсе не так и что факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, т.е. согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, на мой взгляд, целую серию деформаций, которые обнаруживаются, даже если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных» [Бурдьё 2005: 272].

Данные рассуждения видятся разумными, но и о высказанных П. Бурдьё претензиях к опросам общественного мнения говорить не станем, оставляя это социологам, сами же коснемся собственно лингвистических вопросов, которые почему-то практически не поднимаются в социологических исследованиях указанного типа, хотя имеют к ним самое прямое отношение.

Язык и сознание: их корреляция в опросах общественного мнения

Начнем с цитаты. «На фоне международного конфликта отношение к США резко ухудшилось. Настроения вернулись на уровень мая 2015 года, когда отношение между странами также были напряженными. Доля положительных оценок составляет сегодня 17% опрошенных, негативных – 72%. При этом еще в феврале около трети (31%) россиян относились к Соединенным Штатам “хорошо”, а 55% – “плохо”.

Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки? (Приводятся данные – ДГ.)

Лучше всего к США относятся молодые группы населения: 26% респондентов в возрасте 18–24 года и 25% в группе 25–39 лет. Хуже всего относятся возрастные группы: 15% респондентов 40–54 лет относятся положительно, 74% – отрицательно; 9% респондентов 55 лет и старше относятся положительно, 82% – отрицательно»¹.

¹ Пресс-выпуск Левада-Центра 15.04.2022. (<https://www.levada.ru/2022/04/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-6/>).

В приведенных формулировках присутствует неточность, если не лукавство. Левада-Центр предоставляет данные НЕ о том, как россияне относятся к США, а о том, как они ответили на приведенный выше вопрос. Это все-таки разные вещи. Иногда очень разные. Пусть уважаемый читатель спросит себя: всегда ли он говорит то, что действительно считает? Причины скрывать, корректировать свое мнение или выражать открыто прямо ему противоположное могут быть самыми разными, не станем на них останавливаться. Очевидно одно: полагать что-либо и говорить, что полагаешь что-либо – далеко не одно и то же, что различные научные центры, проводящие подобные опросы, словно бы и не замечают.

Думаю, это связано с незыблемой верой социологов в абсолютную тождественность вербальных и когнитивных единиц. Они стремятся выявить мнение, отношение, оценку и т.п., т.е. то, что относится к когниции, но для их выявления используют вербальный стимул, на который должна последовать вербальная реакция. Не станем сколько-нибудь подробно останавливаться на проблеме взаимоотношения языка и сознания. На эту тему написано множество достойных научных трудов, авторами которых являются представители самых разных дисциплин: филологи, психологи, философы и др. Не станем даже кратко касаться существующих подходов, писать о спорах вербалистов и антивербалистов, гипотезе лингвистической относительности, языковой картине мира и многом другом [см., напр.: Язык и национальное сознание 2002; Красных 2016; Сознание. Язык. Мозг 2020]. Несмотря на различные точки зрения и горячие споры, сегодня всеми признается, что язык и сознание теснейшим образом взаимосвязаны, они обуславливают друг друга и взаимно влияют друг на друга, но при этом и отличаются друг от друга.

Даже природа этих феноменов существенно различается: вербальные единицы имеют линейную структуру, чего нельзя сказать о единицах когнитивных. Выражение наших мыслей, чувств с помощью слов (точнее, текстов) требует их кодировки, своеобразного перевода, при котором искажения неизбежны. Это справедливо даже для самых примитивных высказываний, но в этом случае минимальными искажениями можно пренебречь, в более же сложных случаях искажения приводят к коммуникативным неудачам. Ниже мы чуть более подробно остановимся на этом вопросе, здесь же позволим себе привести лишь две хрестоматийные цитаты: «...И лишь молчание понятно говорит»; «Мысль изреченная есть ложь». В.А. Жуковский, Ф.И. Тютчев и другие «мастера слова» подчеркивали невозможность во всем объеме и глубине выразить в словах мысли, чувства, настроения и другие составляющие внутреннего мира человека, даже при виртуозном владении этими самыми словами.

Нельзя сказать, что социологи совсем уж не знают об этой проблеме. Так, Л.Д. Гудков пишет: «Любое эмпирическое исследование антисемитизма (или подобного феномена) стоит перед задачей операционализировать измеряемые параметры явления, имеющего по своей природе оценочный характер. Тем более это важно при опросах общественного мнения, когда фиксируется вербальное, а не реальное поведение» [Гудков 2004: 214]. Последняя оговорка видится нам весьма значимой, но самим автором приведенной цитаты она никак не учитывается, что приводит к таким, например, высказываниям: «Сталин занимает 3-е место среди наиболее значительных и авторитетных фигур отечественной истории – в таком качестве его называли от 9 до 22% в зависимости от типа и формулировки вопроса» [Гудков 2004: 148]. Само

по себе замечательно, что формулировка вопроса может изменить результат опроса почти в два с половиной (!) раза. Чего тогда стоят все эти опросы, если все настолько, мягко говоря, приблизительно? Дело в том, что подобная приблизительность, вернее, неточность – обязательное следствие любых опросов общественного мнения, в чем оперирующие результатами подобных исследований категорически отказываются признаваться.

При всем этом использующие опрос как один из важнейших методов исследования, конечно, не столь наивны, чтобы не замечать очевидного. В наиболее, вероятно, известном учебнике по социологии сказано: «Социолог читает [вопрос] респонденту одним образом, сам респондент – другим. При этом тот и другой в разное время могут прочитать, а соответственно, и понять один и тот же текст по-разному в зависимости от своего настроения, эмоционального и физического самочувствия, форсмажорных обстоятельств и т.д. В конечном итоге с помощью когнитивного анализа можно установить, что именно человек думает, отвечая на вопросы интервьюера» [Добренков, Кравченко 2019: 345]. Далее те же авторы говорят о прямом и обратном коммуникативном переходе, первый описывает процесс восприятия респондентом вопроса, второй – восприятия интервьюером ответа [цит. раб.: 347]. При этом, во-первых, игнорируется основная причина указанных несовпадений (нетождественность языковых и когнитивных единиц), во-вторых, теоретическое понимание проблемы практически никак не сказывается на практике, что мы постараемся показать ниже.

Проводящим опрос приходится игнорировать еще несколько неизбежных деформаций (воспользуемся термином П. Бурдые). Коротко перечислим их, а потом остановимся на каждой подробнее:

- чтобы выяснить мнение, формулируется вопрос; вопрос этот никогда не будет совершенен, никогда не будет полностью отвечать поставленным задачам, может лишь (в лучшем случае) приближаться к идеалу;
- то, как понимает вопрос проводящий исследование, никогда не будет полностью совпадать с тем, как понимает этот вопрос респондент;
- респондент никогда не может полностью и адекватно вербально выразить свое мнение, если речь идет об открытых опросах, если же мы имеем дело с опросами закрытого типа, то ни одна из предлагаемых на выбор формулировок никогда не совпадает полностью с действительным мнением информанта.

Заметим, что мы, повторяю, исходим из искренности информанта, добросовестности интервьюера, полного соответствия опроса существующим методикам и т.д. Даже при всех этих условиях деформации, нарастающие как снежный ком, неизбежны. Не станем говорить и о неизбежных деформациях при интерпретации полученных результатов, хотя очевидно, что подобная интерпретация не может быть абсолютно точной. Подробнее остановимся на трех приведенных выше тезисах.

- Многие из предлагаемых вопросов трудно назвать удачными. Представляя себя в роли респондента, могу сказать, что в некоторых случаях я просто плохо понимаю, что именно у меня спрашивают. Вот лишь несколько примеров (количество их без какого-либо труда можно увеличить многократно); я опираюсь при этом на пресс-выпуски ВЦИОМа, Левада-центра, а также на те опросы, результаты которых приводит уже цитированный выше Л.Д. Гудков.

Скажем, такой вопрос, уже приведенный выше: *Как Вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?* Варианты: *очень хорошо, в основном хорошо, в основном плохо, очень плохо, затрудняюсь ответить*. Проблема в том, что я не отношусь к США в целом. Некоторые стороны жизни этой страны, черты, характерные для населяющих ее людей, мне симпатичны, другие вызывают уважение, третьи видятся категорически неприемлемыми. И что понимать в данном случае под США? Политику правительства этой страны? Американский образ жизни? Экономику? Быт? Национальный характер? Список вопросов можно продолжать долго. Все эти феномены, конечно, связаны друг с другом, но все же они не тождественны. Замечу, что с ответом я вовсе не затрудняюсь, со многими аспектами американской жизни знаком, как мне кажется, неплохо, работал в этой стране, бывал в разных американских городах. Я просто не очень понимаю, о чем именно меня спрашивают.

Следующий вопрос: *Как Вы считаете, допустимо ли наказывать детей физически?*².

Что понимается в данном случае под физическим наказанием? Это понятие весьма расплывчато. Заставлять ребенка стоять в углу – тоже вообще-то физическое наказание.

Л.Д. Гудков в работе, посвященной исследованию ксенофобии, приводит ответы, полученные на следующие вопросы [Гудков 2004: 250]: *Согласны ли Вы с тем, что евреи не случайно в ходе своей истории так часто подвергались преследованиям, что хотя бы отчасти они и сами в этом виноваты?; Согласны ли Вы с тем, что евреи преувеличивают свои страдания и беды? Согласны ли Вы с тем, что на других народах лежит вина перед евреями?* Не понимаю, что должны эти вопросы выяснить. На оба я дал бы положительный ответ, что, наверное, свидетельствует о дремучем антисемитизме. Проблема, правда, в том, что я считаю, что как отдельный индивид, так и лингвокультурное сообщество в целом, в собственной национальной мифологии всегда преувеличивают свои страдания. Страдания просто необходимы для консолидации этнической группы. Например, попытки строить свою этничность для Украины начинаются именно с поиска страданий при их активном педалировании; продукт Голливуда к/ф «Патриот» (реж. М. Гибсон) живописует зверства англичан, которые несказанно мучают мирных жителей американских колоний, убивают женщин и детей и т.д. Подобных примеров можно привести тысячи. Чрезвычайно редкий, почти исключительный случай, когда в конфликте бывает виновата только одна сторона, поэтому я считаю, что за любое этническое столкновение всегда ответственность несут отчасти обе стороны, хотя, конечно, агрессия одной из них может быть неадекватной и неизмеримо больше, чем второй. Последний вопрос прекрасен в целом, наверное, не нуждаясь в комментарии, который все же позволим себе дать. Вина народа?! Что это? Как-то эта формулировка звучит более чем сомнительно.

Еще один замечательный пример: *За последний месяц вам приходилось или не приходилось слышать от окружающих вас людей критические высказывания в адрес российских властей?*³. Трудно представить, что в течение месяца в адрес власти раздавались только славословия и благодарности. Даже при самом наитоталитарнейшем режиме люди будут жаловаться на низкую зарплату госслужащих, неоправданный штраф со стороны ГИБДД, плохо отремонтированную дорогу и т.п.

²Агентство «Михайлов и партнеры» 08.06.2022 <https://m-p-a.ru/«vospitanie-i-nakazanie-vzglyad-pokolenij».-tezisy-i-kommentarii.html>

³Пресс-выпуск ФОМ 15.04.22 <https://fom.ru/posts/11090>

• Информация на «выходе» совпадает с информацией на «входе» только при коммуникативном взаимодействии «компьютер – компьютер», при общении двух языковых личностей подобного не происходит никогда. Это было хорошо известно лингвистам еще в позапрошлом веке. Вот хрестоматийная цитата: «Говоря словами Гумбольдта, всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях – вместе несогласие. Когда я говорю, а меня понимают, то я не перекалдываю целиком мысли из своей головы в другую, – подобно тому, как пламя свечи не дробится, когда я от него зажигаю другую свечу, ибо в каждой свече воспламеняются свои газы. (...) Чтобы думать, нужно создать (а как всякое создание есть собственное преобразование, то преобразовать) содержание своей мысли, и, таким образом, при понимании мысль говорящего не передается, но слушающий, понимая, создает свою мысль» [Потебня 1989: 226]. В этом суть принципа диалогической, интеракционной коммуникации.

Иными словами, задание интервьюера никогда не воспринимается адекватно респондентом. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда в опросные листы включаются абстрактные имена. Еще один пример. Вопрос: *Какие из перечисленных выше качеств чаще всего можно встретить у окружающих вас людей?*⁴ Далее следует список тех качеств, из которых предлагается выбирать респонденту, например: *открытые, простые, энергичные, терпеливые, трудолюбивые, эгоисты* и др. Достаточно открыть толковый словарь, чтобы убедиться, что каждая из перечисленных лексем обладает значительным количеством лексико-семантических вариантов, или, говоря «школьным» языком, у каждого из этих слов несколько значений. В каком из этих значений употребляется, например, такое слово, как *простой*? В идиолекте той или иной языковой личности данные лексемы обладают собственной семантикой. Иными словами, такие понятия, как *трудолюбие* или *эгоизм*, по-разному понимаются разными людьми; тот, кого называет *трудолюбивым* респондент, может вовсе не обладать этим качеством в глазах проводящего опрос.

Еще один пример: *Вы верите или не верите в удачу?*⁵. Позволим себе не распространяться на эту тему, лишь обратим внимание на неопределенность границ абстрактного имени *удача* в русском языке и индивидуальность восприятия семантики данного имени каждым из носителей этого языка.

• Даже человек, задававший тем вопросом, который предлагает ему интервьюер, и имеющий свое мнение по соответствующей проблеме, далеко не всегда может четко и адекватно это мнение сформулировать. Пусть читатель попробует, например, коротко и ясно ответить на такой вопрос: *Какие качества чаще всего можно встретить у окружающих Вас людей?* Мне было бы сложно перечислить такие черты характера у окружающих меня людей. Это в том случае, если речь идет об открытом опросе, с закрытыми все еще более показательно. Респонденту приходится выбирать из тех вариантов, которые навязываются ему проводящими опрос, причем в определенных жестко заданных формулировках. Еще один пример. Вопрос: *Как Вы считаете, какое из следующих высказываний наиболее точно описывает нынешние отношения «отцов» и «детей»?* Варианты ответов: *Люди разных поколений никогда не смогут понять*

⁴ Пресс-выпуск Левада-центра от 17.07.2008 «Представление о себе самом и представление об окружающих людях» <https://www.levada.ru/tag/opros/>

⁵ ВЦИОМ 03. 2022 https://prof.wciom.ru/open_projects/udacha-i-kak-ee-pojmat/

друг друга, поскольку у них слишком разный опыт жизни; Люди разных поколений в какой-то мере могут понять друг друга, несмотря на разный жизненный опыт, поскольку живут в одной стране; Люди разных поколений довольно хорошо понимают друг друга, у них нет серьезных оснований для противоречий; Проблемы непонимания между «отцами» и «детьми» вообще не существует; Затрудняюсь ответить.

Я, к примеру, не могу согласиться ни с одним из приведенных выше высказываний, каждое из которых видится мне, мягко говоря, сильно упрощающим действительно серьезную проблему, которая волновала лучшие умы человечества многие сотни и даже тысячи лет. Артикулировать же в одном предложении тезис, наиболее точно описывающий отношения «отцов» и «детей», я не возьмусь.

Таким образом, если опросы общественного мнения и выясняют это мнение, то с такими большими искажениями, что результаты их вряд ли могут быть основой для сколько-нибудь категоричных выводов. Они в лучшем случае позволяют выдвигать очень осторожные гипотезы, которые нуждаются в серьезной проверке. Так, приведенные в исследовании Л.Д. Гудкова об антисемитизме результаты опросов ничего о собственно антисемитизме не говорят. Они интересны для лингвиста, т.к. позволяют выявить семантический фон лексемы *еврей*, те устойчивые ассоциативные связи, в которые она вступает, ее коннотации в русском лингвокультурном сообществе и т.п. Безусловно, семантика указанного этнонима коррелирует с отношением к тому множеству, которое задает это слово, но корреляция не есть тождество.

Лингвисту может быть интересно, что при ответе на тот или иной вопрос респонденты чаще всего выбирали такие лексемы, как, например, *эгоизм* или *справедливость*. Но это мало что говорит о семантике этих слов и их месте в тезаурусе русского (в нашем случае) языка. Конечно, известные лингвистике (и психолингвистике) методы исследования семантики соответствующих языковых единиц тоже не могут быть признаны обладающими абсолютной точностью, но они все же, на мой взгляд, значительно более валидны и показательны, чем так называемые опросы общественного мнения.

Выводы

Итак, результаты опросов общественного мнения, воспринимаемые носителями обыденного сознания как неопровержимые данные фундаментальной науки, никоим образом таковыми не являются и на подобный статус претендовать не могут, позволяя в лучшем случае выдвигать лишь осторожные гипотезы, нуждающиеся в верификации, но не делать окончательные выводы.

Сказанное обусловлено различными факторами, одним из главных при этом является отказ учитывать то обстоятельство, что вербальные и когнитивные единицы, будучи тесно взаимосвязанными, не являются тождественными, попытки выявить принадлежащее сознанию индивида, с опорой исключительно на речевые действия последнего, неизбежно ведут к деформации и искажению результатов подобного анализа.

Мы присоединяемся к мнению тех, кто считает, что «семиотическая методология позволяет представить политическую власть как коммуникативный процесс, при котором государство и его институты осуществляют постоянное регулятивное воздействие с помощью неких символов и знаков, призванных вызвать соответствующую им ответную реакцию адресата – населения данной страны в целом, его отдельных групп и граждан. Это «субъект-объектное» взаимодействие, осуществляемое посредством

определенных знаковых систем, совокупностей символов и смыслов, представляющих собою язык данного общения» [Рахимов, Хабибулин: 52].

При этом опросы общественного мнения сами являются средством воздействия на сознание представителей определенного лингвокультурного сообщества. Результаты этих опросов выступают как реплики в национальном политическом дискурсе, представляющем собой, в силу своей имманентной агональности, борьбу различных субдискурсов за доминирование и право на производство значений. Сам же социологический опрос оказывается не столько академическим, сколько политическим высказыванием.

© Гудков Д.Б., 2023

Литература

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.-СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.

Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. Учебник. М.: ИНФРА-М., 2019. 768 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

Рахимов Р.А., Хабибулин А.Г. Политическая власть и право: проблемы семиотического анализа // Правоведение. № 2/2000.

Рахманова Ю. В. Методы социологического исследования. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 124 с.

Руденко, Л. Д. Современные методы социологических исследований. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 120 с.

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 180 с.

Тавокин Е.П. Основы методики социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2009. 240 с.

Язык и национальное сознание / под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2002. 179 с.

Сведения об авторах:

Гудков Дмитрий Борисович – доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

ORCID: 0000-0002-2505-7375

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Для цитирования:

Гудков Д.Б. Социологический опрос как политическое высказывание // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 128–136, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136

Review article

A SOCIOLOGICAL SURVEY AS A POLITICAL STATEMENT

Dmitry B. Gudkov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to linguistic problems related to public opinion polls. These issues are considered as a statement within the framework of political discourse. Concrete empirical material demonstrates the deformations that lead to distortion of the results of these surveys. The reason for these deformations and distortions is the refusal to take into account two important circumstances: firstly, what the speech producer transmits never coincides with what the recipient perceives, and secondly, verbal and cognitive units are not identical.

Keywords: language, consciousness, verbal units, cognitive units, political discourse, interactive communication, linguistic and cultural community.

© Gudkov D.B., 2022

Dmitry B. Gudkov – Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51

ORCID: 0000-0002-2505-7375

e-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

For citation:

Gudkov D.B. A sociological survey as a political statement // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 128–136. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-128-136 (in Russian)

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК: ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ¹

Теркулов Вячеслав Исаевич

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, Россия

Аннотация

В работе определяются причины повышенного интереса украинских идеологов к концепту «язык», основными из которых являются, во-первых, стремление объективировать главный и, пожалуй, единственный фактор отличия украинца от русского – фактор использования в качестве родного украинского языка, а во-вторых, построить на основе украинского языка новую ментальность – собственно украинскую. Для этого используется идея древности происхождения украинского языка, обосновываемая собственно лингвистическими свидетельствами наличия в южных древнерусских диалектах языковых черт, отмечаемых и в современном украинском языке. Автор же работы выдвигает на основе экстралингвистических параметров определения статуса идиом гипотезу о том, что украинский язык возник в начале XX столетия в результате конвергенции галицкой русьской мовы и малороссийского языка.

Ключевые слова: идиом, язык, диалект, конвергенция, украинский язык, руська мова

Фактор языка становится сейчас, пожалуй, единственным маркером этнического самоопределения при идентификации русских и украинцев: не существует никаких других объективных – физиологических, культурных и т.д. признаков, позволяющих отличить современного украинца от русского, кроме, возможно, фамилии и «исторической памяти»: ты украинец, потому что твоя фамилия заканчивается на -о и тебе сказали родители, что ты украинец. Однако вряд ли среднестатистический украинец, в первую очередь, в центральных и восточных регионах, осознает свою культурную принадлежность к украинству, воспринимает мир через символы гопака, Т. Шевченко и Леси Украинки.

В связи с этим вполне объяснима «борьба за язык». Отличить украинца от русского объективно можно только по тому, на каком языке он говорит. Именно поэтому В. Иванишин и Я. Радевич-Винницкий вполне обоснованно указывают на то, что «язык – один из факторов самоорганизации общества и неотъемлемый признак таких объединений, как род, племя, народность, нация» [Иванишин 1994] (здесь и далее перевод с украинского языка наш – *В.Т.*). Некоторые исследователи идут дальше

¹ Статья впервые была опубликована в: Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках: сб. к юбилею д-ра филол. наук, проф. Н.А. Тупиковой / ред. совет.: А.Э. Калинина (пред.) [и др.]; редкол.: Д.Ю. Ильин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т филологии и межкультур. коммуникации, Каф. рус. филологии и журналистики. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 172 с.

и утверждают, что нация – это именно «языковое сообщество» [Касьянов 1999: 261]. При этом, как справедливо отмечает Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» [Полежаев 2009: 57]. В связи с этим, для украинских идеологов особую важность приобретает «продвижение» украинского языка, поскольку оно мотивирует, с одной стороны, формирование особой украинской ментальности, а с другой – избавление от ментальности русской. Все это очень емко было объяснено в свое время В. Ющенко, который в одном из своих выступлений сказал: «Необходимо осознать, что Украина – это государство с одним языком».

Не случайно поэтому первым законодательным актом, с которым расправилась власть в 2014 году, был Закон «Об основах государственной языковой политики» В. Колесниченко и С. Кивалова. Правда, это вызвало сопротивление органов местного самоуправления в ряде юго-восточных регионов, которые затем и вышли из состава Украины, – в Крыму и в Донбассе, что и побудило тогдашнего и.о. Президента Украины Александра Турчинова не подписывать решение Парламента об отмене Закона до тех пор, пока Верховная рада не примет новый. Однако в 2018 году Закон был отменен как неконституционный.

Следует отметить, что с владением украинским языком в современной Украине есть достаточно большие проблемы: даже для идеологов украинизации этот идиом не является, по крайней мере, функционально первым. Во время проведенного в 2008 году американским Институтом Гэллага языкового анкетирования 83% граждан Украины предпочли использовать для интервью с представителями института не украинский, а русский язык [Russian Language 2008]. Исследования Киевского международного института социологии (КМИС) показали преобладание русского языка в восточных и южных регионах Украины (Рис. 1).

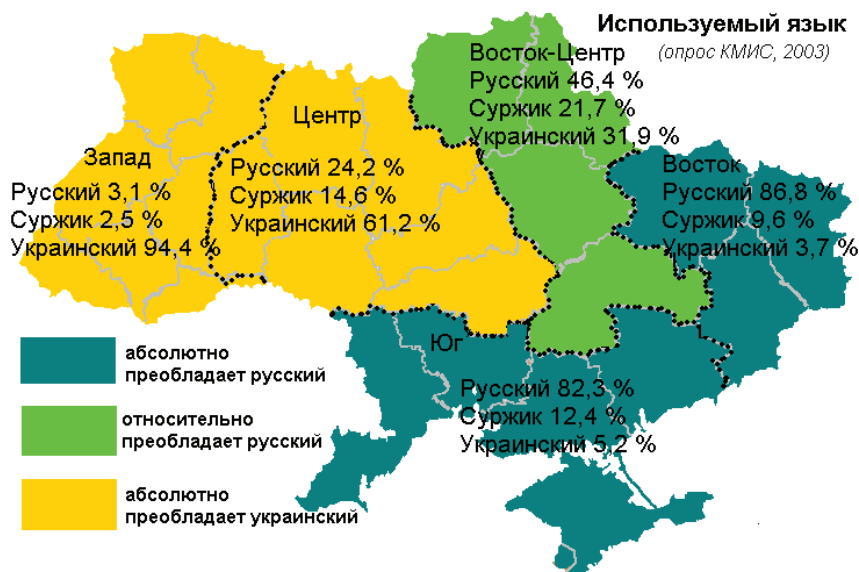

Рис. 1. Карта КМИС о языковом состоянии Украины

В связи с этим, у идеологов украинизации возникает необходимость в обосновании: а) новой доктрины «украинского языка как родного», б) исключительности и исконности украинского языка в корреляции со вторичностью и искусственностью русского языка.

Доктрина украинского языка как родного предполагает, что базовым критерием определения родного языка является не фрейм «родной язык – функционально первый язык», который использовался в приведенных выше исследованиях, а фрейм «родной язык – язык этнического и культурного самоопределения»: «ты украинец, а значит твой родной язык – украинский» На основе этого фрейма и осуществлялись многие удобные для украинской власти социолингвистические и социальные опросы. Например, по данным Всеукраинской переписи населения, проведенной в 2001 году, русский язык признали родным всего 29,6% населения Украины, хотя большая часть из оставшихся в пределах 80,4% использует в качестве функционально первого именно русский язык, что подтверждается, например, приведенными выше выводами Института Гэллопа и данными других социологических исследований. Для обоснования этого расхождения используется тезис о «русификации» народа Украины. Правда, в этом случае становятся необъяснимыми некоторые факты из истории внедрения украинского языка, например, в языковое пространство Донбасса, где в 20-е годы XX века активно проводилась политика не русификации, а именно украинизации. В. Корнилов в своей книге «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» пишет по этому поводу: «В 1921 году в Донецкой губернии насчитывалось аж 5 украинских школ (при 2250 русских). К началу 1923 г. их число возросло до семи. А вот с этого времени началась тотальная украинизация образования! Наркомпрос УССР издал приказ с начала 1923–24 учебного года украинизировать в течение трех лет 680 школ в губернии! При этом, как это было принято в годы первых пятилеток, все надо было «выполнять и перевыполнять». Поэтому уже к 1 апреля 1924 года при начальном плане 106 украинских школ таковых в Донбассе было открыто 156! Понятно, что большей частью – за счет закрытия русских школ. К концу 1924–25 учебного года было украинизировано уже 648 школ губернии (при плане – 636). Только за первый учебный год украинизации (1923–24 гг.) число учеников украинских школ в Донецкой губернии выросло на 866%, за 1924–25 гг. – еще на 415%. Такие резкие темпы украинизации образования, само собой, сопровождались серьезными проблемами. Главная из них – тот факт, что сами учителя Донбасса мовой не владели. Скорострельные курсы по украинизации, которые обязали пройти всех учителей, лишь в общих чертах давали представление о правилах мовы, которые практически еще и не были кодифицированы. Учительница из Славянска Н. Тарасова в своем письме от 1928 г. так рисовала ситуацию в Донбассе: «В школах идет двойная трата времени в связи с украинизацией – учитель сначала проводит беседу с учениками по-украински, а потом по-русски, чтобы дети лучше поняли. К пику украинизации ситуация в образовании Донбасса стала просто-таки катастрофической. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6%) были украинскими, а еще 207 (9,3%) – украинско-русскими. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено. Ситуация дошла до того, что, скажем, в русскоязычной Макеевке в 1932–33 учебном году в начальных школах не осталось ни одного русского класса. К 1933 г. в Донбассе были закрыты все русские педагогические техникумы – русскоязычных учителей негде было готовить. Не более 26% этнически русских

учеников края могли учиться в русских школах. В январе 1934 г. на 2-й Донецкой областной партконференции председатель облпрофсовета Масленко (видимо, тот который Павел Федорович) заявил, что в области **«не менее 40 тысяч детей были принудительно украинизированы»** (выделено нами – *В.Т.*) [Корнилов 2017: 544–545].

Общеизвестно, что фронтальное освоение Донбасса осуществлялось с 70-х годов XIX столетия. Возникает вопрос: кого же украинизировали в Донбассе? Русифицированных украинцев? Но ведь за 50 лет при всех возможных «карательных» ограничениях заставить говорить людей, по крайней мере, на бытовом уровне не на родном языке невозможно. А политика украинизации как раз и предполагала перевести на украинский язык общения тех, кто на бытовом уровне разговаривал по-русски. Следовательно, не русификация, а именно украинизация осуществлялась в русскоязычном крае, который стал украинским только по желанию руководителей коммунистической партии и Советского правительства. Иначе говоря, Донбасс предвосхитил судьбу Крыма, переданного Украине в 1954 году: в нем, русскоязычном, тоже проводилась политика украинизации.

Для того чтобы создать базу «престижности» украинского языка, украинскими (и не только) учеными долгое время разрабатывался ряд мифологем, подтверждающих исконность, древность украинского языка, о которых мы писали в [Теркулов 2020]. Одной из них является мифологема о возникновении украинского, именно украинского, а не малорусского, языка в древнейшую эпоху, чуть ли не в древнерусские времена. Нужно сказать, что определение факторов, способствующих трансформации диалекта в язык, вернее, трансформации определения того или иного идиома как языка или диалекта, является одной из важнейших и трудноразрешимых проблем социолингвистики.

Пожалуй, первой научной работой, предполагавшей появление украинского языка еще в VII–VIII вв. была монография А.А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1916), в которой он утверждает: «Распадение восточнославянских племен и их языка относится (в своем постепенном ходе) к VII и VIII в.; вероятно, к IX в. восходит (как завершение процесса) распадение единого русского племени на три племенные группы: южную, северную и восточную» [Шахматов 2002: 36]. С ним не соглашается А. Крымский, который в работе 1922 года «Українська мова звідкіля вона взялася і як розвивалася» отмечает: «Считать язык всех восточнославянских племен в IX веке еще практически одним языком – это в конце концов не будет антинаучным. То, что отдельные говоры трех восточнославянских языков должны были уже тогда иметь очень характерные черты, – это так. Но какого-либо взаимного непонимания между ними в IX веке допустить не смеем» [Крымский 1973: 258]. На основе анализа ряда южнорусских памятников XI в., например, Изборников Святослава 1073 и 1076 г., Синайского патерика XI в., Житийного Успенского сборника XII в. с произведениями также местных печерских отцов, Богословия Иоанна Дамаскина XI в., Студийского Устава около 1193 г. и др. и констатации наличия в них лексических, фонетических и морфологических черт, являющихся прототипическими для современного украинского языка или актуальных для него и сейчас, например, смешения звуков [и] и [ы], перехода [ѣ] в [и], появления фрикативного [h] и ряда других, ученый предполагает, что украинский (малорусский) язык возник в XI веке: «Таким образом, по общей совокупности своих признаков, живой язык юга XI в. стоит

в восточном славянстве совсем уж особняком. Речь Поднепровья и Червонной Руси XI в. – это вполне рельефная, очень определенная, ярко индивидуальная лингвистическая особь, и в ней с чрезвычайной легкостью и отчетливостью может быть опознан прямой предок современного малорусского языка, потому что уже содержит огромную часть современных малорусских особенностей» [Крымский 1973: 268].

Именно на основе констатации структурных расхождений между великорусскими и малорусскими наречиями строят свою аргументацию о древности украинского языка практически все исследователи, в том числе некоторые современные российские ученые. Например, А. Дыбо в своем интервью сетевому изданию «Украина.ру» утверждает: «Считается, что древнерусский язык раскололся на национальные языки в XIV–XV веках. <...> Должна сказать, что люди, которые так считают, на самом деле ориентируются на первые хорошо определяемые по языку памятники. Но дело в том, что в грамотах XIV–XV веков, составленных в малороссийских княжествах, видны уже не только признаки украинского языка, но и диалектов украинского языка. Сам язык начал формироваться гораздо раньше. Я вам сейчас скажу вещь, которую некоторые русисты знают, но далеко не все. Дело в том, что один из самых ярких признаков украинского языка, выделяющих его среди восточнославянских языков, – это сужение гласных «Э» и «О» в позиции новозакрытого слога» [Дыбо 2019], то есть переход [e] и [o] в закрытых после падения редуцированных слогах в [и], например укр. *ніс* в соответствии с рус. *нёс*, укр. *віл*, имеющее своим эквивалентом рус. *вол*, и т.д. И далее на вопрос корреспондента издания «То есть украинский язык пошел с того момента, как началось передвижение гласных в верхний регистр в позиции новозакрытого слога?» Анна Владимировна отвечает: «Если смотреть с чисто лингвистической, а не с социолингвистической точки зрения (выделено нами – В.Т.), да. Это смещение является маркером украинского языка, потому что в других восточнославянских языках этого не произошло. Это очень явственный признак, мы его находим на всем пространстве того, что относится к украинским диалектам. Причем с точки зрения исторической диалектологии все эти штуки начинают выделяться довольно рано, гораздо раньше, чем принято думать. Это значит, что **украинский язык древнее XIV–XV веков лет этак на 300** (выделено нами – В.Т.)» [Дыбо... <http>]. Тут особенно важно то, что А.В. Дыбо говорит о чисто лингвистической точке зрения, которая нам не кажется определяющей: с «чисто лингвистической точки зрения», например, сербский и хорватский языки должны считаться диалектами одного языка, а диалекты арабского – самостоятельными языками. Вероятно, нам следует определиться с критериями разграничения языков и диалектов как в синхронии, то есть попытаться ответить на вопрос, почему мы считаем одни идиомы разными языками, а другие – разными диалектами одного языка, так и в диахронии, то есть установить те стимулы, которые становятся причиной формирования на основе каких-либо диалектов самостоятельных языков.

Анализу синхронных оснований разграничения языков и диалектов посвящена наша недавняя статья [Теркулов 2022]. Мы предполагаем, что синхронные методики должны вступить в корреляцию с методиками диахронными.

Существуют два типа синхронных подходов к определению статуса идиома (язык и диалект): собственно лингвистические, которые для разграничения языков и диалектов предполагают учет собственно языковых сходств-различий в сопоставляемых идиомах для определения их статуса (это и есть то, о чем

пишет А.В. Дыбо), и экстралингвистические, предполагающие учет социальных и социолингвистических характеристик сопоставляемых идиомов. На уровне диахронии собственно лингвистический подход опирается на идею трансформации диалекта в язык в результате неких фонетических, грамматических, лексических изменений, формирующих структурные отличия данного диалекта от других диалектов языка-основы, а экстралингвистический – на идею отрыва диалекта в результате развития нового лингвоэтнического самосознания его носителей, определяющего желание языковой и этнической изоляции от праязыка и праэтноса.

Лингвистический подход

1. Критерий «взаимопонимания» («взаимопонятности», «общепонятности») между носителями разных диалектов

Согласно этому критерию, выделение диалекта в отдельный язык осуществляется тогда, когда его носители перестают понимать носителей других диалектов. Как было показано выше, А. Крымский считал, что в IX–X веке взаимопонимание между жителями юга и севера Руси еще имело место, но, начиная с XI века, было затруднено, с чем согласиться сложно хотя бы потому, что даже в XIX–XX веках речь малороссов была понятна великороссам и наоборот. Как отмечал Н.С. Трубецкой в 1927 г., то есть через 5 лет после публикации статьи А. Крымского, «различия между основными русскими (восточнославянскими) наречиями – великорусским, белорусским и малорусским – не настолько глубоки, чтобы затруднять взаимное общение представителей этих наречий. Что касается до давности этих различий, то она тоже сравнительно незначительна. Звуковые особенности, отделяющие друг от друга три основных русских наречия, не древнее середины XII века; словарные различия – каковые особенно важны, ибо более всего затрудняют взаимное общение, – возникли преимущественно в эпоху польского владычества над западной Русью и сводятся главным образом к наличию в малорусском и белорусском народных языках огромного количества полонизмов (т.е. слов и выражений, либо прямо заимствованных из польского, либо созданных по образцу польских), чуждых великорусским народным говорам. Таким образом, ни о глубине, ни о древности различий между тремя основными русскими (восточнославянскими) наречиями говорить не приходится» [Трубецкой 1990: 115]. И в сноске добавляет: «За вычетом этих полонизмов словарное различие между малорусским и южновеликорусским народным языком оказалось бы не большим, чем различие между рязанским и вологодским. Следует особенно принять во внимание, что в южновеликорусских говорах есть очень много слов, не вошедших в русский литературный язык, но существующих в малорусском (*хата, девчина* и т.д.)» [Трубецкой 1990: 115].

Критерий взаимопонимания не только в нашем случае, но и вообще, вряд ли можно признать убедительным в качестве стимула для распада языкового единства. Например, серб и босниец достаточно хорошо понимают друг друга, равно как и носители тюркских языков, но это не мешает им считать, что они говорят на разных языках. Как справедливо отмечает А.Ю. Мусорин, «если отсутствие взаимопонимания действительно может свидетельствовать о том, что перед нами различные языки, то наличие такого взаимопонимания ни в коей мере не свидетельствует, что перед нами всего лишь диалекты одного языка» [Мусорин 2001: 12]. Например, «носители большинства тюркских языков вполне способны на бытовом уровне понимать друг друга без переводчика, однако никому не придет в голову рассматривать, скажем,

шорский и татарский как диалекты единого тюркского языка» [Мусорин 2001: 12]. Однако верно и обратное: в диалектных континуумах, особенно в языках с большим количеством носителей, степень взаимопонимания уменьшается с увеличением расстояния между идиомами и может отсутствовать между крайними точками, о чем см. [Hudson 1996: 35]. На это же указывает и Н.С. Трубецкой: «Саксонцы и тирольцы тоже почти не понимают друг друга, когда говорят на своих родных говорах, а миланцы и сицилианцы просто-таки совсем друг друга не понимают» [Трубецкой 1990: 115], но это не мешает первым считать, что они говорят на немецком языке, а вторым – на итальянском.

2. Критерий «появление языковых особенностей, отличающих выделяющийся идиом от других диалектов языка».

Именно этот критерий используют при выявлении времени выделения украинского языка чаще всего. Как было показано выше (мнение А.А. Шахматова, А. Крымского, А.В. Дыбо и др.), считается, что основанием для такого выделения является появление каких-либо языковых черт, ставших знаковыми в современных языках, возникших на базе древних диалектов. Иными словами, причиной трансформации диалекта в язык представляется его структурное развитие. Однако этому противоречит анализ расхождений между современными диалектами, которые зачастую являются более весомыми, чем различия между северными и южными диалектами древнерусского языка. Например, тот же А. Крымский в упомянутой статье приводит достаточно большее количество различий между восточномалорусским (собственно малорусским) и западномалорусским (галицким) наречиями украинского языка [Крымский 1973: 254–256], чем между южнорусскими и севернорусскими диалектами древнерусского языка. Но почему-то не трактует их как различия между языками.

Вряд ли приведенный критерий может быть применен для определения не просто времени выделения идиома в отдельный язык, но и вообще для констатации такого выделения: мы не говорим, например, основываясь на различии оканья и аканья, что севернорусское и южнорусское наречия – и не наречия вовсе, а разные языки, разошедшиеся еще в XII в. (именно к этому веку относят возникновение аканья в южнорусских говорах). Почему фрикативный [ɣ] в южнорусских говорах не стал причиной трансформации их в отдельный язык? Вероятно, потому, что структурные изменения не являются стимулом для распада языка на два самостоятельных: они выступают в качестве диалектных структурных новообразований, которые только в случае трансформации диалекта в язык становятся характерными чертами этого языка, но отнюдь не мотивируют эту трансформацию. В любом случае, определить по памятникам письменности появление нового языка на основании обнаружения в этих памятниках какой-то особой языковой черты, характеризующей в современности тот или иной язык, не представляется возможным хотя бы потому, что во всех диалектах есть какие-то особые языковые черты, но они являются только чертами, характеризующими идиом, и практически ничего не говорят о его статусе. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «Надо вообще предостеречь от довольно распространенного предвзвещения, будто существование сильных различий между двумя наречиями неминуемо влечет за собой (или должно повлечь за собой) и создание для каждого такого наречия особого литературного языка. Живые языки современной Европы самым решительным образом противостоят этому мнению. Каждый из больших литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) господствует на территории

лингвистически гораздо менее однородной, чем территория русских племен. Различия между нижненемецким (Plattdeutsch) и верхненемецким (Oberdeutsch) или различия между народными говорами северной Франции и говорами Прованса не только сильнее, но и значительно древнее различий между малорусским, белорусским и великорусским. Мы видели выше, что различия между этими основными русскими наречиями не древнее XII в.; между тем, нижненемецкий и верхненемецкий выступают как два самостоятельных и внутренне уже дифференцированных языка с самого начала средневековой немецкой письменности, а различие между собственно французским и провансальским языками восходит к самому началу романизации Галлии» [Трубецкой 1990: 115]. То же находим у С.Е. Яхонтова: «Если говорить о наиболее близком родстве, может показаться, что термины «язык», «диалект», «говор» отражают степень взаимной близости обозначаемых ими форм речи. Но это далеко не всегда так. Две идиомы (будем пользоваться этим словом как общим названием разных форм речи, независимо от того, признаются ли они разными языками или нет), считающиеся двумя диалектами одного языка, вовсе не обязательно будут более сходны друг с другом, чем две другие, считающиеся самостоятельными языками. Лингвисты, занимающиеся проблемой разграничения понятий языка и диалекта, обычно оговаривают, что **для решения ее степень сходства или несходства сравниваемых идиом не существенна** (выделено нами – *V.T.*)» [Яхонтов 1980: 148–149].

Вероятнее всего, трансформацию диалекта в язык мотивируют другие, в первую очередь, экстралингвистические, факторы, в результате действия которых, на наш взгляд, изменяется статус идиомных структурных явлений: они перестают определяться как диалектные и начинают определяться как языковые. Это, кстати, подтверждается и ситуациями препятствия преобразованию диалекта в язык. Например, древненовгородский диалект имел, по свидетельству А.А. Зализняка, все основания, чтобы преобразоваться в самостоятельный язык: новгородские земли были изолированы в период феодальной раздробленности от других земель древнерусского государства, на территории древнего Новгорода функционировал структурно отличавшийся от других диалектов древнерусского языка идиом, он имел письменную форму фиксации и т.д. Однако «развитие <его> в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т.е. это своего рода предъязык, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы)» [Зализняк 2004: 7]. Как видим, именно социально-политический фактор способствовал включению древненовгородского наречия в систему диалектов русского языка. А это значит, что обособление диалекта и формирование на его базе языка имеют в первую очередь именно экстралингвистические социальные (политические, религиозные, культурные и т.д.) причины.

Экстралингвистические причины

3. Критерий «создание нового лингвонима для обозначения трансформированного в язык диалекта»

Данный критерий в свое время четко сформулировал А.А. Зализняк: «На самом деле история всякого языка с определенным названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название» [Зализняк 2012].

Этот критерий нам представляется наиболее убедительным: именно появление лингвонима является главным маркером возникновения языка и формирования

этнического самосознания. Например, возникновение черногорского языка связывают с появлением в 2007 г. наименования «црногорски језик / crnogorski jezik», которое заменило лингвоним «српски језик ијекавског изговора», указывавший на диалектный статус данного идиома. Возникновение мальтийского языка относят к XI веку, когда появилось название «malti» для обозначения изначально диалекта арабско-сицилийского народно-разговорного языка. Можно предположить, что именно появление указанных лингвонимов стало маркером завершения формирования национального самосознания черногорцев и мальтийцев.

И вот здесь для украинского языка возникают некоторые сложности. Лингвоним «українська мова» появляется, по свидетельству [Жовтобрюх, Молдован: 513– 514], только в XX веке. До этого на Западной Украине использовался лингвоним «русська мова», а на территории Российской империи – сначала лингвоним «малороссийское наречие», а затем – «малороссийский язык». А. Крымский, правда, называл эти идиомы наречиями малороссийского языка – западномалороссийским и восточномалороссийским [Крымский 1973: 254]. Это, вполне очевидно, было сделано для того, чтобы обосновать идею замены лингвонима: изначально эти наречия были наречиями одного языка, который назывался малороссийским, а затем лингвоним «малороссийский язык» по непонятным причинам трансформировался в «украинский язык», и они стали наречиями украинского языка. Впрочем, сам А. Крымский отмечает, что малороссы даже в его времена с сомнением относились к идее «единой нации» с галичанами: «Правда, в литературных спорах малороссы, говоря о чертах несходства между языком малороссов австрийско-подданных и российско-подданных, все еще часто именуют один язык «галицким», а другой — «украинским» и противопоставляют «австрийских русинов» подлинным «украинцам», т. е. суживают смысл термина «Украина»; но за последние времена даже в таких случаях предпочитают соблюдать терминологию: «язык Украины Австрийской» и «язык Украины Российской». Спорить против замены имени «малорусский» именем «украинский», которым малороссы дорожат, было бы и бесцельно: житейская практика преодолевает филологическую точность. Все же филологи, надо полагать, еще долго не откажутся от несбивчивого термина «малорусский язык», как ради точности диалектологической, так и из-за соображений об исконной истории развития малорусского языка» [Крымский 1973: 254]. Однако и сами жители Западной Украины не называли себя малороссами. Еще в конце XIX века они использовали самоназвание «русины», которое затем было заменено не эндоэтнонимом «малоросс», а эндоэтнонимом «украинец». Однако, как свидетельствует С. Макарчук, даже «восприятие народоназвания “украинец” как **присущей всем русинам** (выделено нами – В.Т.) населением Галиции затянулось до начала Второй мировой войны» [Макарчук 1994: 211]. Иначе говоря, по крайней мере, на уровне этнонима, многие галичане очень долго не считали себя одним народом с малороссами.

Это позволяет предположить, что лингвоним «украинский язык», возникнув в конце XIX – начале XX века, стал свидетельством конвергенции двух языков, бытовавших у двух близких, но все-таки различавшихся этносов: малороссийского наречия/языка, бытовавшего в Российской империи, и русской мовы, использовавшейся в Польше и Австро-Венгрии. Причины этой конвергенции нужно определить, но это не является целью предлагаемой статьи.

4. Критерий **«наличие литературного языка, а для бесписьменных языков – наддиалектного койне, объединяющих диалекты в один национальный язык»**. Например, диалекты русского языка объединяет русский литературный язык; диалекты арабского, несмотря на то что в различных странах они сильно отличаются друг от друга и зачастую невзаимопонятны, объединяет стандартный арабский литературный язык; диалекты цыганского языка объединяет основанный на кэлдэрарских диалектах проект наддиалектного койне – «общецыганского языка».

Этот критерий невозможно использовать в качестве объяснительного для периода распада языкового единства: все-таки для формирования кодифицированного идиома нужно время. Но он является показателем окончательной сформированности национального языка. Ситуация с украинским языком в этом случае показательна. Дело в том, что малороссы и русины пользовались разными литературными языками. Вот что об этом пишет А. Крымский: «Литературное применение малорусского языка в его чистом беспримесном виде есть черта новая собственно лишь с конца XVIII в.» [Крымский 1973: 272]. Об этом же пишет Н.С. Трубецкой: «И тем не менее, новый украинский (малороссийский – *В.Т.*) литературный язык возник. **Возник он в конце XVIII в., при этом, вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком** (выделено нами – *В.Т.*). Основателем нового украинского литературного языка считают Котляревского. Произведения этого писателя («Энеида», «Наталка-Полтавка», «Москаль-Чарівник», «Ода князю Куракину») написаны на простонародном малорусском говоре Полтавщины и по своему содержанию относятся к тому жанру поэзии, в котором намеренное применение простонародного языка вполне уместно и мотивировано самим содержанием. Стихотворения наиболее крупного украинского поэта, Тараса Шевченко, написаны большей частью в духе и в стиле малорусской народной поэзии и, следовательно, опять-таки своим содержанием мотивируют употребление простонародного языка» [Трубецкой 1990: 116]. На территории Западной Украины как минимум до XVIII в. использовался западнорусский литературный язык – руська мова, которая во многом отличалась от литературного малороссийского языка. Как писал А. Крымский, «несколько иначе сложилось создание литературного малорусского языка в Галичине. Оторванная в конце XVIII в. от прочей Украины и присоединенная к Австрии, Галичина сохранила в качестве литературного языка то самое польско-малорусское – церковнославянское язычие, которое было в ходу у нее и у всех малороссов прежде раздела Польши и присоединения Галичины к Австрии. Это жаргонное язычие, иногда уснащаемое также подмесью элементов из псевдоклассического языка Тредьяковского, Ломоносова и Державина, сделалось вскоре же органом высшего преподавания во львовском университете, когда Иосиф II открыл там кафедры для русинов, и органом юридических галицко-австрийских отношений» [Крымский 1973: 275]. И только «с 1830-х гг. проникло в Галичину и уже не прекращало проникать влияние живой, демократической украинской литературы с ее ярко-простонародным языком, и галицкие русины стали черпать литературную силу из речи своего собственного малорусского галицкого простонародья, а то и прямо подражали чистому языку приднепровских писателей, особенно преклоняясь перед Шевченко. Под конец, большей частью около начала XX в., галичане решительно усвоили себе даже имя «украинцы». Но вполне избавиться от пережитков язычия и от его антинародного и искусственного влияния галичанам-интеллигентам не удалось и по нынешний

день» [Крымский 1973: 275]. Как видим, и литературный язык изначально не был общим у малороссов и галицких русинов.

Вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что возникновение единой украинской нации на базе двух народов – галицийского и малороссийского осуществилось в конце XIX – начале XX веков, возможно, не без участия внешних политических сил – сначала служб Австро-Венгерской империи, а затем Советского правительства. То же о языке: украинский язык, скорее всего, возник только в конце XIX – начале XX веков в результате конвергенции бытовавшего в Российской империи малороссийского языка и галицкой, распространенной в Польше и Австро-Венгрии, русьской мови. Вопрос теперь состоит в том, чтобы определить причины, время и условия возникновения этих идиомов.

© Теркулов В.И., 2023

Литература

Дыбо А.В. Украинский язык 200–300 лет назад сильно влиял на русскую культуру // Украина.ру, 06:40 09.11.2019 (обновлено: 11:23 14.07.2022). Режим доступа: <https://ukraina.ru/20191109/1025596155.html> (дата обращения: 12.09.2022).

Жовтобрюх М.А., Молдован А.М. Восточнославянские языки. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 513–548.

Зализняк А.А. Об истории русского языка. Лекция, прочитанная 24 февраля 2012 года в школе «Муми-тролль». Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація. Дрогобич, 1994. 235 с. Режим доступа: <http://www.ruthenia.info/txt/radevynja/movnaz/index.html#IXMOBAIETHOC> (дата обращения: 12.09.2022).

Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму. Киев: Либідь, 1999. 351 с.

Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. М., 2017. 576 с.

Кримський А.Ю. Українська мова звідкіля вона взялася і як розвивалася // Кримский А.Ю. Твори: в п'яти томах, шести книгах. Том 3. Київ: Наукова думка, 1973. С. 252–282.

Макарчук С. Україна і українці: поява, поширення та утвердження назв // Другий міжнародний конгрес українців. Львів, 22–28 серпня 1993 р. Доповіді і повідомлення. Історіографія українознавства, етнологія, культура. Л., 1994. С. 206–211.

Мусорин А.Ю. Что такое отдельный язык? / А.Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001. № 1. С. 12–16.

Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 57–62.

Теркулов В.И. Социолингвистическое программирование: современные формы борьбы с русским языком и русской ментальностью // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы 7 Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019. С. 100–105.

Теркулов В.И. Язык или диалект: к проблеме разграничения явлений // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. № 14–15. С. 195–203.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М.: Индрик, 2002. 424 с.

Яхонтов С.Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980. С. 148–157.

Hudson R. A. Sociolinguistics. – New York: Cambridge Univ. Press, 1996.

Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States. Режим доступа: <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-BoostPostSoviet-States.aspx> (дата обращения: 18.04.22).

Сведения об авторе:

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Россия

e-mail: terkulov@rambler.ru

Для цитирования:

Теркулов В.И. Украинский язык: время возникновения // Вопросы психолингвистики № 1(55) 2023, С. 137–149, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149

Review article

UKRAINIAN LANGUAGE: TIME OF ORIGIN

Vyacheslav I. Terkulov
Donetsk National University
Donetsk, Russia

Abstract

The paper highlights the reasons for the keen interest of Ukrainian ideologists in the concept of “language”. Among these reasons is the desire to objectify the main and, perhaps, the only factor that distinguishes a Ukrainian from a Russian – the factor of using the Ukrainian language as a mother tongue, and the intention to build a new mentality based on the Ukrainian language – Ukrainian proper. For this purpose, the idea of the antiquity of the origin of the Ukrainian language is used, which is justified by the actual linguistic evidence of the existence of linguistic features in the southern Old Russian dialects, which are also noted

in the modern Ukrainian language. The author of the paper, on the basis of extralinguistic parameters for determining the status of idioms, puts forward a hypothesis that the Ukrainian language emerged at the beginning of the 20th century as a result of the convergence of the Galician Ruska language and the Malorussia language.

Keywords: idiom, language, dialect, convergence, Ukrainian language, Ruska language.

©**Terkulov V.I., 2023**

Bionotes:

Vyacheslav I. Terkulov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Donetsk National University

Contact information:

24, Universitetskaya St., Donetsk, Russia, 283001

email: terkulov@rambler.ru

For citation:

Terkulov V.I. Ukrainian language: Time of origin // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023. P. 137–149. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-137-149 (in Russian)

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-150-153

Обзорная статья

**ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
СЕМИНАРА НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(2 марта 2023 года)**

Чицова Лариса Алексеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова выступила с инициативой создания методологического лингвистического семинара для обсуждения общих вопросов соотношения методологии, методов и методик в современной лингвистике с учетом междисциплинарности проводимых исследований, наличия большого числа баз данных языков, возможностей компьютерных технологий и традиционности поставленных в филологии целей – изучение речевой деятельности Человека как индивида и как социального феномена в эпоху формирования и смены научных лингвистических парадигм в истории и современности.

Первое заседание Методологического лингвистического семинара прошло 2 марта 2023 года на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в очном и дистанционном форматах. В начале заседания было озвучено приветствие и.о. декана филологического факультета МГУ проф. А.А. Либгарта, подчеркнувшего актуальность тематики семинара и важность совместных усилий филологов при решении актуальных для современного информационного общества задач по сохранению национального языка и культуры.

Актуальность проблематики определяется необходимостью определить место гуманитарных наук в современном обществе, выявить связь языкознания с другими науками для осознания роли родного языка в сфере социальной и культурной самоидентификации, а также оценить соотношение гуманитарных наук в построении и функционировании основных общественных институтов, особенно в системе образования.

С докладом «Функциональная лингвистическая парадигма в условиях междисциплинарности научных исследований» на заседании выступила и.о. зав. кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания (ОСИЯ) доц. Л.А. Чицова (Москва, МГУ, филологический факультет).

Важное значение в научной деятельности, по мнению Л.А. Чицовой, имеет четкое понимание соотношения понятий методики, метода и методологии. Именно методология находится в центре внимания докладчика, поскольку она формируется как совокупность научных принципов изучения познавательной деятельности человека в соответствии с социальными запросами общества, технологической базой исследований и с учетом предшествующих этапов развития наук. Следует осознавать

причины формирования и смены научных парадигм под действием указанных факторов влияния в прошлом, а также предвидеть новую научную парадигму в будущем при необходимости соблюдения преемственности знаний предшествующих эпох.

Л.А. Чиждова, на примере исторической смены научных парадигм в лингвистике, представила формирование антропологических принципов методологии в частном и общем языкознании с начала XX века по настоящее время. В ходе развития семиологии, науки о знаковых системах, что дало основание для формирования методик структурного анализа языков человечества, а также для объяснения системных изменений в языках при учете контактов народов и влияния социальных факторов общественного развития, естественно встает вопрос изучения речедетельности человека. Сложность поставленной задачи в психолингвистических и социолингвистических исследованиях определяется, во-первых, многообразием текстов и, во-вторых, необходимостью фиксации и объяснения речедетельности не только конкретного человека при анализе отдельного речевого акта, но также речедетельности социальной группы в целом. Таким образом, происходит смещение центра внимания лингвиста с языка на речь и речевую деятельность.

Докладчик предлагает проанализировать методологические принципы и используемые в лингвистическом анализе методики в свете научной парадигмы функциональной лингвистики с опорой на работы ученых Пражского лингвистического кружка – В. Матезиуса и С.О. Карцевского, а также на концепцию семиозиса Ч. Морриса, с выделением при анализе речевого акта семантики, синтактики и прагматики на примерах текстов устной, письменной, печатной словесности, а также текстов средств массовой информации в логосфере.

Результаты исследований вербальных текстов в рамках функционально-семиотической научной лингвистической парадигмы дают основание для развития таких разделов общего языкознания, как философия языка, психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и этнолингвистика.

Важность учета междисциплинарности исследований в условиях современного информационного общества ставит перед филологией задачи взаимодействия представителей гуманитарных и естественных наук, а признание несомненной важности изучения вербального текста как универсального средства самовыражения человека по сравнению с другими семиотическими кодами повышает роль филолога и филологии в формировании научного познания человека в антропоцентричной парадигме. В докладе также подчеркивается значимость достижений филологии в регулировании деятельности социальных институтов среднего и высшего образования в соответствии с принципами функционально-семиотической парадигмы.

С докладом «Несколько замечаний по поводу парадигм и функционализма» выступил д.ф.н., проф. В.З. Демьянков (Москва, Институт языкознания РАН). Он детально рассмотрел понятие научной парадигмы как совокупности принятых в научной среде моделей описания языка, а также привел образцовые примеры влияния харизматичных лидеров на развитие филологии. В.З. Демьянков специально остановился на анализе системы лингвистических терминов в соответствии с задачами функциональной лингвистики. Лингвистический функционализм рассматривается В.З. Демьянковым как структурно-функциональный анализ, с особым вниманием к вопросам описания психофизиологической деятельности человека.

Во второй части семинара выступили д.ф.н., проф. Н.В. Уфимцева (Москва, МГУ, филологический факультет) и д. полит. н., проф. М.В. Ильин (Москва, НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН).

В своем выступлении Н.В. Уфимцева остановилась на связи языка и культуры, на роли развития речевых навыков в формировании мыслительной деятельности личности. Проф. Н.В. Уфимцева особо подчеркнула необходимость усиления внимания к слову в системе образования.

Проф. М.В. Ильин подробно представил разнообразие научных подходов в функциональной лингвистике, предложил тематику дальнейшей работы семинара.

При подведении итогов заседания было принято решение сформировать редакционный комитет, который рассмотрит заявки, поступающие на сайт кафедры ОСИЯ, наметит план последующих заседаний, а также подготовит сборник докладов заседаний Методологического лингвистического семинара к публикации.

На заседании присутствовали сотрудники научно-исследовательских институтов и университетов Москвы и других регионов России.

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова приглашает принять участие в работе Методологического лингвистического семинара всех желающих для обсуждения методологических, методических вопросов частного и общего языкознания, проблематики научных лингвистических парадигм и других актуальных вопросов современной филологии.

Заявки для участия в заседаниях просим направлять в виде анкеты (см. **Заявка на участие**) по адресу: lingvsemosija@yandex.ru

Информация о заседании будет представлена на сайте кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ: <https://genhist.philol.msu.ru/>

**Заявка на участие
в работе Методологического лингвистического семинара
на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова**

Имя, отчество, фамилия (полностью)	
Город, страна	
Организация (полное название)	
Должность	
Ученая степень	
Ученое звание	
Домашний адрес с почтовым индексом	
Контактный телефон с кодом междугородней связи	
E-mail	
Форма участия: с докладом, без доклада	
Название доклада	-

Сведения об авторе:

Чижова Лариса Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. фак-тов
e-mail: lachizhov@yandex.ru

Для цитирования:

Чижова Л.А. Первое заседание Методического лингвистического семинара на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (2 марта 2023 года) // Вопросы психолингвистики №1(55) 2023, С. 15–153, doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-150-153

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2023-55-1-150-153

Survey article

**THE FIRST MEETING OF THE METHODOLOGICAL LINGUISTIC SEMINAR
AT THE FACULTY OF PHILOLOGY
OF THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY:
RESULTS AND PERSPECTIVES**

Larisa A. Chizhova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

© Chizhova L.A., 2023

Bionotes:

Chizhova L.A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General and Comparative Historical Linguistics, Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University

Contact information:

119991 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, bld. 51
e-mail: lachizhov@yandex.ru

For citation:

Chizhova L.A. The first meeting of the Methodological linguistic seminar at the Faculty of Philology of the Lomonosov Moscow State University: results and perspectives // Journal of Psycholinguistics. 1(55), 2023, P. 150–153. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-150-153 (in Russian)

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

1 - Принять без изменений.

2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).

3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).

4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.

5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекцией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекцией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Информация

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.pressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2023

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2023

© Авторы, 2023

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2023

© Lomonosov State University, 2023

© Moscow International Academy, 2023

© Authors, 2023

Подписано в печать 26.03.2023. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.12, Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru